

ISSN 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

7

1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

- ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ — 150
- НОДАР ЧОЛОКАВА. Стремление к высокому идеалу 3
- НАШИ ЮБИЛЯРЫ
- БАГРАТ ШИНКУБА. Всадник. Стихи. Перевод с абхазского Льва Гольдинова 16
- ПРОЗА И ПОЭЗИЯ
- РАМАЗ КОБИДЗЕ. Листья папоротника. Роман. Продолжение. Перевод Д. Владимирова 18
- ВАЖА ГИГАШВИЛИ. Охота на Чон-Таше. Документальная повесть. Окончание. Перевод Лианы Татишвили 52
- ГИВИ АЛХАЗИШВИЛИ. Мысленный диалог. Стихи. Перевод Ирины Мельниковой 93
- СУЛХАН КЕТЕЛАУРИ. Мужичок. Рассказ. Перевод Алины Вишневой 99
- АЛЕКСАНДР ТЕР-ГРИГОРЯН. Стихи 120
- МИЛЕНА ВОЗНЕСЕНСКАЯ. Стихи 126

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ. Дачник.

7

1987

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

✓ **ЖОБА ИМЕДАШВИЛИ.** Научимся любить . 127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

МАНАНА МОНИАВА. Акакий Церетели —
публицист 134

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ
ВАЛЕРИЙ КАДЖАЯ. Большевик, сын боль-
шевика 140

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛАДИМИР ХАРИТОНОВ. Нравственная сфе-
ра современного искусства 150

РЕЦЕНЗИИ

✓ **АННА ФАЛИЛЕЕВА.** Биография чувств . 160

✓ **ВЛАДИМИР ВАХТАНГАДЗЕ.** «На синем по-
роге» 163

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ
ЛЮДМИЛА РОССОХА. Свидетельствуют ар-
хивные данные 166

ГРИГОРИЙ КЕРЕСЕЛИДЗЕ. К истории соз-
дания «Воскресения» 193

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ДАВИД БАКАНИДЗЕ. Выполняя высокую
миссию искусства 196

ИСКУССТВО

ТАТЬЯНА ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ. Глас совести 201

В РУСЛЕ СЕГОДНЯШНИХ ТРЕБОВАНИЙ
«Поэзия прежде всего...» 214

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Литературная весна 218

ХРОНИКА 119, 133, 213, 217

Нодар ЧОЛОКАВА

СТРЕМЛЕНИЕ К ВЫСОКОМУ ИДЕАЛУ

Эстетический идеал в сфере художественного мышления складывается из образов передовых людей эпохи. Художественный образ того или иного произведения нередко совпадает с эстетическим идеалом. К примеру, персонажи Руставели — Тариэл, Автандил, Нестан и Тинатин — во всей полноте выражают представления автора об идеальном человеке своей эпохи. Взгляды Руставели на любовь, дружбу, верность, мужество, самоотверженность — отражение идеалов передовой части общества XII века. В последующие эпохи эстетический идеал меняется в соответствии с изменениями, происходящими в самом обществе.

К концу первой половины XIX века окончательно изживает себя феодальная формация, основывающаяся на крепостном праве. Этот фактор обусловил преобладание в грузинской литературе того периода социальных мотивов.

В то же время, начиная с XIX века, в связи с потерей Грузией государственной самостоятельности, в грузинской литературе основное место занимают национальные мотивы. Этими причинами и обусловлено характерное для творчества крупнейших представителей грузинской литературы той поры усложнение художественных образов, выражающих эстети-

ческий идеал. Для входящих в состав Российской империи народов, в том числе и для грузинского народа, национальные и социальные проблемы имели жизненно важное значение. Этим объясняется настойчивая потребность в поиске эстетического идеала, прослеживаемая в творчестве крупнейших представителей грузинского романтизма и критического реализма — Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели.

Особый интерес с точки зрения своеобразия художественных приемов и углубленного постижения эстетического идеала представляет творчество Ильи и Акакия 80—90-х годов. Зарождению принципов социалистического реализма в грузинской литературе предшествовал период дальнейшего развития критического реализма. Это особенно ясно просматривается в творчестве Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Для Ильи Чавчавадзе эстетический идеал не есть нечто застывшее, идеалы писателя периода крепостничества и более позднего, 80—90 годов прошлого века, значительно отличаются друг от друга, хотя во все периоды творчества определяющими были два основных фактора: что способно улучшить жизнь общества и каким путем можно избежать опасности национального вырождения, вызванного трехвековым периодом безудержной борьбы с завоевателями. Эстетический идеал Ильи Чавчавадзе следует рассматривать в аспекте именно этих основных проблем.

В 1958 году, в период учебы в Петербурге, Илья Чавчавадзе познакомился с поэмой Н. Бараташвили «Судьба Грузии». С этими годами совпадает первый период формирования мировоззрения Ильи, его эстетического идеала.

По мысли русских революционных демократов, эстетический идеал передовой русской литературы включает в себя понятие о самом совершенном человеке. Бальзак отмечал: недостаточно показать, что настоящее лучше прошлого, необходимо пробудить в человеке предчувствие будущего, которое будет прекраснее настоящего.

Эстетический идеал носит конкретный характер, он формируется в определенных исторических условиях и видоизменяется в соответствии с развитием общества. Это обстоятельство обуславливает многообразие эстетического идеала в художественной практике. Вторым фактором, обуславливающим это многообразие, является индивидуальность писателя.

Как известно, в Древней Греции идеальным человеком считался просвещенный человек, философ-мудрец; аристократия феодальной Европы идеалом считала героя-рыцаря, а на-

род — ремесленника; гуманисты же эпохи Возрождения выдвинули идеал гармонически развитой личности.

Илья Чавчавадзе с большим интересом следил за развитием европейской и русской литератур. Изучая его наследие, мы убеждаемся, что, творчески и критически осваивая достижения каждого мыслителя той или иной эпохи, он не забывал о традициях грузинского художественного мышления и в поисках эстетического идеала исходил из национальных требований. Илья хорошо знал творчество европейских и русских мыслителей, писателей, поэтов. Вспомним его отношение к эстетическим идеалам Льва Толстого, старшего своего современника. Ему казалась искусственной, неестественной концепция Л. Толстого, согласно которой спасение от бессмысленной, бессодержательной жизни — в труде, и надо приблизиться к земле, жить той жизнью, которой живет большая часть населения России — крестьяне, тогда и русская аристократия сможет производить материальные ценности. Примечательно и то, что среди персонажей самого Ильи Чавчавадзе — представителей аристократии — нет ни одного, кто выражал бы его эстетический идеал. Арчил и Кесо — лишь пассивные созерцатели жизни, они ни в коей мере не отвечают требованиям эстетического идеала Ильи Чавчавадзе.

Творчество И. Чавчавадзе обычно делят на несколько периодов. С уничтожением крепостничества заканчивается один из значительнейших периодов как в творчестве Ильи, так и в развитии всей грузинской литературы. На передний план выдвигаются другие проблемы, и литература частично меняет свое направление. Вспомним хотя бы отношение И. Чавчавадзе к двум величайшим европейским поэтам — Гете и Байрону. В «Записках путника» он вспоминает Гете и Байрона, сравнивая Казбек и Терек, и подчеркивает, что ему не по нраву Казбек, как бы стоящий в стороне от жизни: «Казбек напоминает мне великого Гете, Терек же — могучего и бесстрашного Байрона». «Записки путника» писались в годы, предшествующие отмене крепостного права, когда эксплуатация крестьян достигла крайнего предела. Естественно, идеалам молодого Ильи тогда отвечала больше бунтарская поэзия Байрона, нежели творчество какого-либо другого европейского или русского писателя. За год до «Записок путника» Илья пишет стихотворение «Поэт», в котором полемизирует с Гете («По божьей воле я пою, как птичка в поднебесье...»). Илья не разделяет гетевского понимания назначения поэзии и защищает мысль о том, что лирика, искусство прежде всего должны

служить народу («...Лишь затем дружу я с богом, чтоб вести людей к свободе...»).

В этот период создается целая галерея положительных образов (разбойник Како, Габро, Пепиа, Габриэл, священник), в которых отразился эстетический идеал писателя. Однако следует заметить, что ни один из названных образов не отвечает в полной мере эстетическому идеалу Ильи Чавчавадзе, который будет неполным, если не учесть национальной концепции писателя. Эстетический идеал европейских и русских писателей XIX века зиждется на социальных и политических противоречиях, обусловленных развитием общества того времени. Этот идеал, естественно, разделяет и Илья, однако решающее значение для него имеет национальное начало. И это можно понять, принимая во внимание тяжелейшее положение грузинского народа в XIX веке. Илья зорче других видел и болезненно переживал опасность вырождения нации. Он считал, что причина тому — паразитический образ жизни представителей привилегированного класса и колонизаторская политика бюрократического царского правительства. В одном из обозрений он писал: «Перед нами, грузинами, страшная пропасть, мы стоим на ее краю и достаточно слегка подтолкнуть нас, как мы окажемся в этой пропасти, исчезнем...»¹.

В начале шестидесятых годов, будучи еще совсем молодым, делая первые шаги на общественном поприще, Илья уже хорошо понимал положение грузинского народа. Ему было двадцать шесть, когда он писал в статье о «Сакартвелос моамбе»: «Наше дело — жизнь грузинского народа. Сделать ее лучше — наше первое и последнее желание».

Эта мысль в основном и определяет содержание эстетического идеала Ильи на всем протяжении его творческой деятельности. Герцен в статье «Развитие революционных идей в России» отмечал, что при крепостничестве люди живут в таких невыносимых условиях, что человек, не желающий мириться со своим положением, должен или взяться за ружье и стать разбойником или же уединиться в монастыре. Как не вспомнить тут героев произведений Ильи — Како, Закро, Габриэла, — которые, восстав против своих притеснителей, вынуждены податься в лес. Рядом с ними — благородная фигура священника из «Рассказа нищего», без которого трудно представить эстетический идеал Ильи Чавчавадзе. Это сло-

¹ И. Чавчавадзе. Полное собрание сочинений, Тб., 1954, т. 7, с. 305.

жный образ, в нем, помимо нравственных воззрений Ильи, нашли отражение и библейские заповеди и взгляды автора «Витязя в тигровой шкуре». Священник возлагает большие надежды на просветительские идеалы, он думает о лучшем устройстве земной жизни, забыв о своих личных интересах («Там, где добро — там чувствуется благодатная рука священника...»; «На земле не много таких, как он...»; «Он — путеводная звезда»). Люди вокруг удивляются тому, как в такой уродливой действительности мог появиться человек, сеющий только добро, и это так мало похоже на правду, что люди причисляют его к божеству. Вспомним слова отца Габро, обращенные к священнику: «Ты мой бог...».

Нет сомнения в том, что в образе священника в максимально полной мере выражается эстетический идеал Ильи, который верил, что после отмены крепостничества важная роль будет отведена просветительской и нравственной деятельности, способной изменить жизнь к лучшему. По убеждению священника, людям необходимо помочь, как помогал Христос. Когда человек отказывается помочь другому, он тем самым отворачивается от бога. Человек может утешать себя тем, что на этом свете ему не придется отвечать за свои поступки, но он должен знать — судный день не минует его. Вспомним слова священника: «Иисус сказал: в судный день я скажу вам — я испытывал жажду, вы не дали мне испить воды; был голоден — не накормили, был раздет — не дали мне одежду; болен — вы не ухаживали за мной. И когда мне возразят: «Всевышний, где же мы видели тебя и не помогли», — я скажу: «Всякий, кто нуждался и не нашел в вас поддержки, был — я».

Образ священника, в котором в той или иной мере проявился эстетический идеал И. Чавчавадзе, был этапным в его творчестве. Дальнейшее свое развитие он получает в поэме «Отшельник», которой завершается данный этап в развитии и определении эстетического идеала писателя. Еще Кита Абашидзе отмечал тесную связь между отшельником и священником. По его словам, «отшельник, по сути, тот же священник из «Рассказа нищего». Нельзя пройти мимо того факта, что некоторые критики пытаются доказать, будто «Отшельник» Ильи Чавчавадзе — своего рода сатира. По существу это — трагедия веры. Если мы увидим ту же связь между отшельником и священником, которую увидел Кита Абашидзе, тогда мы неизбежно придем к заключению, что трагедия отшельника состоит в осознании им бесплодности просве-

тительских и христианских идеалов, которыми жил священник в «Рассказе нищего».

После написания «Отшельника» в творчестве Ильи Чавчавадзе начинается последний период поисков эстетических идеалов, который нашел конкретное выражение в рассказе «Отарова вдова». Кита Абашидзе указал на духовное родство автора и главного персонажа рассказа. Он писал: «Я не буду касаться психологии автора, иначе я смог бы показать читателю, как родственен Илья Чавчавадзе типам, нарисованным им... Ко всему этому следует добавить ту внешнюю суровость (и в самом произведении), гордость и, если хотите, крутость характера, так превосходно обрисованные автором в «Отаровой вдове» — суровость, за которой скрывалось глубокое понимание своих прав и обязанностей, гордость, в которой отчетливо чувствуется сознание собственного достоинства и любовь к ближнему, крутость, не исключаящая доброты и человечности этого великодушного человека».

В произведениях этого периода прежние взгляды на эстетический идеал меняются. Правда, Илья не раз возвращался к вопросу о том, какой мрачный след оставило крепостничество в мышлении и быту людей. В «Шинаури мимохилва» («Внутреннее обозрение») газеты «Иверия» за август 1883 года писатель отмечал: в 40—50 годах «в нашем обществе царило такое затишье, что никто не мог представить себе, что его можно нарушить». По словам Ильи, период 40—50 годов был самым трудным в жизни грузинского народа, большая часть трудового народа — крестьянство стонала под ярмом крепостничества. Устаревшая система общественных взаимоотношений тормозила развитие творческих сил. Вот как характеризовал Илья этот период: «Одним словом, народ думал только о жизни тела, о том, что надо быть осторожным, где уж там думать о душе, не погибнуть бы телом». В стране в это время «...умножились такие люди, как Луарсаб Таткаридзе, сторонники обрусения заполонили нашу общественную жизнь и заняли все служебные ступени... Они думают только о чихиртме и бозбаши»¹.

Илья всегда подчеркивал, что отменой крепостного права не снимается стоящая перед человечеством самая жгучая проблема — проблема свободы человека. В статье «Девятнадцатый век» он писал: «Сегодня между бедняком и богачом,

¹ Названия блюд.

сильным и слабым — гораздо более резкая граница, нежели была когда-то».

Преобладание социальной проблемы в эстетическом мышлении Ильи Чавчавадзе отметил в своем интересном исследовании «Фаустовские парадигмы» профессор М. Квеселава: «Гетевская формула фаустовского идеала общественной жизни: свободный человек на свободной земле достигает новой ступени развития «в принципе свободы труда и радости труда».

Изменив в целом свои прежние взгляды в сфере эстетического идеала, Илья Чавчавадзе в «Отаровой вдове» все же остается верным некоторым из них. Он критически относился к своему классу, по его словам, представители аристократии, «высшее общество особенно в городе», «...к своему стыду... гнушались родным языком».

Не все ему нравилось и в крестьянстве. С уничтожающим сарказмом выступал он против тех представителей трудового класса, которые мирились с рабским положением. Идеал Ильи — человек с чувством собственного достоинства, гордый и самолюбивый. Как известно, этими высокими качествами писатель наделил Како и Закро. Те же черты проявились ярко и в образе Отаровой вдовы, который в полной мере соответствует эстетическому идеалу Ильи Чавчавадзе 80—90 годов.

Чем все-таки объяснить тот факт, что в определенный период своего творчества Илья Чавчавадзе воплотил свой эстетический идеал в образах не аристократов, как это делали величайшие представители революционного романтизма и критического реализма, а типичных представителей крестьянства? Вероятно, прежде всего демократизмом Ильи, тем, что он разделял и проповедовал самые передовые взгляды своего времени. В статье «Деятнадцатый век» он писал: «Одним из величайших достижений девятнадцатого века, между прочим, является то, что в это время окрепло, обрело крылья человеколюбивое учение, гласящее, что любой человек, на какой бы ступени он ни стоял, остается человеком и равно со всеми нуждается в утешении и сочувствии».

Илье Чавчавадзе как никому другому удалось воссоздать картину жизни Грузии второй половины XIX века, тяжелое положение народа. Вместе с тем он не ограничивался общей характеристикой этой стороны действительности, его более всего тревожил вопрос спасения народа. Для этого, естественно, необходимо было разобраться в сути национальных бед. Писатель видел, что трудности, вставшие перед грузинским

народом, отражали не те внутренние противоречия, которыми была отмечена общественная жизнь России. Вот почему Илья говорил: «Наш сегодняшний день требует и проповедует совсем другое... Возродить наше национальное достоинство и ограбить себя от неожиданных бед... А то, что это несчастье следовало ожидать и что сегодня оно не миновало нас — всем яснее ясного». Исходя из этого, Илья считал, что литература — основное средство в достижении общих национальных целей. С помощью образов, отражающих национальные идеалы, литература способна донести свои мысли не только до разума, но и до сердца читателя, направить национальную энергию к главной цели. В эстетическом идеале Илье виделись лучшие нравственные черты его современников, воплощенные в образах исторических героев. Потому-то и говорил писатель о «нравственном богатстве» каждой личности в отдельности и всего народа.

С развитием общества трансформировалась, совершенствовалась эстетическая концепция Ильи. Неизменной и непоколебимой оставалась вечная жажда служить отчизне, «по-прежнему служить тому, чему служим». В эволюции взглядов Ильи можно убедиться, сравнив написанное им в юности стихотворение «Горам Кварели» с произведениями более позднего периода. «Горам Кварели» — прекрасное лирическое стихотворение патриотического характера. В «Записках путника» же поэт затронул принципы, легшие в основу творческого кредо всей грузинской литературы. Устами горца-мохевца Илья говорит: «В настоящее время наша насущная задача — добиться того, чтобы в ближайшем будущем мы принадлежали самим себе». В существующих сложных условиях Илья Чавчавадзе нашел самый верный, единственно правильный путь сохранения национальной самобытности. Он, как и его великий предшественник Н. Бараташвили, не разделял пути, который избрали участники заговора 1832 года. Вот почему, выдвинув новую идею защиты традиций национальной культуры, национального освобождения и сохранения самобытности, он тем самым определил основные тенденции грузинской общественной мысли второй половины XIX в. Вспоминая о заслугах Ильи в этом деле, Константинэ Гамсахурдиа писал: «Есть что-то ужасное в том, что боль тысяч людей должен перенести один человек». Он считает, что Илья уже в 60 годы разработал основные принципы, которым должны были подчиниться и развитие общественной мысли, и деятельность национальных учреждений: «Есть слова, ко-

торые, как полевые маки, очень скоро — после двух-трехкратного употребления увядают и изнашиваются, но есть и такие, что, словно звезды судьбы, никогда не стареют. Такие нестареющие слова произнес Илья Чавчавадзе: «Мы должны принадлежать сами себе»¹. Мы не можем не согласиться и с тем соображением Константина Гамсахурдиа, согласно которому Илья был далек от мысли, что во всем нужно винить царское самодержавие. В февральском номере «Иверии» в «Шинаули мимохилва» Илья объяснял беды Грузии двумя основными факторами объективного характера. В первую очередь он, конечно же, имел в виду колониальную политику царизма, а второй, не менее важной, причиной считал разобщенность и равнодушие грузин к общенациональным и общественным проблемам: «У нас два основных недостатка. Один из них не зависящий от нас, и если даже мы будем биться головой об стену, все равно не избавимся от него, разве что от него избавятся все...». Второй недостаток, по мнению Ильи, обусловлен первым, но в основном носит самостоятельный характер. Грузины заботятся только о личном благополучии, совершенно игнорируя общенациональные интересы: «Что отучило наш ум, наше сознание, наше сердце думать о всеобщем? Что приковало наши глаза и наши уши к тому, что именуется «мое», а не «наше»? Для наших предков существовало сначала «мы», а потом уже «я», в противном случае мы бы вымерли», — писал Илья. Он со всей очевидностью показал, что только возрождение общенационального чувства, сознания, способно спасти от полного уничтожения народ, стоящий на краю «страшной пропасти».

Творческая деятельность Ильи и Акакия сыграла огромную роль в формировании общенациональных идеалов. Для этой цели они призвали на помощь предков, воскресили исторических героев, стряхнули пыль с обликов забытых патриотов и поставили их в пример своим современникам.

В образе Отаровой вдовы Илья сформулировал новые принципы построения характера персонажа, выражающие его представления о положительном идеале в новых условиях, сложившихся к 80 годам XIX века. Образ Отаровой вдовы существенно отличается от образов священника и отшельника. В основе житейских целей последних, в отличие от Отаровой вдовы, лежат преимущественно идеалы созерцательные.

¹ К. Гамсахурдиа, Полное собрание сочинений, Тб., 1957, т. VII, с. 243.

Изменение со второй половины 80 годов эстетического аспекта в образе положительного героя явилось логическим итогом еще более глубокого изучения жизни, реалистического осмысления меняющейся социальной действительности и общественного сознания. Не исключено и то обстоятельство, что на Илью оказали влияние все более усиливающаяся борьба пролетариата с самодержавием, идеи марксизма, которые писатель полностью не разделял, но знал достаточно хорошо.

Примечательно, что в одном из номеров «Иверии» 1885 года в «Шинаури мимохилва» Илья выступил со статьей, в которой не соглашался с библейским пониманием нравственного идеала. Он приводит строки из книги Екклесиаста: «Я Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме. И продал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!.. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их... И увидел я, что преимущество мудрости пред глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою... И сказал я в сердце моем: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» Потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь; потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем: ибо все — суета и томление духа!».

Здесь невозможно не вспомнить отшельника, который на основе собственных размышлений и практического опыта так же разочарован в жизни, как и библейский царь. Илья Чавчавадзе подходит к оценке мысли о предназначении человека с реалистических позиций в соответствии со своим представлением об эстетическом идеале: «Этот счастливец обладал всем, о чем только может мечтать человек. И неудивительно, что, насладившись и пресытившись всем, он считает, что все — суета сует. Спросили бы нас, смертных, жаждущих да не имеющих, добывающих все в поте лица своего ценой собственной крови и невыносимых мучений, и обреченных защищать и сохранять достигнутое ценой таких же огромных жертв, спросили бы нас, и мы бы ответили, в чем смысл существования, и тогда стало бы ясно, что есть зло и что есть добро. Соломону оставалось мечтать только о бессмертии... мы

же мечтаем о «хлебе насущном». Где нам до Соломона?» Затем Илья излагает свои взгляды о назначении человека, о его роли в общественной жизни: «Смысл жизни состоит в том, чтобы человек осознал, какое сейчас время: время плакать или время смеяться, время молчать или время говорить, время любить или время ненавидеть, время войны или время мира и многое, многое подобное, о чем говорил мудрый Соломон...

Я грузин и отвечаю на этот вопрос так: «Если время нам стрелой грозит, щитом должны мы защитить себя».

Если в августе 1883 года, характеризуя общественную жизнь Грузии 40—50 годов, Илья указывал на то, что тогда «народ мечтал только о выживании, заботился только о самосохранении, где уже было думать о душе, когда ему грозило физическое уничтожение» («Иверия», «Шинаури мимохилва»), то в январском номере той же газеты за 1892 год Илья уже с удовлетворением отмечал, что сделан первый шаг в пробуждении национального самосознания грузинского народа и что на данном этапе жизненно важное значение приобретают народнохозяйственные проблемы, создание материального изобилия, забота об отечестве и его защита. Илья с удовлетворением добавлял, что «в этом мире право на существование имеет только тот, кто опирается на собственную энергию, трудолюбие, вдохновение, кто, надеясь только на свои собственные силы, борется за существование и обретение достойного положения в обществе. Если не я сделаю что-то полезное для своего отечества, для себя, то никто этого не сделает — эта мысль проявляется теперь повсеместно с большей силой, чем когда-либо раньше».

В той же статье Илья еще более конкретно высказывается по этому вопросу: «В нас созрела мысль о том, что наряду с духовными ценностями должны существовать и ценности материальные, что духовное мужание должно сопровождаться упрочением экономического положения людей, что нация и страна, которые лишены одного или другого, похожи на одноногого человека и, будучи увечны, не смогут в нужном темпе преодолеть большие расстояния, не смогут ничего добиться, если на пути к успеху эти две всепобеждающие силы не будут действовать вместе и нераздельно».

Илья мечтал о том, чтобы грузинский народ вновь приобрел бодрость духа, стал трудолюбивым и чтобы эти лучшие человеческие качества крепили и развивались на благо отчизны.

Опираясь на эти принципы, Илья разработал новый эстетический идеал восьмидесятых годов. По его мнению, недостаточно только бодрости духа и желания трудиться, не на словах, а делом надо служить народу. Для того, чтоб сегодня человек отвечал требованиям идеала, необходимы и другие человеческие качества: «каждый человек, народ в целом рожден не для того, чтобы есть хлеб, а есть хлеб, чтобы жить по-человечески и заботиться о будущем своем».

Знакомя нас с главным персонажем рассказа «Отарова вдова», И. Чавчавадзе прежде всего отмечает, что семья Отаровой вдовы живет в достатке, она сама пашет, сеет, собирает урожай. Все удивляются, а вдова рассуждает так: «Где это видано, говорят все вокруг, чтобы женщина полола и пахала? Не видели, так теперь увидят... Я не безрукая...»

Отарова вдова — человек больших душевных сил, непреклонной воли, предельно сдержанный в проявлении своих чувств. Она бережлива, рассчитывает то, что может пригодиться в хозяйстве, а что остается — раздает сиротам да беднякам.

Илья Чавчавадзе подчеркивает, что мать с сыном не только сами трудолюбивы, но и не могут мириться с людьми ленивыми, равнодушными к судьбе других. Щедрая по своей натуре вдова, как истая христианка, всегда помогает беднякам, нищим, но в то же время корит их за леность. И. Чавчавадзе подчеркивает, что в существующих условиях в определенном окружении такие люди, как мать с сыном, кажутся странными.

В Отаровой вдове Илья Чавчавадзе подчеркивает еще одну черту характера, которой он придает особое значение. Это — бережное отношение к добру, нажитому собственным трудом. Она никогда не позарится на чужое, но и своего не отдаст, не простит несправедливости.

Характеры Отаровой вдовы и Георгия дополняют друг друга и создают единый, целостный образ, отвечающий эстетическому идеалу писателя. Поэтому слова Арчила, сказанные о Георгии, можно с полным правом отнести и к Отаровой вдове: «Я бы пошел к нему учеником. Что мы перед ним!.. И пусть он учит и воспитывает нас!».

Кита Абашидзе не случайно указывал на сходство характеров Отаровой вдовы и самого Ильи. Илья так же оберегал отчизну, как вдова — свой двор, так же заботился о лучшем будущем своего народа, как вдова — о материальном благосостоянии своей семьи, так же ограждал все прогрессивно-

грузинское от вторжения в него чужеродного, как вдова оберегала свой дом от насильников.

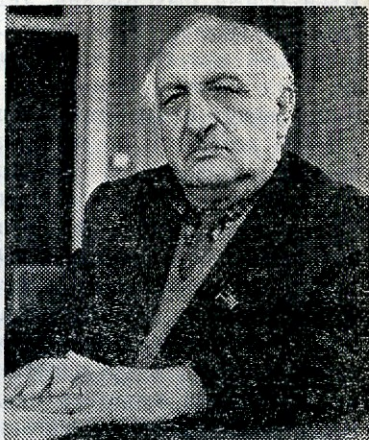
Если в период борьбы с крепостничеством Илья была близка бунтарская поэзия Байрона, то в 80 годы идеалам Ильи ближе фаустовский, гетевский принцип — «свободный труд на свободной земле». Оригинальное решение именно этой идеи дал Илья в произведении «Отарова вдова». Конечно, труд вдовы и Георгия не назовешь свободным, герои рассказа живут в классовом обществе, они представители угнетенного класса. В то же время вдова и Георгий — люди с сильным характером, твердым духом. Считая, что свобода личности в основном феномен, зависящий от характера и воли индивида, И. Чавчавадзе по существу нейтрализовал влияние социального фактора в «Отаровой вдове».

С гетевским аспектом эстетического идеала перекликается чавчавадзевская его трактовка, согласно которой лучшей доли достоин не только тот, кто хорошо трудится, но прежде всего тот, кто наряду с трудолюбием наделен способностью с такой же твердостью защитить плоды своего труда, с какой наши героические предки отстаивали свою отчизну. Поэма «Отшельник», — считал К. Гамсахурдиа, — это попытка оправдания душевного аристократизма». По его словам, «светлое чело отшельника отмечено высокими раздумьями, в его проклятиях жизни слышен гнев Ильи Чавчавадзе». А в «Отаровой вдове» дан образ будущей Грузии, в этом произведении воплотился выработанный долгими творческими поисками эстетический идеал. Указывая на то, что творческий путь Ильи, путь поисков светлого, яркого образа, выражающего его эстетический идеал, естественно, был отмечен пессимизмом, чувством некоторой безнадежности, сомнениями, К. Гамсахурдиа отмечает, что только в последний период творчества, «только в «Отаровой вдове» сверкает улыбка надежды, огражденный частоколом дворик Отаровой вдовы и ее забота о завтрашнем дне — это отражение той великой Грузии, которой не было вчера, нет сегодня, но которая будет, если нам суждено жить на земле, Грузии активной, динамичной, энергичной, Грузии труда и творчества».

Илья прекрасно понимал, что в неблагоприятных социальных условиях в ближайшем будущем невозможно достичь заветной цели, эстетического идеала, однако величие его разума заключалось в том, что он сумел создать немеркнущий образ Отаровой вдовы, который выразил неуклонное стремление грузинского народа к высокому идеалу, отвечающему самым передовым идеалам нашей эпохи.

Народному поэту Абхазии Баграту Васильевичу Шинкуба исполнилось 70 лет. Редакция и редколлегия журнала «Литературная Грузия» тепло поздравляют поэта со славной датой и присвоением ему почетного звания Героя Социалистического Труда, желают юбиляру долгих лет жизни, творческих успехов и крепкого здоровья.

Баграт ШИНКУБА

ВСАДНИК

В горах на коне я беспечно скакал,
И вился мой путь, как лоза, среди скал.
Но вдруг мой буланный споткнулся о камень
И с кручи едва не сорвался... Рывками
Катясь и подпрыгивая на бегу,
Пронзив облаков серебристых гряды.
Гремя и звеня

от удара копыт,
Осколок в бездонную пропасть летит.
И эхом разносится многоголосым
Вдогонку по грозно нависшим откосам:
— Что ж, всадник, ты так сгоряча оплошал?
Нельзя ошибаться в пути среди скал!
Коль скоро на Родину двинется враг,
Палящим огнем угрожая,

Неверным пусть твой не окажется шаг,
Скачи, поражений не зная.

Буре подобный, сквозь дым и огонь
К победе пусть всадника вынесет конь.
Но если споткнешься в пути ненароком,
Певяй на себя в сожаленье глубоком, —
Презрев безрассудно джигита обычай,
Ты недругу станешь нехитрой добычей.

Пока нависает опасность, грозя,
Джигиту в горах спотыкаться нельзя!
— Все так, — прорычала гора надо мной,

Оскала зубов заблестев белизной.

Вверху и внизу, впереди, позади,

Окрест раздалось громовое:

— Иди

И впредь никогда беззаботным не будь,

Пусть станет надежен наездника путь.

Тебе повинуюсь, и ловок и скор,

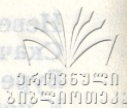
Пусть мчится горячий скакун среди гор.

Пусть накрепко каждый запомнит, друзья:

В горах никому ошибаться нельзя!

Перевод с абхазского Льва ГОЛЬДИНОВА

ЛИСТЬЯ ПАПОРОТНИКА

Р о м а н

— Так было. Знаю... Но теперь это не повторится. Арджеванидзе я не дам вам в обиду. Я не только уголь должен давать стране, но и инженера должен воспитать. Понимаешь? Нам не нужен уголь, добытый такой ценой. Отныне участок будет работать как положено, понял?

Одыбашев молчал.

— Понял... — наконец выдавил он из себя.

— Так вот, запомни как следует. Добытый таким способом лишний уголь мне не нужен. Джибраил родился в сорочке. Всякий раз, когда вы его подводили, ему помогала его звезда, та самая счастливая звезда, под которой он родился. А под какой звездой родился Арджеванидзе, я пока не знаю. И я не дам вам права заниматься авантюрами. Все! Ну как, останешься на участке или уйдешь?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Скажи, остаешься на участке или уходишь?

— Куда я должен уйти?

— Ты найдешь куда. Вот только не знаю, возьмут ли тебя...

— Я не собираюсь уходить. Я и не думал...

— Серьезно?

— Конечно.

— Очень хорошо. И я не хотел бы, чтоб ты ушел. Хотя...

— Что?

— Ничего. Я тебе не напрасно сказал: женись.

Продолжение. Начало в № 6.

Может быть, попадетсЯ тебе милосердная жена и отучит тебя чужими руками жар загребать, втолкует тебе, что ради пяти или десяти рублей не стоит пачкаться. Стыдно, Одыбашев! Если хочешь, можешь уходить! Сейчас же уходи! Я пошлю на шахту вместо тебя Булатова, и он будет работать. Даже лучше тебя!

— Я не хочу уходить, батона Сардион! Ну чего вы взъелись на меня?..

— Знай, на участке ничего не изменится, как сейчас работаете, так и будете работать.

— Знаю... Какое это имеет значение!

— Не знаю, для кого что имеет значение... Но будет так. Вот что я хотел тебе сказать. А теперь, как договорились, я слушаю тебя.

— Мне нечего сказать.

— Тогда давай прощаться.

Одыбашев вышел и осторожно прикрыл за собой дверь.

Сардион долго сидел нахмурившись и думал о своем разговоре с Одыбашевым. Гриша испугался и отступил. Это ясно. Но надолго ли? Никакой гарантии, что бригадир монтажников сдержит свое слово, у Сардиона не было. А если он все же уйдет и уведет с собой бригаду? Что тогда? Не посылать же в самом деле на шахту Сашу Булатова? Может быть, по-хорошему договориться с этим рвачом? Нет, не может Сардион так работать, не привык темнить. Лучше сразу же поставить все на свои места.

Беседа Сардиона с Гришей Одыбашевым принесла неожиданный результат, во всяком случае для Сардиона.

Когда гнев схлынул и Сардион успокоился, пришло беспокойство. Он пожалел о происшедшем, о том, что не сдержался, был резок с Одыбашевым. Конечно же, Гриша ни за что не останется на участке. Но уже ничего не поделаешь, как говорится, слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Ничего не оставалось, как просить Сашу Булатова взять на себя обязанности бригадира, тем более, что все монтажники были его учениками. Булатов пользовался на шахте абсолютным авторитетом, мог любой агрегат собрать и разобрать с закрытыми гла-

зами. Он быстро наладил бы работу и, вероятно, без труда сам подыскал бы себе замену.

Через несколько дней после разговора с Одыбашевым Сардион, встретив Булатова в коридоре, остановил его, похлопал по плечу и пожурил за то, что тот совсем забыл старого друга. А ведь он мог бы зайти к нему как прежде, посидели бы, поговорили, как в доброе старое время. Булатова это совсем не удивило. Они с Сардионом в самом деле были старыми друзьями и не раз сживали вместе за столом. Булатов пообещал зайти, посетовал на то, что жене совсем не до него, возится все время с внуками, а ему по вечерам порой так тоскливо, что хоть вой от скуки. Сказав это, он пожал Сардиону руку и поспешил куда-то по своим делам. Сашу Булатова никто не видел идущим по улице не спеша, степенно. Он всегда куда-то спешил.

Дни шли за днями, а Булатов не приходил к Сардиону. Не появлялся и Гриша Одыбашев с заявлением об уходе с работы. Что бы это значило? Почувствовал, что Сардион собирается назначить Булатова и его уход никак не отразится на работе участка? Или же пока не решил куда идти? А быть может, заговорила в нем совесть. Этого не знал никто. Но спустя две недели после встречи с Сардионом, Одыбашев собрал монтажников в одном из забоев и обратился к ним с вдохновенной, проникновенной речью.

— Все мы знаем, — говорил бригадир монтажников, — что наш участок работает сейчас не так, как при Джибраиле, но на это есть свои причины. Новый начальник участка, вы это прекрасно видите сами, человек хороший, достойный, заслуживающий уважения. Давайте и мы единодушно поддержим его, не станем подводить. К чему гнаться нам за копейками, которые мы имели при Джибраиле? Если мы будем работать рука об руку, то вернем нашему участку былую славу.

Монтажники не верили своим ушам. Эти пламенные слова произносил тот самый Гриша Одыбашев, который уже несколько месяцев изводил всех бесконечным ворчанием, жалобами на то, что работать им приходится больше, а зарабатывать меньше, и что такая жизнь его не устраивает.

— Что вы молчите? — удивился Одыбашев. —

Можно подумать, я предлагаю вам что-то из ряда вон выходящее! Что плохого в том, что я сказал?

— Конечно же, ничего!

— То, что ты предлагаешь, прекрасно, лучше и быть не может!

— Давно бы так!..

— Теймураз и впрямь золотой парень. Вы его еще недостаточно знаете.

— С чего ты взял?

— И когда это было, чтоб мы гнались за копейками?

— Трудно распознать плохого человека. Плохой человек хитрит, юлит, притворяется, а хороший весь на виду, его сразу видеть.

— Тогда по рукам! — Одыбашев решительно встал. — Отныне работаем как положено.

С этого дня никто не слышал ворчания Одыбашева или кого-либо другого из его бригады. Все стало на свои места.

* * *

Несколько месяцев назад, когда так несправедливо, не посчитавшись ни с авторитетом, завоеванным многолетним добросовестным трудом, ни с его добрым именем, Джибраила Хелтуплишвили сняли с работы, ему подумалось, что в жизни ему приходилось несладко, она довольно часто била его, но эта обида, наверное, самая горькая, самая унижительная. А после того, как Каимамишвили на собрании оболгал его, убедил всех, что обиженный на своих прежних начальников Джибраил пытается выместить злость на новых товарищах и потому строит козни против него, Митуши Каимамишвили, Джибраил понял, что очень трудно определить, когда и за что судьба нанесет самый страшный удар.

С собрания Джибраил ушел ошеломленный. С шахтерами, с теми, из-за которых пришлось все это пережить, он даже не попрощался. Всю дорогу, пока старый, расшатанный автобус трясся по узким улочкам, Джибраил стоял не шевелясь у задних дверей, смотрел на проплывающие мимо дома, но ничего не видел. Он не помнил даже того, как вышел из автобуса — позже он вспомнил, что даже не купил би-

лета, — и пошел по мостовой. В голове вертелась только одна мысль: только бы Иринэ не заметила ничего и не догадалась, что с ним стряслась новая беда, что его, Джибраила, гордого, сильного Джибраила, несколько минут назад отчитали как мальчишку. Прежде, как бы тяжело ни приходилось, ему всегда удавалось отбросить неприятные мысли и возвращаться домой бодрым и веселым, а теперь?..

К счастью, Иринэ не было дома, на кухонном столе лежала записка: «Гогутуну я повела на день рождения подружки, стол накрыт, пообедай и отдыхай, мы скоро придем, и если ты не очень устал, мы вечером немножко позанимаемся».

Иринэ постоянно думала об этом проклятом аттестате!

Джибраил тяжело вздохнул, пошел в ванную, умылся и вернулся на кухню. На столе он нашел мчади, грузинский хлеб, в миске чахохбили, сыр, зелень и в маленьком хрустальном кувшинчике «Оджалеши», которое так любил. Но он даже думать не мог о еде. Он налил немного вина, выпил. Какое-то время неподвижно глядел в окно, потом вышел, прошел в свою комнату и прилег на тахту. Мысли, одна тяжелее другой, одолевали его.

На этой шахте Джибраил был новым человеком. Шахтеры не знали его, и, наверное, многие поверили в то, что болтал о нем Каимамишвили. Тем более, что Джибраил растерялся, как ребенок.

Как же ему быть теперь? Может, уйти из шахты, перейти на другую работу? Тогда все убедятся в том, что Каимамишвили был прав, что он вовремя разгадал козни Джибраила и тот вынужден был покинуть участок. Джибраил и в самом деле мог приобрести репутацию интригана или неудачника, и эта характеристика сопровождала бы его всюду, куда бы он ни пришел.

Но и оставаться на участке он не мог. Джибраила прямо-таки бросало в жар при мысли, что завтра утром он должен получить от Каимамишвили наряд и спуститься в шахту. Джибраил воочию представил себе, как захихикают Каимамишвили и его дружки, когда он выйдет из нарядной, и от злости заскрежетал зубами. А ведь они знали, что Джибраил абсолютно прав, и все же смогли убедить всех в обратном. От-

ныне, если он собирается оставаться на этом участке, он должен молча все терпеть. Но не таков Джибраил, он ведь никогда не мирился с несправедливостью. Единственный выход — и в самом деле собрать вокруг себя шахтеров, которых Каимамишвили и его дружки притесняли, и открыто рассказать о безобразиях, творимых на участке. Но это очень трудно сделать.

Директор шахты и трест были довольны работой Каимамишвили, и Джибраилу действительно было бы очень трудно бороться с ним. Да еще неизвестно, будет ли Каимамишвили и впредь вести себя так, как раньше? Если у него есть хоть немного ума, он должен на время затихнуть. К тому же, еще неизвестно, насколько шахтеры, недовольные им, будут отстаивать свои права.

Смогут они вместе с Джибраилом бороться до конца? Кто знает?.. Каимамишвили держал в своих цепких руках весь участок, сегодня он мог умиловить одного, а завтра другого, и может случиться, что все отвернутся от Джибраила.

Кроме того, допустим, что все они честные и мужественные люди и доведут дело до конца, но причем тут Джибраил, неужели он пришел на эту шахту для того, чтоб навести здесь порядок? Сейчас Джибраил мечтает только о спокойной жизни и ни о чем больше!..

Но отступать было уже поздно. Джибраил то ли в силу своего характера, то ли волею судьбы оказался втянутым в ту невидимую глазу борьбу, которая исподволь разгоралась на шахте.

Джибраил не находил себе места и метался, словно зверь в клетке, между своей комнатой и кухней. Как он нуждался сейчас в ком-нибудь, кто мог бы успокоить его, подсказать, как ему быть.

* * *

Врачи городской больницы считали состояние Герасимэ Цнобиладзе безнадежным. Держать старика в больнице не имело смысла. В восьмиместной палате лежало одиннадцать человек. Их родственники, ухаживающие и посетители не умещались в палате. Серапион Чикваидзе, главный врач больницы, посовето-

вал забрать Герасимэ домой — там ему будет спокойнее. Прощаясь, Серапион отвел в сторону старшего сына Герасимэ и сказал ему, что, конечно, врачи и дома будут навещать больного, но что скрывать, о выздоровлении не может быть и речи, речь идет о месяце-другом... Что бы он ни попросил, ни в чем ему не отказывайте, сказал он напоследок.

От Герасимэ тщательно скрывали диагноз. А его он как будто бы и не интересовал. Навещали больного каждый день. В передней комнате всегда сидели люди, негромко разговаривали, часто вздыхали, тем самым еще больше угнетали близких.

Старик таял на глазах. Ему все труднее и труднее было дышать, ничего уже не интересовало. Единственно, что его радовало и хотя бы на время возвращало силы, — это приход Теймураза. Герасимэ, казалось, забывал о болезни, поправлял подушку, закладывая за голову худые обессиленные руки, слабо улыбался Теймуразу.

— Спасибо, сынок! Не забываешь старика, спасибо! Присядь, пожалуйста... Если голоден, скажи, не стесняйся.

— Спасибо, батона Герасимэ! Ничего не нужно. Я только что пообедал.

— Пообедал?.. Неужто в нашей столовой можно вкусно поесть? Когда ты собираешься навестить меня, то не обедай, хорошо? Мне будет очень приятно, да и у жены с детьми появится забота, а то они совершенно раскисли с моей болезнью. Забывают, что все мы смертны.

Старик дышал часто и с трудом.

— Нашли время говорить о смерти...

— Самое время, дорогой мой! То, что я умираю — это я прекрасно вижу, только вот от чего, никак не могу понять. Вы или скрываете что-то от меня или сами ничего не знаете. Да какое это имеет значение! Расскажи-ка лучше, что у вас делается, как вы там?

— Ничего, живем помаленьку...

— Гриша Одыбашев, представляешь, чуть ли не ежедневно здесь, даже икру приносит, всякие там деликатесы... Ну кому все это нужно?

Герасимэ закрыл глаза и затих.

В комнату вошла старшая невестка Герасимэ Лиана. Говорили, что она особенно остро переживает болезнь старика, что даже родная дочь не отдавала бы отцу столько сил, сколько она. Лиана занесла поднос с едой, поставила его на маленький круглый стол, который придвинула к Теймуразу.

— Угощайтесь, пожалуйста.

— Спасибо! Не беспокойтесь.

Лиана пытливо взглянула на Герасимэ, который лежал не шевелясь, с закрытыми глазами, и вышла.

— Угощайтесь, Теймураз! — не открывая глаз, произнес Герасимэ.

— Спасибо... — Теймураз взял кусок хачапури, хотя ему вовсе не хотелось есть.

— Ну и дела! — Герасимэ открыл глаза. — Представляешь, а мне уже ни хачапури не хочется, ни вина. Каково, а?.. А ты ешь, сынок, ешь... Дай бог тебе крепкого здоровья и долгих лет жизни... А ведь и я немало прожил... Но когда оглядываюсь, вижу, что ничего не успел сделать. Жизнь коротка, дорогой мой Теймураз! Очень коротка... Знаешь, что-то страшное происходит со мной. Когда я, бывало, уезжал в отпуск, к примеру, в Цхалтубо или еще куда-нибудь, я сажал перед собой жену и детей и поручал им тысячу вещей. Это сделаете так, а это этак. Сейчас же... А впрочем, что поручать? Жизнь сама распорядилась... Только... вот ты остался у меня неженатым, а? — И Герасимэ вновь едва заметно улыбнулся. — Так никто и не запал в сердце?

— Как сказать... Пока, кажется, никто.

— А Гогола Хомасуридзе?..

У Теймураза дрогнуло сердце. Все эти дни и ночи напролет думал он о Гоголе и не знал, как избавиться от этого наваждения. Гогола обещала прийти, но не пришла. С того дня они не видели друг друга. Но как старик узнал об этом!

Герасимэ пытливо смотрел на Теймураза.

— Не нравится, а?.. — повторил он.

— Я...

— Нет, сынок, — Герасимэ тяжело вздохнул. — Гогола тебе не пара.

Он замолчал, прикрыл глаза и снова часто задышал. Теймураз собрался встать и позвать кого-нибудь.

Но Герасимэ открыл глаза и рукой указал Теймуразу, сиди, мол, не надо никого звать.

— Утомил я тебя стариковскими разговорами!.. Герамисэ ослабшей рукой поправил подушку под головой. — Иди, сынок. Разве я не знаю, какое это наказание сидеть у постели умирающего старика. Не стесняйся, иди. Позже, если надумаешь повидать, приходи. Может, еще и застанешь... Что-то раскис я, не дело это. — И вновь слабая, едва уловимая улыбка промелькнула на его лице.

— Я никуда не спешу, дядя Герасимэ.

— Тогда — посиди. Поговорим еще...

На следующий день, в полдень, подходя к дому Герасимэ, Теймураз услышал крики и душераздирающий плач женщин.

* * *

Было около двенадцати часов, когда Теймуразу послышался осторожный стук в дверь. Сердце у него замерло — он догадался, что это Гогола.

Тихий стук повторился. Теймураз подошел к двери и открыл ее. На Гоголе было синее платье в белый горошек с белым кружевным воротничком, оттеняющим голубизну ее глаз. Гогола так спокойно, даже, казалось, равнодушно прошла в комнату, словно приходила к Теймуразу уже не однажды. Сев на стул возле стола, она вновь с необъяснимым Теймуразу спокойствием посмотрела на него, потом отвела взор и стала разглядывать комнату. Легкое, едва уловимое волнение чувствовалось разве только в том, что Гогола была бледна и чуть-чуть морщила лоб. Столь долгожданная, столь желанная для Теймураза, она в эту минуту находилась за той самой гранью, которую ему необъяснимо трудно было переступить.

Неловкая, гнетущая тишина нависла над комнатой.

— Не верю своим глазам... — спустя некоторое время смог вымолвить Теймураз.

Гогола едва заметно пожала плечами, тяжело вздохнула, но ничего не сказала.

— А вдруг он... — Теймураз даже не чувствовал,

что этим вопросом он унижает себя, настолько силен был страх за Гоголу.

— Боишься? — неожиданно улыбнулась она.

— Я?.. Ты не так поняла меня...

— А если он накинется на тебя? — Гогола вновь улыбнулась ласково, даже как-то по-матерински.

Теймураз подошел к кровати, сел, посмотрел на Гоголу мрачно, исподлобья.

— Я боюсь другого... Что ты...

— Зачем сейчас говорить об этом!.. — Гогола удивленно подняла брови.

Теймураз обреченно кивнул головой. Он еще не пришел в себя от растерянности и неожиданности. Он даже не посмел встать и закрыть дверь, чтоб не обижать ее, не мог даже закурить...

Молчание длилось долго. Но вот Гогола взглянула на дверь, перевела взгляд на Теймураза.

— Закрыть? — Теймураз встал.

Гогола отвела взгляд, опустила голову. Когда она подняла голову, то в ее взгляде уже не было спокойствия, в ее огромных голубых глазах пылал огонь.

Теймураз вскочил, запер дверь и погасил свет.

Едва рассвело, Гогола стала собираться. Она одевалась с привычным спокойствием. Надела платье, причесалась, потом села на кровать.

— Ты пока не вставай.

У Теймураза опять на кончике языка вертелся вопрос, где же ее муж и как она собирается с ним встретиться. Гогола наклонилась, поцеловала его и встала.

— Не ищи со мной встречи. Я сама приду к тебе.

Она вышла и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Теймураз не мог не понимать, как много он потерял со смертью Герасимэ Цнобиладзе. Старый опытный шахтер, лучший мастер своего дела, Герасимэ даже во время болезни был в курсе всех дел на участке. То один начальник смены приходил к нему посоветоваться, то другой, то третий... Не раз приходил к нему и Теймураз, спрашивал совета. А до болезни Герасимэ Теймураз ничего не делал, не посоветовавшись с ним. А уж о том, что молодого, не имеющего никакого опы-

та работы инженера шахтеры признали «своим», уважали и поверили, несомненно была заслуга прежде всего Герасимэ. Они понимали, что Герасимэ просто так, необдуманно не доверит кому бы то ни было свою жизнь и жизнь других шахтеров, не могли не видеть, что он считался с «этим мальчиком» и всегда при малейшей возможности старался подчеркнуть рабочие и человеческие качества нового инженера — ум, смекалку, трудолюбие, скромность, доброту. Доверяя, в первую очередь, Герасимэ, шахтеры во всем поддерживали Теймураза, старались помочь ему привыкнуть к нелегкой, полной опасности жизни шахтеров.

Герасимэ не стало. И на участке не было никого, кто бы мог заменить его. Об Антимозе Чахунашвили не могло быть и речи, Архипо Цалуглишвили опытный шахтер, но человек мягкий и даже застенчивый. Гриша Одыбашев вконец распоясался, того и гляди в открытую пойдет против Теймураза и найдет немало единомышленников не только среди монтажников. Теймураз, конечно же, знал, что при Джибраиле у шахтеров заработок был выше, а деньги обладают силой, которая способна подчинить душу и тело человека.

В том, что ему поможет Сардион, Теймураз не сомневался, но до каких пор его, человека уже самостоятельного, человека, который сам в ответе за судьбы других, будут опекать! Кроме того, по закону начальник шахты не имеет права вмешиваться в технологический процесс, к которому имеет непосредственное отношение главный инженер. И еще — захочет ли Сардион после решения бюро райкома столь же активно помогать участку, как он это делал раньше? В конце-то концов он, Теймураз Арджеванидзе, инженер и начальник участка, и пусть изволит руководить так, как положено. Не сможет? Тогда...

Теймураза бросало в жар при мысли о том, что может случиться тогда. Придется распрощаться с должностью начальника участка, выдержать злобные насмешки врагов и недоброжелателей (такие всегда найдутся, ну хотя бы тот же Одыбашев и ему подобные) и начинать все сначала. Что ж, он не гордый, он возьмет в руки лопату и будет работать простым уборщиком. Но что скажут люди, куда деваться от позора?! Не лучше ли было начинать простым рабочим?

Чем больше думал Теймураз, тем больше злился на Сардиона Рачвелишвили. Сам Теймураз был целое-веком неопытным, как говорится, зеленым, не сознавал, что делает, но о чем думал Сардион, когда назначал его начальником такого огромного участка?

С тяжелым сердцем пошел в то утро на работу Теймураз Арджеванидзе. Но бог, видать, был милостив к нему, на участке было спокойно. Третья смена уже выполнила план, шахтеры же первой смены, получив задание, спустились в шахту. В нижнем забое сегодня намечено обрушить кровлю.

* * *

В министерстве угольной промышленности республики наконец-то вняли просьбе Акакия Нишнианидзе и разрешили ему выйти на пенсию, но с условием, что он назовет кандидатуру человека, который сможет заменить его. Акакий Нишнианидзе позвонил Лонгинозу Пеикришвили.

— Лонгиноз, можешь поздравить меня!

Лонгиноз знал, что Акакий давно мечтает уйти на покой, однако из года в год ему отказывали.

— С чем?

— Наконец-то мне улыбнулась пенсия!

— Разве это повод для поздравлений? Неужели тебе хочется покоя?

— Эх, мой дорогой Лонгиноз! Невольно уймешь прыть, если у тебя подагра, радикулит, соли, полиартрит и, разумеется, астма. Нет, братец, я чувствую, что мне давно пора на заслуженный отдых.

— У тебя и в самом деле столько болячек или ты преувеличиваешь?

— Будто ты не знаешь этого! А тут еще и старость подошла, силы не те... В прошлом году общий план по каменному углю составил 102 процента, по себестоимости 107, по производительности труда, дорогой мой Лонгиноз, 104 процента... Прибавь к этому качество угля, жилищное строительство и так далее и тому подобное! Нет, с меня хватит, силы не те, пора и отдохнуть.

— Дадим мы тебе отдохнуть, дадим, но...

— Знаю, что тебя беспокоит.

— И я знаю.

— Ну?

— Ты предлагаешь кандидатуру Сардиона,

— А у тебя есть лучше?

— Никого... Лучше Сардиона! А как быть со второй шахтой?

— Гурасашвили?

— Хм!..

— Спокойный, рассудительный...

— А?..

— Предусмотрительный...

— На шахте спокойствие не всегда годится. Иногда и воспарить не мешает!

— Разумеется! Особенно, когда обрушивается кровля, верно.

— Слушай, может быть, зайдешь, побеседуем...

— С удовольствием.

Не прошло и десяти минут, как Нишнианидзе был уже в кабинете Пеикришвили. Лонгинос обнял друга, усадил на диван и сам присел рядом. Так они и порешили: на место Акакия Нишнианидзе управляющим трестом рекомендовать Сардиона Рачвелишвили, а начальником второй шахты — Кахабера Гурасашвили.

— В Тбилиси согласятся с назначением Гурасашвили?

— Думаю, что да.

— Стало быть, нам не о чем беспокоиться.

На следующий день Пеикришвили вызвал к себе Сардиона.

— Как жизнь, дорогой Сардион?

— Помаленьку...

— Догадываешься, почему вызвал тебя?

— Весь город знает об этом.

— Ну и что скажешь?

— Я не согласен.

— Почему?

— Это долгий разговор.

— Все же?

— Мне самому скоро на пенсию. И придется искать нового управляющего трестом. Благодарю за заботу.

— Да ничего, как-никак человек человеку друг и брат.

— Спасибо, друг, спасибо.

941935940
3032010033

- Не стоит.
- Кто тебе сказал, что тебе пора на пенсию?
- Я так думаю.
- Хм! Скажи: у тебя подагра?
- Нет.
- Астма?
- Нет.
- Радикулит?
- Да.
- Ревматизм?
- Да.
- Полиартрит?
- Нет.
- Тебе, братец, можно позавидовать, ты здоров как бык. Давай о ревматизме и радикулите говорить пока что не будем! Решим так, Сардион: ты примешь трест, шахту передашь Гурасашвили, и лет пять, а может быть, и семь будем жить спокойно — и вы, и я. Ну как, по рукам?
- А меня нельзя повышать в должности.
- Это еще что за новости?
- Недавно не здесь ли получил я выговор?
- Это ничего. Мы тебя назначим и предупредим, чтобы ты учел прошлые ошибки в подборе кадров.
- А меня вы ни о чем не спрашиваете?
- Ни о чем.
- Стало быть, мне некуда деваться. Остается только согласиться.
- Большое спасибо!
- Не стоит.
- Эх, дорогой Сардион, ты-то будешь хорош на месте Акакия, знаю. А вот как проявит себя Гурасашвили, не знаю. Может статься, и он заупрямится. А что делать? Пора, давно уже пора Акакию на заслуженный отдых, мы-то лучше других знаем, какой он больной человек, а держался молодцом, ей-богу.
- Ну уж, если ты и бога вспомнил, то Акакию и в самом деле, видать, надо на отдых.
- А я о чем твержу?

Гогола не появлялась на шахте почти десять дней, и все знали почему. Шахтеры старались не смотреть на Теймураза, избегали его, даже те, кто еще вче-

ра считали его другом и братом. Утром в нарядной шахтеры встретили Теймураза таким гробовым молчанием, а кое-кто переглянулся так многозначительно, что Теймураз невольно почувствовал себя виноватым. Он распределил работы так, что ни разу не поднял головы.

Антимоз Чахунашвили поспешил рассказать всю эту историю Сардиону Рачвелишвили. Он давно уже пытался наладить отношения с Сардионом, тем более, что на шахте носились упорные слухи о его повышении. «Не стоит портить отношения с таким человеком, — думал Антимоз, — кто знает, когда и в чем он мне пригодится».

Сардион ушам своим не поверил.

— Послушай, а говорили, что Гогола вышла замуж и угомонилась?

— Вышла замуж и угомонилась, батоно Сардион. Какая это была семья, всем на зависть! Но если городской парень ухаживает за деревенской девушкой...

— Хм!

— Мдаа...

— А где был муж?

— Он в ту ночь дежурил... Чем все это кончилось, вы уже знаете. Говорят, муж чуть было не убил ее, бедняжка вся в синяках...

— Хм!..

— Разве это дело? Мало ли что он образованнее других...

— Хорошо, хорошо... Не будем об этом...

* * *

Весть о том, что Сардиона назначают управляющим, Теолине восприняла спокойно. Она давно уже привыкла к мысли, что рано или поздно это должно было произойти. Менялось ли что-то в их жизни? Пожалуй, ничего, кроме того, что самому Сардиону будет спокойнее, нежели тогда, когда он был начальником шахты. Никто не разбудит его среди ночи с вестью о том, что в забое прогнуло верхняк или же кровля разгулялась.

Сардиону оставалось сделать на шахте только одно дело — найти человека на должность главного инженера шахты вместо Кахабера Гурасашвили. Пона-

чалу он подумал, что перейдя в трест, в одном из отделов подберет молодого инженера. Но надо заметить, что к инженерам, работающим в трестах и управлениях, Сардион относился с недоверием: они не знают живого дела и часу не выдерживают под землей, не говоря уже о том, что не имеют опыта общения с шахтерами. Поразмыслив, он отказался от своего первоначального замысла, стал искать подходящую кандидатуру среди инженеров своей же шахты и обратил внимание на Гедеона Хазарадзе, приехавшего из Кутаиси восемь лет назад. Это был немногословный, скромный молодой человек, высокий, худой и потому несколько сутулый, не по годам задумчивый. И еще одна черта выгодно отличала его от многих его напарников — он очень любил книги. На второй же день после приезда он записался в библиотеку, и в то время, когда соседи по комнате в общежитии веселились в меру своих возможностей, он устраивался в коридоре и читал не поднимая головы.

Начал он работать на маленькой должности, восемь месяцев проработал начальником смены, а там перевели его на должность начальника подготовительного участка. Очень скоро он завоевал на шахте репутацию знающего, осмотрительного и достаточно инициативного специалиста. С подготовительного участка его перевели на должность заместителя главного механика, а вскоре — начальником вентиляционной службы. Здесь он проработал три года, не допустив ни одной серьезной ошибки. Спустя время Сардион перевел его на должность заместителя начальника производственного отдела, как говорится, с дальним прицелом на то, что вскоре он примет этот отдел, заменит постаревшего Дмитрия Эгашвили. Более подходящего человека на должность главного инженера Сардион не знал, и неудивительно, что остановил свой выбор именно на нем.

Особенно импонировала Сардиону одна черта в Гедеоне: он никогда не допытывался, почему его переводят с одной должности на другую, одинаково добросовестно относился ко всякой работе. Случалось, что его переводили и на должность менее оплачиваемую (к примеру, став начальником вентиляционной службы, он потерял в месяц двадцать пять рублей),

но и тогда он не пытался выяснять обстоятельства, работал с таким же старанием, как и раньше. «А что тут удивительного, — злословили некоторые, — он одинок, ни жена его не беспокоит, ни дети не плачут, для чего ему деньги? А то, что он получает, на книги ему хватает. Посмотрим, как он запоет, когда женится».

«Лучшей кандидатуры я не найду, — решил Сардион. — Лишь бы он не засомневался в своих возможностях. Если замечу, что сомневается или боится, не стану настаивать».

Поздно вечером Сардион вызвал к себе в кабинет Гедеона. Через несколько минут Гедеон бесшумно приоткрыл дверь кабинета, остановился в дверях и вежливо поздоровался.

— Входи, входи, Гедеон! — позвал его Сардион. — Как поживаешь?

— Спасибо,

Сардион усадил Гедеона на диван и сам присел рядом, заметив, что Гедеон смотрит на него внимательно и выжидающе.

— Ты, наверное, знаешь новости?

— Да...

— О каких новостях я спрашиваю, догадываешься?

— Наверное... Вы стали управляющим трестом...

— А еще какие?

— Больше я ничего не знаю.

— На моем месте будет Гурасашвили.

— Понятно...

— Этого ты не знал?

— Нет.

— Стало быть, будет Кахабер Гурасашвили, хотя я бы не сказал, что он очень уж обрадовался. Человека всегда пугает неизвестность, а вообще-то быть начальником шахты намного проще, нежели главным инженером, знаю по собственному опыту — я ведь работал начальником шахты и главным инженером.

— Понятно...

— А вот на должность главного инженера мы выдвигаем твою кандидатуру.

— Мою?!

Хазарадзе покраснел. Трудно было понять отчего, от радости или от неожиданности.

— Твою, брат... Что, не справишься?

— Как вам сказать...

Нет, покраснел Гедеон не от радости, вряд ли он честолюбив. Смысл и удовлетворение он находил во всякой работе. Он смутился, должно быть, от неожиданности предложения, а, может быть, испугался?

— Это очень хорошо, что ты не рвешься в начальники, в своей жизни я встречал немало людей, готовых на все ради должности, а потом... Хотя не стоит сейчас об этом говорить.

Сардион встал и прошелся по комнате.

— Наверное, я оставляю не очень плохое наследие. Так мне, во всяком случае, кажется. Ты сам, дорогой мой Гедеон, уже лет восемь, если я не ошибаюсь, на этой шахте и все прекрасно знаешь. Люди у нас хорошие... Показатели — что надо. Единственное, что меня беспокоит, это дела на третьем участке. Но, собственно говоря, вам, молодым, легче найти общий язык. Больше двадцати лет я отдал шахте и мне ли не знать, кто на что способен...

Сардион закурил и сел на стул перед Гедеоном.

— Да, третий участок сидит у меня в печенках. Знаю, многие считают, что я поторопился, назначив Арджеванидзе начальником участка, впрочем, поводов для таких разговоров не оберешься... Надо же было ему попасть в такую некрасивую историю... Я-то шахтеров знаю, если бы другому они и простили бы, то ему, приезжему, городскому человеку, они не простят... Вот почему, хоть я и перехожу в трест, сердце у меня остается здесь.

— Я слышал об этой истории...

— Да о ней в городе наверняка знают все. Ничего хуже он не мог сделать. Заместитель у него, сам знаешь, что за фрукт... Относительно недавно на участке погиб шахтер. Одыбашев дурью мается. А в это время наш любимец...

Сардион махнул рукой, снова встал и прошелся по кабинету.

— Я не удивлюсь, если завтра на этом участке все смешается. Кахабер предчувствует это и потому, вероятно, ходит мрачный. Я не могу настаивать, но от души хочу, чтобы ты согласился и чтоб вы с Кахабером сработались. Что касается меня, я буду часто

наведываться к вам, помогать вам во всем. Ну, что скажешь?

— Что...

— Согласен?

— Как вам сказать...

— К сожалению, времени для раздумываний у нас нет, завтра, от силы послезавтра будет подписан приказ о нашем назначении — моем и Кахабера. Не оставаться же шахте без главного инженера!

— Понимаю.

— Значит, решено... У тебя есть сегодняшний вечер — утром я жду ответа. Согласен?

— Да.

На следующее утро Гедеон Хазарадзе в десять часов пришел к Сардиону и сказал, что согласен работать главным инженером.

* * *

После того злосчастного собрания Джibraил не сомкнул глаз. Далеко за полночь он решил подышать свежим воздухом, надеясь, что это немного успокоит его. Он поспешно оделся и вышел. Как долго он бродил по темным, пустынным улицам, он не помнил. Очнулся только тогда, когда набрел на запущенный двор восьмой шахты, закрытой около пяти лет назад. Он повернулся и пошел домой. Было около трех часов ночи. У Джibraила раскальвалась голова, но заснуть он не мог. Он ходил из угла в угол по прокуренной комнате, пытаясь собраться с мыслями, еще раз прокрутить в уме услышанное на собрании.

Таким одиноким он никогда себя не чувствовал. То и дело всплывали перед ним удивленные, встревоженные глаза Иринэ. Ему бы все ей рассказать, ведь она и не может представить себе, какая сложилась обстановка на шахте, куда перешел Джibraил. Она прекрасно знала, какой он работник, и хоть и нет у него образования, ума, сноровки, мужества и стойкости ему не занимать, — она даже представить себе не могла, что кто-то может смотреть на Джibraила свысока. Да, расскажи Джibraил о том, что произошло на собрании, Иринэ, возможно, весело рассмеялась бы, сказала бы, что все это ерунда, что на работе такое может случиться с каждым, посоветовала бы ра-

ботать как и раньше, все уладится само собой. Ирине сейчас беспокоило только одно — Джибраил должен непременно получить аттестат. Других забот для нее не существовало.

В восемь часов утра Ирина разбудила Гогутуну, одела ее, накормила. Перед выходом она заглянула в комнату Джибраила, помахала ему рукой и закрыла за собой дверь. Гогутуна, громко топая, сбежала по лестнице. Джибраил продолжал сидеть на тахте, обхватив голову руками, и не мог решить, идти ему сегодня на работу или нет.

Первая мысль, которая пришла ему в голову, это была мысль о том, что надо перейти на другую шахту. Но поразмыслив, пришел к выводу, что это было бы похоже на бегство. И ничего удивительного не было бы в том, что шахтеры поверили бы словам Каимамишвили — ведь Джибраил не сумел не то что постоять за себя, оправдаться, а предпочел сбежать. А как он объяснит на другой шахте, почему он ушел от Каимамишвили? Нет, этот путь не годился. Но и выходить в это утро на работу было ему не под силу. Как показаться на глаза людям, в присутствии которых вчера его оскорбили, унизили, а он не смог произнести в свое оправдание ни единого слова?

Нет, не по-мужски будет бежать, как бежит с поля брани последний трус. Он обязан бороться, он должен доказать свою правоту. Но в одиночку ему вряд ли справиться с Каимамишвили и его приспешниками. Митушу голыми руками не возьмешь, он умен и хитер и легко выкрутится из любого положения. Да, у него хватит ума, чтоб оставить на время свои махинации, не урезывать выработку. А много ли надо шахтерам, таким как Тариэл Гогисванидзе, им важно, чтоб никто не лез в их собственный карман, вот именно в собственный, остальное их мало волнует. Вот и на собрании никто не посмел выступить, все молчали, словно воды в рот набрали.

Время шло. Если он все же идет на работу, то пора выходить из дому. Не хватало еще опоздать на работу и снова подставить себя под удар. К тому же в забое надо было кое-что сделать и никто, кроме него, этого не сделает.

Дни потянулись за днями. Джibraил приходил на работу, делал свое дело и возвращался домой. О его существовании как будто все забыли. Спустя несколько дней, только Джibraил закончил работу и велел своему напарнику Зазе Кублашвили прибраться в забое и собрать инструменты, а сам опустился на обрезок стойки, чтоб передохнуть, как далеко, в глубине забоя, заметил светящуюся точку, которая постепенно приближалась к ним. Не прошло и двух минут, как у раскопки появился ближайший друг Каимамишвили «известный рекордсмен» Аслан Карумидзе. Видимо, он не отдыхая преодолел этот длинный, достаточно крутой забой — он тяжело дышал и обливался потом. Остановившись, он перевел дух и улыбаясь посмотрел сначала на Джibraила, потом на Зазу, потом снова на Джibraила.

— Здравствуйте! Тебя, братец Джibraил, трудно поймать одного. Вокруг тебя все время или друзья или враги. А этот симпатичный парень, наверное, друг и брат тебе?

— Ты не ошибся... Здравствуй!

Заза тоже поздоровался с Карумидзе — кивнул головой и продолжил подбирать инструменты.

— Вы, как я погляжу, уже закончили работу, — Карумидзе осветил фонарем новые светлые рудстойки.

— Да, все уже сделано.

— Очень хорошо. И я закончил свои дела — надо было кое-что доделать в нижнем забое... Так вот, если ты хочешь и готов выслушать меня, мне надо сказать тебе, дорогой мой Джibraил, два слова.

— Говори.

— Этот молодой человек будет находиться тут?

— Он мне не мешает.

— Зато мешает мне. Ха-ха-ха-ха! Нет, кроме шуток, будет лучше, если этот симпатичный юноша закончит свои дела и уйдет. Пока не будем вмешивать его в дела взрослых. Еще успеет.

— Как хочешь. Заза, ты закончил?

— Закончил. Все лежит вот здесь.

— Мои оставь, а свои инструменты заведи и иди. Ты свободен до завтра. Да, не забудь, инструменты числятся за тобой.

— Знаю, давайте заодно заберу и ваши, дядя
Джибраил.

— Не надо. Я сам подниму.

После ухода Зазы Карумидзе довольно долго молчал. Потом достал из кармана сигарету, неторопливо размял ее. Взглянул на Джибраила и улыбнулся.

— Не бойся, не закурю. Я еще не сошел с ума, чтобы превратить этот забой в руины. Это так, привычка у меня... Когда мне очень хочется курить, я разминаю сигарету, кладу ее в рот не зажигая, несколько раз затягиваюсь, и, представь себе, это помогает. Желание закурить проходит так, словно я выкурил подряд полпачки. Но сюда, Джибраил, я пришел, разумеется, не для того, чтобы говорить с тобой о сигаретах, ты, наверное, и сам догадываешься, а?

— Положим...

— Ну так вот, нет ничего лучше доверия и откровенности, не правда ли? Что об этом скажешь?

— И это абсолютная правда.

— Ну хорошо! Теперь я тебе скажу еще одну вещь, а ты, пожалуйста, не удивляйся. Сейчас, вот в эти минуты, в «Жемчужном источнике» сидят наши ребята. Стол уже накрыт. Там, как говорится, нет только птичьего молока, но пока мы с тобой вместе не придем туда, никто не приступит к еде. Разумеется, начальник нашего участка Митуша Каимамишвили тоже там. Ну так вот, давай-ка мы с тобой сейчас встанем, приведем себя в порядок и пойдем, не будем портить ребятам застолье.

— Ты им пообещал, что приведешь Джибраила?

— Пообещал.

— Ты определенно поторопился. — Джибраил встал, отряхнул с себя пыль и стал осматривать инструменты.

— Почему мы с тобой должны так разговаривать?

— Это ты спроси Каимамишвили и еще кое-кого.

— Джибраил, кто не ошибался в жизни!

— В «Жемчужный источник» я не пойду.

— Воля твоя, но учти, навсегда рассоришься с людьми.

— С какими людьми?

— Ты отлично знаешь, о ком я говорю.

— Этим людям я ничего плохого не сделал.

— Ну, вот это и выясним.

— Мне нечего выяснять.

— Те люди думают так: если сегодня он ничего нам не сделал, может сделать завтра или послезавтра.

— Честный человек не должен бояться Джibraила Хелтуплишвили. Я не вчера приехал в этот город, здесь меня все знают.

— Не надо так разговаривать, Джibraил!

— Иначе разговаривать, дорогой мой Аслан, я не умею. Вы публично оскорбили меня, обвинили черт знает в чем, каких только собак ни повешали на меня, а теперь приглашаете на какое-то застолье? Нет, простите! Я сначала должен смыть с себя эту грязь.

— Я тебя не обливал грязью.

— Твои товарищи достаточно постарались, я им это еще припомню!

— Грозишься?

— Упаси бог!

— И мы не разбойники и грабители, Джibraил!

— Я вас не называл ни разбойниками, ни грабителями.

— Мы и не бездельники. Все, что мы зарабатываем, все что я приношу в семью, заработано вот этими руками. Не годится нам так разговаривать, Джibraил! Ты оглянись по сторонам, осмотришься. И на твоём участке не все было чисто. Вот как! Это, дорогой, шахта, ты и сам прекрасно знаешь, здесь нельзя работать по бумажкам, предписаниям и тому подобное. Здесь, если не повертеться, ничего не получится. Сам знаешь, что на шахте все получают по заслугам, а как же иначе?

— Ты почему упомянул мой участок?

— Так, к слову пришлось. На всех участках одна и та же картина, и твой не был исключением.

— А ты запомни и другим передай, у меня на участке все работали честно и получали заслуженно. Ты запомни это, понял?

— Тогда за что тебя сняли?

— Это не ваше дело.

— Хорошо. Не будем больше говорить об этом. Но как может грузин пренебречь приглашением друзей посидеть за дружеским столом.

— У меня нет для этого времени.

— И у нас есть дела. Вот Митуше скоро заступать во вторую смену.

— Ну, значит, они уже разошлись. Пока они доберутся из «Жемчужного источника»...

— А Митуша пешком не ходит.

— Я знаю и это.

— Ты не относишься к нам, как к врагам, Джибраил!

— Это что, предостережение?

— Просто дружеский совет.

— Учту.

Джибраил нагнулся и взял свои инструменты. Встал и Карумидзе, поправил каску, отряхнул брезентовые штаны.

— Стало быть, не пойдешь?

— Мы уже обо всем поговорили.

— Воля твоя. До свидания!

— До свидания!

* * *

Сардион Рачвелишвили провел на шахте последнее собрание. В его кабинете за длинным приставным столом сидели Кахабер Гурасашвили, Терентий Чагунава, Минаго Чарквиани, Зейнаб Оцхели, начальник производственного отдела Дмитрий Эгашвили, главный бухгалтер шахты Дмитрий Томашвили, несколько инженеров, все те, кто на протяжении лет работали плечом к плечу с Сардионом, были его ближайшими помощниками. В левом углу кабинета на диване сидел особняком Гедеон Хазарадзе. Он пока еще не был утвержден на должность главного инженера шахты, но все уже знали, что вопрос этот решен, согласован с трестом и не сегодня-завтра будет подписан приказ. И не удивительно, что, беседуя, собравшиеся то и дело обращались к нему.

Говоря откровенно, темы для долгого разговора не было — все было ясно и понятно. Уход Сардиона ничего не менял, все знали, что надо делать в первую очередь, что во вторую, а что делать вовсе не обязательно. К примеру, руководство комбината только и знает требовать улучшения качества угля — в следующем квартале на одну десятую процента уменьшить зольность угля. Но как? За счет чего? Качество угля под землей прежнее, как и в предыдущем квартале, в

прошлом году, в позапрошлом году, десять лет назад, да и вообще миллионы лет назад. В следующем квартале надо будет добыть угля больше при том же числе рабочих. В рабочие молодежь не больно-то стремится, все мечтают если не о карьере большого ученого, то хотя бы эстрадного певца, а еще больше — мечтаелей стать шофером такси. Почему бы и нет? Будет сидеть себе весь день в чистенькой «Волге» и колесить по городу, а вечером принесет в дом столько денег, что шахтеру и не снилось... Да-а, как же улучшить качество угля? Советуют установить соответствующие конвейеры, рештаки. Но поможет ли это качеству угля? Каким оно было, таким и останется. А обогатительная фабрика? Она работала и впредь будет работать так же, без изменений. Пусть инженеры-конструкторы придумывают что-то новое, внедрят, — пожалуйста! Каждый будет рад новшеству. Чем меньше зольность угля, тем лучше качество, — это всем ясно. Но что могут конструкторы предъявить шахте сегодня? Сидят они по своим кабинетам, что-то вычеркивают, вычисляют — а до шахты ничего не доходит. Сколько бумаги зря расходуется! В конце кварталов они получают премии — на том и кончается их работа! А шахтерам все твердят и твердят — уменьшить зольность угля!

— Когда придет приказ уменьшить зольность угля, вы соглашайтесь и... — Сардион почесал за ухом, — нет, если вы что-то можете предложить, пожалуйста, что может быть лучше... Я не говорю вам... Представляете, чего стоит народному хозяйству каждый процент золы?.. Одним словом, подумайте и... Порой сложное дело решается очень просто, так просто, что сам того не ожидаешь.

— Это касается больше главного инженера, — Кахабер с улыбкой посмотрел на Гедеона, — слышишь, Гедеон, надо подумать об уменьшении зольности угля.

— Слышу.

— Скажешь тоже, — вмешался в разговор Терентий Чагунава. — Я десять лет был главным инженером и никак не смог изменить качество угля, а этот человек еще и не приступил к работе, а ты уже ему ставишь условия?!

— Если кахегинец собрался пошутить, он должен сообщить об этом заранее, — произнесла Зейнаб, от-

крыла сумочку и, не доставая из нее зеркальца, заглянула в него.

Все засмеялись, в том числе и Кахабер — от души, громко, откинувшись на спинку стула.

— Что же еще... — Сардион огляделся по сторонам, словно собирался прочесть что-то на стенах кабинета. — Пожалуй, все. В остальном вы разберетесь сами. Да, вот еще что: за доставку леса не беспокойтесь, да и вообще если возникнут вопросы, я, слава богу, не уезжаю за тридевять земель, дорогу в трест вы все хорошо знаете...

Каждый участник совещания знал, что покидающего шахту Сардиона больше всего волнует судьба третьего участка. Но он воздерживался от разговора об этом. И другие тоже молчали. Да и что говорить? Если бы этот дурачок, речь шла о Теймуразе, не потерял голову из-за женщины, все бы обошлось, что ни говори, он вот уже несколько месяцев на шахте, притерся, и, что главное, — человек он рабочей закваски, умный, знающий свое дело. И вдруг! Все — как в воду. Говорят, шахтеры и слышать о нем не хотят. Чем кончится эта история, никто не знает.

— Что еще?.. — повторил Сардион.

— Пожалуй, все, — произнес кто-то.

— И в самом деле, не в Москву же переезжаете?

— Вы же будете рядом!

— Надеемся, не забудете свою шахту.

Никто не хотел вспоминать про третий участок и омрачать последние минуты расставания с Сардионом.

На другой день Сардион на шахте уже не появился. Все ходили понурые, озабоченные. И не удивительно, за столько лет на шахте до того привыкли к Сардиону, что не представляли шахту без него. Сможет ли Кахабер Гурасашвили заменить Сардиона, которого каждый шахтер считал своим другом и наставником?

Этого и сам Кахабер не знал и потому особой причины радоваться у него не было.

— Ведь не раз замещал Сардиона, когда тот бывал в отпуске, и ничего, справлялся. Знал, что не сегодня-завтра он вернется. Но теперь... — пожаловал-

ся Кахабер Дмитрию Эгашвили, когда тот принес ему бумаги на подпись.

— Все устроится, батона Кахабер.

— Ну да, что нам остается еще делать, как не надеяться, что все устроится.

В двенадцать часов из треста позвонил Сардион и сообщил, что вопрос Хазарадзе решен, можно подписывать приказ о его назначении главным инженером.

* * *

Гедеон Хазарадзе вырос в семье инженеров. Отец его учился в Магдебурге еще до Первой мировой войны, мать была одной из первых студенток Тбилисского университета. Гедеон был поздним ребенком в семье, и когда он подросток, родители решили, что сын должен избрать профессию более спокойную, но прошло время, и они смирились с мыслью о том, что сын пойдет по их стопам. Он унаследовал от родителей любовь к горному делу и геологии, жажду к знаниям, инженерную этику. Не было на шахте дела, за которое Гедеон взялся бы, не изучив его досконально, с соблюдением инженерной и служебной этики. Именно этими своими качествами обратил он на себя внимание Сардиона. С первых же шагов Гедеона на шахте Сардион понял, что этот немногословный молодой человек приехал работать, а не для того, чтоб «исполнить долг», отработать положенный срок, и для себя уже решил его судьбу.

В свою очередь Гедеон уважал и высоко почитал Сардиона, во всяком случае, ни одно решение Сардиона, если даже оно касалось лично самого Гедеона, не вызывало у него сомнения. Так повелось с самого начала их совместной работы.

Единственное, что удивило Гедеона и даже вызвало у него недовольство, было, на его взгляд, поспешное, ничем не оправданное назначение начальником участка Теймураза Арджеванидзе. Следует заметить, что Гедеон никогда не работал на эксплуатационном участке, и когда он узнал, что вопрос об освобождении Джибраила решен, почему-то подумал, что на эту должность назначат его, тем более, что к тому времени у него уже было достаточно опыта.

Гедеон знал, что Сардион готовит его на долж-

ность начальника производственного отдела, и опыт работы на должности начальника эксплуатационного участка несомненно пригодился бы ему.

Но никто не предложил ему должность начальника участка. На пятый или четвертый день он узнал, что на место Джибраила назначен молодой инженер, прибывший из Тбилиси. Понятие «молодой» — весьма растяжимое, и Гедеон подумал, что тбилисскому инженеру, вероятно, лет тридцать и у него есть достаточный опыт работы на шахте, иначе Сардион не доверил бы ему такой сложный участок. Каково же было его удивление, когда спустя неделю кто-то познакомил его с новым начальником третьего участка и он оказался «желторотым птенцом». «Этот мальчишка — начальник участка? О чем думал Сардион, когда назначил его? Или же как рискнул этот молодой человек взвалить на себя такой груз?» — подумал Гедеон.

Он не смог скрыть своего удивления, но напоролся на улыбку Теймураза. Она показалась Гедеону несколько ироничной, и он бы даже сказал, что это была улыбка самонадеянного человека. Но Гедеон в свой черед был человеком хорошо воспитанным, вежливым и потому крепко пожал Теймуразу руку и пожелал ему удачи в работе. И добавил, что поскольку Теймураз в городе человек новый, то если возникнут какие-нибудь трудности, он может смело, не стесняясь, обратиться к нему.

С того дня третий участок всегда бывал в центре внимания Гедеона, и он, конечно, знал, чем и как жил этот участок, вместе со всеми пережил гибель Иорамы, смерть Герасимэ, знал о том, что Теймураз «связался» с Гоголой и что шахтеры не могут простить ему это.

В отношениях Гедеона с Сардионом ничего не изменилось, Гедеон по-прежнему уважал и почитал его, а что касается обиды, то она вскоре прошла. Однако все чаще и чаще думал Гедеон о том, что Сардион не лишен недостатка, характерного для многих прекрасных, опытных, честных, но уже старых работников. Трудно даже найти название этому недостатку. Это и не равнодушие, и не усталость — физическая, или же умственная... Они, казалось бы, работают с тем же

рвением, так же бескорыстно, как прежде, но... они возгордились, что ли, слишком уверовали в себя, считают, что они не могут ни в чем ошибаться, что они непогрешимы.

Незачем далеко ходить за примерами, вспомним хотя бы вчерашнее собрание, на котором Сардион ничтоже сумняшеся велел новому руководству шахты сделать вид, что они принимают требование комбината уменьшить зольность угля, на самом же деле не придавать ему значение. И это говорилось во всеуслышание, словно он не понимает, насколько это важно. Молодой инженер или другой специалист не посмел бы так вести себя, у таких людей, как Сардион, с возрастом и опытом появляется чувство безнаказанности, уверенности в том, что только они могут принять единственно правильное решение и советоваться им с кем бы то ни было нет необходимости. Вспомним хотя бы назначение Арджеванидзе начальником участка? С первого взгляда, ничего особенного не произошло. Работа на участке была налажена, коллектив слаженный, дружный, опытный, да и сам Арджеванидзе, видать, человек вдумчивый, умный, не только знающий шахтерское дело, но и понимающий его. Казалось бы, на участке не должно быть срывов. Но факт остается фактом — вскоре на участке все так перемешалось, что никто не знает, чем все это кончится. Гедеон не удивлялся тому, что судьба третьего участка более всего волнует Сардиона, перешедшего на работу в трест. А ведь во всем виноват больше всего сам Сардион. Другой на его месте давно бы нашел человека, более достойного, более надежного и опытного для роли начальника участка.

И сейчас, когда Кахабер запер дверь кабинета, Гедеон догадался, что разговор пойдет о третьем участке. И не ошибся.

— Батоно Гедеон, — начал Кахабер, — о делах на нашей шахте тебе все известно если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем мне. Так вот ты и скажи, что волнует тебя более всего, а я поделюсь с тем, что беспокоит меня. А уж вместе мы подумаем о том, как наладить дело. Признаться, эта история до того осточертела мне, что готов все бросить. В конце концов Кахетия велика, там найдется клочок виноград-

ника и для меня... По крайней мере буду дышать чистым алазанским воздухом...

— Да, как я погляжу, ты не на шутку обеспокоен.

— Вот что я скажу: парень он хороший, честный, образованный, но... Пусть сам разбирается со своими делами, я ему не помощник.

— Ты, вероятно...

— Да, да, я говорю об Арджеванидзе. Скажите, пожалуйста, ему непременно надо было завести любовницу! Вот до чего доводит безответственность! Все могу понять, но не посчитаться с тем, что она жена твоего рабочего?!. Где это видано!.. Среда бела дня...

— А мне сказали, что это было ночью... попытался отшутиться Гедеон.

— Ты еще и шутишь?! А мне не до шуток! Неужели он не знает, что на шахте главное — взаимоотношение людей, взаимоуважение... Если же ты не знаешь этого, какой ты инженер! Если я буду бояться, к примеру, впускать тебя в свой дом, тогда... Сардион Эрастович поседел из-за этой истории... Сегодня он уже дважды звонил мне, спрашивал, как дела? А что я могу ему сказать?..

— Да, это сложное дело. Может быть, начать с более легкого?

— Верно... верно... Но ведь третий участок — самый большой, вся шахта на нем держится... Ну ладно, об этом позже. Так с чего, как ты считаешь, начинать?

— Прежде всего немедленно надо остановить верхний вентиляционный штрек. Шахтеры гонят вонсю. Ни с маркшейдерами не советуются, ни с кем-либо еще. Легкая работа, потому. И кровля надежная, и уголь сухой. А спускаться вниз, в конвейерный лентя, здесь и кровля не годится, и влажность высокая.

— Верно. Займемся этим.

— Под бункером, на складе, на местах погрузки угля надо прибавить освещение. Инспекция технического контроля права, требуя этого. А вот для чего там два подъемника, не пойму...

— Подожди, запишу.

— А теперь более серьезное дело: в шахте уж слишком открыто, без страха курят.

— Курят? — Кахабер удивленно вытаращил глаза. — Курят?..

— Да. Тебя и Сардиона они побаивались, стоило вам появиться, как они зализывали все нарушения и, в первую очередь, прятали курево. У них даже выработана своя сигнализация: когда вы спускаетесь в шахту, они стучат по трубе. Я же... маленький человек, и меня они ни во что не ставили. Во всех темных уголках, словно светлячки, мерцают огоньки сигарет.

— Ну и дела! — Кахабер даже побледнел. — Гляди-ка, а? Не жалеют ни себя, ни свою семью... Я им покажу, как надо курить, половину шахты оставлю без премии, посмотрю, что они запоют после этого! А куда смотрят начальники смен?

Кахабер что-то записал в своем блокноте.

— Шахтеры, как известно, народ особый, и это понятно. Им надоедает слышать о том, что у них опасная работа. Однажды нарушат установленное правило, потом во второй раз, а там глядишь и смеются так, что никого ни во что не ставят...

— Меня их психология не интересует. Я знаю, что одна-единственная искорка может взорвать всю шахту! Лишу премии! Непременно! Что еще?..

— Хорошо было бы повысить зарплату лесогонам.

— Мы не имеем права.

— Не знаю, не знаю... Но я думаю, что это несправедливо. Мы уделяем основное внимание забойщикам, механизаторам, крепильщикам. Настоящими шахтерами считаем только их, называем их героями и так далее. И это правильно. Но в чем провинились лесогоны? Им нередко приходится работать не в менее сложных и опасных условиях. Я, конечно, понимаю, что отбойщик — это совсем другое дело, и все же...

— Посмотрим, посоветуемся с трестом.

— Что ж, посоветуемся.

— Что еще?

— Пожалуй, все. Да с меня и спрос-то пока невелик.

— Это еще почему?

— Я ведь еще не присмотрелся как следует, а мне надо смотреть на наши дела глазами главного

инженера. То, о чем я говорил, это мои мимолетные наблюдения!

— Ничего себе! Представляю картину, которую ты нарисуешь, присмотревшись как главный инженер! Наверное, живого места не оставишь на шахте!

— Не думаю. У нас, что ни говори, был хороший начальник.

Теймураз Арджеванидзе и не подозревал о том, что о нем столькие думают и спорят. Переход Сардиона в трест не на шутку озадачил его. Конечно, его надеждой и опорой на участке был Герасимэ Цнобиладзе, но он больше уповал на Сардиона, был уверен, что он поймет его, не только поймет, но и простит.

А сейчас... Он совсем одинок. Своим привычкам и обязанностям он не изменил, на шахту приходил к началу каждой смены, ежедневно, если не дважды, то хотя бы один раз, спускался в забой. Внешне, казалось, ничего не изменилось. Более того: Теймураз был собраннее и увереннее в себе... Но в нарядную не звонит, как прежде, Сардион, нет рядом Герасимэ, бесследно исчезли те простые, сердечные взаимоотношения между ним и шахтерами, чем в глубине души он еще не так давно гордился, хотя и понимал, что эти взаимоотношения — не только его заслуга.

Сегодня же в отношениях Теймураза и шахтеров чувствуется холод и равнодушие. Задания они выполняют, но Теймураз и не помнит, кто из них в последнее время хотя бы улыбнулся ему. Теймураз был человеком искренним, и если спросить, что больше волнует его в настоящее время — судьба шахты или судьба Гоголы, он, не мешкая, ответил бы, конечно, судьба Гоголы. И в самом деле, не было человека, кроме Теймураза, кто бы позаботился о ней. Теймураз не мог не чувствовать своей вины, не появиться он, не ворвись он в ее судьбу, все было бы иначе...

Перевод Д. ВЛАДИМИРОВА

Продолжение следует

Валериан ГАПРИНДАШВИЛИ

ДАЧНИК

**Внизу идут вагоны мерным ходом,
Вокруг холмы — и нивы и тока,
День золотистым истекает медом,
Но ветви яблонь в неге холодка.**

**Стоит на горке дремлющая дача,
И снова дачник, от безделья вял,
На эти дали смотрит, чуть не плача,
Припоминает все, что прежде знал.**

**Ему счастливый чудится ребенок,
Тогда бежал он, мураву топча,
И весь горел, светился, мал и тонок,
Как трепетная, робкая свеча.**

**Всегда любил он блеск дождя слепого
И бабочки скользящей пестроту,
И ястреб реял и взмывал сурово,
Его мечту похитив на лету.**

**Волшебная, бывало, снилась птица,
И мальчик на току стелил силки;
И о любви он грезил, и укрыться
Мог звездным небом, близким колдовски.**

А Цхенис-цкали катится лениво,
На берегу купальщица нага.
Пусть нежная слегка поблекла ива,
Еще ее не тронули снега.

Как многих деревенских, людный город
Его осилил, покори́л, увлек.
Он потерял свободу, переборот.
Так сносит мостик мчащийся поток.

Воспоминаний мученик угрюмый,
Тоскует дачник, выйдя на балкон,
И, юности оплакивая думы,
Селенье сновидений видит он.

Исчезло детство... Волны беспокойны —
Растущий шум Кура проволокла.
В глубоком сне ущелье видит войны,
И Ташикари атакует мгла.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

ОХОТА НА ЧОН-ТАШЕ

Документальная повесть

Через два дня прояснилось, и мгновенно все вокруг просохло. Вечером отправляюсь на охоту — у меня вышло все мясо.

Ровно в шесть я был на своем наблюдательном пункте. Рядом опустилась большая стая голубей. Прыгая с камня на камень и что-то склевывая, они равнодушно прошествовали мимо меня, занятые своим делом.

После сорока минут разведывания окрестностей заметил небольшую группу теке на том самом утесе, где они недавно «состязались». Теке спустились к нижней кромке осыпей. Там же, справа от них, показалось стадо коз с козлятами (козлята за это время заметно подросли). Сверху со скал спустились четыре козла (с теми же ухватками, но с меньшим энтузиазмом) и с самодовольством самцов врезались в стадо коз. Козы дрогнули и кокетливо рванули в сторону. Тем временем сверху спустились еще три козла и, присоединившись к первым четырем, принялись щипать траву. Стадо коз скрылось за складкой оврага, а козлы, продолжая щипать траву, медленно продвигались вниз по травянистому склону. Я быстро спустился в ущелье и стал подкрадываться к ним.

На кромке поляны с этой стороны вновь показали козы. Они перешли сюда, чтобы тоже попасть на этом поле (до сих пор мне не приходилось видеть, чтобы козлы и козы паслись на одном поле, хотя бы и врозь).

Я внимательно рассмотрел коз. На сей раз среди

Окончание. Начало см. в № 6.

них не было молодых козлов. Стадо состояло сплошь из одних довольно старых коз с тонкими удлинненными рогами.

Я улизнул от них тем же манером, что и тогда, поднялся по краю оврага и глянул вниз.

Почему-то я был абсолютно убежден, что сегодня непременно свалю по крайней мере одного козла килограммов в сто. Я не сомневался, что стадо спустилось в овраг на водопой, ну а о том, чтобы промахнуться, не могло быть и речи.

Наверно потому, увидев пустой овраг, я страшно разволновался, меня начало трясти как в лихорадке и, прежде чем я успел что-нибудь подумать, по почти отвесной осыпи прямо передо мной пронеслись три здоровенных козла. Я окаменел. Безотчетно съежился, как бы уменьшился в росте. «Я камень! Я камень!» — твердил про себя как заклинание. А козлы, добежав до конца осыпи, пустились вскачь к полю.

И тут меня осенило: стадо все еще пасется, но край противоположного берега оврага скрывает его от меня. Как видно, на сей раз козлы шли по правой кромке поля и на водопой спустятся в следующий овраг.

Надо было перейти на ту сторону, используя прибрежные скалы как прикрытiе. Через некоторое время стадо удалится от этого берега, а там, на голом склоне, никакого укрытия не найдешь. Я поспешно спустился в овраг и поднялся на противоположный берег. Переведя дух, осторожно пополз по скале, взобрался на макушку и выглянул. Участок поля передо мной был пуст. Все мои ожидания оказались напрасны. Еще раз оглядел окрестности — никого...

И снова, прячась за скалой, я пошел вверх вдоль оврага. Так я достиг нижней оконечности осыпей и очутился над полем. Снова влез на скалу и выглянул. И снова — пустое поле. Я стал нервничать: куда девалось целое стадо?! В конце концов, те три козла, что появились в последний момент, не могли же они так незаметно скрыться!.. Судя по общему рельефу склона, за ближайшими скалами должна быть складка. По всей вероятности, они там. Приуныв, я медленно ползу по скале. Надо быть предельно осторожным. Даже камушек не должен скатиться со скалы, потому что за каж-

дым ее выступом могут находиться теке. Каждую секунду я жду — вот-вот они появятся. Осторожно, почти прильнув к скале, огибаю один выступ, затем другой, третий, и тут за моей спиной раздается какой-то шорох. Кровь застывает у меня в жилах. Краем глаза успеваю заметить мелькнувший меж камней длинный желтый хвост. Лиса! Впервые встречаю в этих местах лису.

«Нет, никого здесь нет, они ушли!» — бормочу я про себя довольно громко. И почти уверен в этом, потому что шорох, произведенный лисой, никого не напугал, я не услышал никакого движения.

Я уже не выдерживаю нервного напряжения. Из последних сил одолев очередной выступ, взбираюсь наверх, выглядываю... И тут же в ужасе опускаюсь на корточки, даже жмурюсь от отчаяния. «Заметили!» — раскаленной иглой пронзает меня мысль.

...Под скалой, прямо перед моим носом, в каких-то десяти метрах стояли три козла. У них были выпуклые, как тяжелые боевые щиты, бока, мощные лопатки, головы с огромными рогами опущены вниз. Но, приседая, в какую-то сотую долю секунды я успел заметить, как все трое подняли свои тяжелые головы и повернули их в мою сторону.

«Только бы успеть», — я вскинул ружье и встал во весь рост.

По-видимому, все это произошло мгновенно, потому что, когда я поднялся, козлы продолжали стоять в той же позе, глядя на меня своими большими желтопестрыми изумленными глазами.

В мгновение ока воздух прорезал резкий, как удар кнута, короткий тревожный свист, и грянул выстрел.

Козлы исчезли за скалой с быстротой молнии. Я бросился вверх по разрушенной скале, чувствуя, как беспомощны и неуклюжи мои движения в этот решающий момент. Здесь нужна была скорость и легкость ветра, но так уж устроен человек, ему никогда не угнаться за козлами, а тем более за ветром...

Когда я взобрался на вершину скалы и передо мной открылась широкая панорама, теке были уже на утесах, возвышавшихся в конце узкой балки.

Нас разделяло расстояние до шестисот метров. Я переставил шкалу прицела и выстрелил. Пули с виз-

гом пролетали узкие скальные коридоры, вздымая пыль у самых ног убежавших теке, но ни одна из них не попала в цель. Два козла, преодолев гребень, исчезли за ним. Третий, обезумев от пуль, отскакивая от каменных глыб, заметался между ними. Это было удивительное зрелище — на какой дикой скорости несся он по крутой скале, в два-три касания преодолевая высокий, почти отвесный склон, перелетая с одного отточенного, как кинжал, края на другой. На соседних глыбах взметались фонтанчики пыли и вслед за этим раздавался запоздалый визг, производимый рикошетирующими пулями. Он успел взлететь на гребень, на фоне неба мелькнул силуэт его рогов и пропал.

Тут у меня началась настоящая истерика. Я орал, ругал себя, бил по голове и, кусая руки, бежал наверх. В голове мелькали обрывки сумасшедших мыслей: «...Я должен догнать их! Куда они денутся! Перейду гребень и нагоню! Из-под земли достану!».

Я пришел в себя, застряв на крутом склоне, когда для дальнейшего передвижения мне понадобилась помощь рук. Безотчетный страх овладел мной, я понял, что должен успокоиться, иначе беды не миновать.

Громко и зло выругал себя. И только потом осмотрелся. Спускалась ночь. От страшного перенапряжения я потерял способность соображать. Ни о чем думать не мог. Закурил, и как будто немного прояснилось в голове. Теперь меня душила злоба.

«Тащись вниз, выродок!» — громко приказал я себе.

Я спустился в ущелье. В почти угасшем небе пролетела большая стая уларов.

«Уу-ту-лу-ту-лу-ту-лу-лу!» — ущелье наполнили звуки, напоминавшие скорбный колокольный звон. С седловины я спустился в полной темноте. С трудом волочил ноги, преисполненный тоски и отчаяния. Все же как странно подействовала на меня эта неудача. Поднялся ветер. Он завывал и свистел, и мне чудились какие-то необычные голоса. Порой прямо в ушах раздавалось: «Ууу!».

Я было подумал, кричит сыч, но слишком различались эти голоса, и я понял, что они мне чудятся.

Я влез в палатку. Рухнул на мешок. Всю ночь сто-

нал и метался в постели. Мерещился всякий вздор. Ни как не мог уснуть. Стоило закрыть глаза, как передо мной, на расстоянии каких-то десяти метров, возникали три козла, удивленно взирающие на меня... При этом я начинал выть, как собака. Ужасная была ночь!

6 августа, суббота.

ВЕСЬ следующий день я не выходил из лагеря. Все валилось из рук. В полдень, одуревший от бессонной ночи, завалился спать. Встал, когда солнце клонилось к западу; вышел в чонташское поле. Там набрел на глубокие лужи с прозрачной водой. Вода оказалась теплой. Сходил за мылом и полотенцем, разделся и долго нежился в теплой «ванне».

Вода в Инильчеке спала и снова разделилась на рукава, но оставалась по-прежнему черной.

В тот день я ничего не ел и голода не чувствовал.

В бинокль изучал хребет на противоположном берегу реки, склоны пика Нансена и лавинные карнизы. Эта сторона недоступна для меня — у Инильчека нет брода. Я мог лишь наблюдать ее в бинокль от нечего делать. Там еще встречаются островки тяньшаньской черной ели. Вверху, на отвесных косогорах, иногда замечал группы теке. Все склоны поросли альпийской овсяницей, и сегодня мне вдруг впервые бросилось в глаза, что трава начала жухнуть. Запестрели окрестности. Местами — в тени — она по-прежнему была ярко-зеленой, местами — табачного цвета, а иногда и оранжевого. Короткое лето подходило к концу...

«Интересно, какую траву предпочитают сейчас теке — зеленую или жухлую?» — думал я.

Желудки убитых до сих пор теке были набиты исключительно травой.

И это утро выдалось жарким. В течение дня по леднику пика Нансена четырежды прошли лавины...

Гремел гром, и овраг под пиком заполнялся белыми клубами. Клубы невероятно вздувались, разбухали, нависали. Создавалось впечатление, вот-вот они поползут на Инильчек и накроют окрестности, но именно в этот момент они начинали опадать, опускаться и

вдруг рассеивались и исчезали. Воздух очищался, и возникал чистый, как бы заново выбеленный, язык ледника. И черные скалы вокруг казались покрытыми се-ребристой пылью. Но через полчаса, когда тонкий слой инея таял, скалы были так же черны, а язык ледника так же грязен, испещренный мутно-желтыми и ржавыми пятнами.

Час-другой стреляю в цель из ружья с короткого расстояния.

Мне ясна причина позавчерашнего моего промаха. Я тогда заметил, что пуля прошла над головами козлов. Они стояли так близко от меня, а я был так взволнован, что и не подумал откорректировать прицельную планку на непривычно короткое расстояние. Сейчас я хотел убедиться, насколько верна моя догадка.

Чтобы все было ясно, коротко расскажу о своеобразии стрельбы в высокогорных районах.

Атмосферное давление на большой высоте заметно падает в сравнении с уровнем моря (к примеру, на высоте в 2000 метров ртутный столбик достигает 592 мм против 760 у моря). Поскольку воздух разрежен, пуля испытывает меньшее сопротивление. Поэтому кривая ее полета не такая уж и кривая; пуля летит гораздо дальше и бьет выше цели. Разницу эту можно приблизительно рассчитать. К примеру, начальная скорость винтовочной пули 865 м/сек, на высоте в 2000 метров над уровнем моря с расстояния в 300 метров пуля попадает выше цели почти на тридцать сантиметров. С увеличением расстояния и высоты эта разница соответственно увеличивается, а с увеличением начальной скорости пули — уменьшается.

Надо сказать, что патроны для охотничьих винтовок изготавливаются с более высокой начальной скоростью пули в сравнении с армейскими. Например, распространенный европейский патрон «Серна» имеет начальную скорость пули 1000 м/сек и 1200 м/сек при калибрах 6,5x57 и 6,5x58; патроны «Винчестера» и «Ремингтона» — соответственно 1000 м/сек и 975 м/сек, а нашей промыслово-охотничьей винтовки типа «Барс» — 950 м/сек).

Таким образом для каждого патрона на любой высоте и расстоянии можно высчитать ожидаемую

разницу. Но лучше всяких теоретических выкладок — пристрелка и уточнение корректива. Они позволяют совершенно спокойно отрегулировать прицел или же целиться ниже мишени с учетом установленной разницы.

По приезде на Чон-Таш я провел такую пристрелку и выяснилось, что с расстояния в триста метров надо стрелять на пятьдесят сантиметров ниже цели, а в сто метров — на семнадцать-двадцать сантиметров и так далее (высота при этом — 3400 м), но с короткого расстояния стрелять я не пробовал.

Сейчас я стрелял в цель с пятидесяти метров, затем двадцати пяти, пятнадцати. На расстоянии в двадцать пять метров разница сводилась к нулю.

Потом я пытался стрелять в мишень с пятнадцати метров, держа ружье у живота на ковбойский манер: так ты смотришь не в прицел, а на мишень и прямо направляешь на нее дуло. Этот способ стрельбы гораздо эффективнее — быстрый и результативный, не требующий долгой тренировки¹.

Так прошел этот день, а вечером я не спеша стал готовиться к охоте. Починил свои «вибрамы» (польские горные ботинки, оказавшиеся очень непрочными): пропустив по бокам куски проволоки, закрепил подошву. Потом отрезал штрипки с новых походных брюк (они мне мешали свободно передвигаться в скалах). Оделся легко — на голое тело натянул тонкий свитер, а на него штормовку. Скупно отобрал, что брать с собой, — пересчитал даже патроны. Оставил часы. В последнее время я стал здорово уставать на охоте и теперь стараюсь выходить по возможности налегке. Но были и обязательные вещи, без которых на охоте не обойтись, — ружье, десять патронов, нож и бинокль.

¹ Помимо всего прочего, в горах нередко приходится стрелять под разными углами — либо сверху вниз, либо снизу вверх. В обоих случаях на баллистическую кривую пули дополнительно действует сила земного притяжения, и это необходимо учитывать. Не буду останавливаться на этом вопросе, это заведет нас слишком далеко, скажу только, что поправку на силу притяжения необходимо прибавлять обычно к поправке, вызванной уменьшением сопротивления воздуха.

К вечеру погода стала портиться. Пошел мелкий дождь. Поднялся холодный ветер. Но это не остановило меня, и в нужное время я был на своем наблюдательном пункте.

Пока никого. Сажу, жду, покуриваю. Сверху довольно сильно дует ветер. Потом на противоположной стороне оврага, где я охотился в последний раз, замечаю трех больших козлов. Продолжаю наблюдение. Один остается в скалах, двое спускаются. У нижней оконечности осыпей замечаю еще троих, потом — еще. Потом появляются еще и еще. То же стадо. Пасутся в поле по ту сторону оврага.

Быстро поднимаюсь по ущелью и останавливаюсь под той самой скалой, с которой мы с Джокией спустили семилетнего козла. Отсюда видно все поле и рассыпавшееся по нему стадо. Расстояние — пятьсот метров. Ползу по желобу, по которому спускали козла, переползаю в узкую балку и лезу на противоположный берег. Здесь я в укрытии. За балкой — поле с теке. Наконец выбираюсь из нее, но передо мной оказываются скалы, которые надо пройти до поля. Похоже, начинается знакомая игра в прятки. Я останавливаюсь. Перевожу дух. Поправляю задравшиеся брюки. Привычно прячу за спину бинокль, чтобы он не стеснял моих движений. Держа обеими руками ружье, твердым шагом выхожу из скал...

Выхожу и как идиот застываю на месте — я оказываюсь в самой гуще стада.

Это длилось какую-то долю секунды, но ощущение было такое, что я, как неотесанный мул, без приглашения ворвался в уважаемое общество. Я чувствовал на себе подозрительные, удивленные, брезгливые, возмущенные взгляды достойных членов этого общества. Помню даже, как они располагались: прямо передо мной, в пятнадцати метрах, стояли пять гордых, рослых, представительных козлов. Слева наверху рядом с тремя молодыми теке возвышался огромный бородатый страшный на вид старый козел. Справа и впереди стоял лес рогов. Я не успел разглядеть их, не успел повернуть голову к старому козлу — видел его краем глаза, как вдруг поднялся вихрь. Помню топот и гул, как будто рушилась земля, пыль столбом и грохот сталкивающихся тел. И только одного козла со-

вершенно четко выделил из той группы, что на какой-то миг оказалась передо мной. Ему-то я и всадил пулю прямо между лопатками. В тот же миг что-то красное вырвалось у него из груди, он упал и теперь пытался подняться. Я выжидал. Не хотелось зря стрелять вторично. Козел между тем с трудом поднялся, снова упал, вдруг перекувырнулся и, палками вытянув в воздухе ноги, замер на месте.

И этому козлу, как и тому, что я нашел в конце ущелья, было бы лет одиннадцать. Я насчитал у него семнадцать наростов на рогах, но он был гораздо крупнее. Рога — прямые и длинные, одинаково изогнутые, как сабли...

Какое-то время я сидел, курил и ничего не предпринимал. Ни о чем не думал. Потом, вздохнув, приступил к делу. Козел был очень тяжел. Я пожалел, что не взял с собой ни веревки, ни фотоаппарата. С трудом дотасил его до кромки поля и скинул со скалы — другого выхода не было. Даже будь у меня веревка, один я не смог бы спустить его со скалы.

Я сошел вниз через овраг. Сделал надрез, выпотрошил и снова зашил брюхо. Потом отрезал голову, заложил тушу камнями и пошел к лагерю. Было очень темно. Я еле брел. Голова козла казалась стопудовой. Спешить было некуда. Какая разница, когда я доберусь до дому. Странно, но я не испытывал никакой радости. Так долго ждал этой минуты, что наперед израсходовал ее.

16 августа, вторник.

НА ДРУГОЙ день трижды ходил за мясом, переташил его в лагерь. Сварил в ведре по-киргизски и остудил. Умаявшись, несколько часов валялся без движения. Не чуял ног от усталости. Вечером разжег огонь, заправил бульон специями.

Не знаю, что заставило меня сварить целое ведро мяса. Наверно, неосознанное желание избавиться от всякого рода приготовлений и наконец растянуться на постели. Во всяком случае я поступил мудро, потому что на следующий день с утра пошел дождь со снегом и на целых пять дней запер меня в палатке.

Время, казалось, остановилось. Дождь лил как из

ведра. Первые два дня я поднимался спозаранку, одевался, пытался занять себя чем-нибудь. Накрывшись плащом, бродил под дождем. Через несколько минут вымокал до нитки и снова укрывался в палатке.

Было холодно. Палатка моментально наполнялась сигаретным дымом и мне приходилось открывать наглухо запертое оконце или откидывать полог. Я снова взялся за ружейный справочник.

Одно время развлекался тем, что составлял график — когда и где я видел козлов, каких и сколько.

И пришел к выводу: в Май-Булакском ущелье и на водораздельном хребте обитает, в основном, одно большое стадо теке, разделенное на две группы. Одна группа состоит из коз — маток с козлятами и молодняка до трех-четырёх лет. Во второй — только взрослые теке — от молодых (старше четырех лет) до стариков. Кроме того, мной были замечены несколько старых козлов-одиночек, которые почти никогда не спускались со скал. Общая численность стада, включая и ягнят, — до двухсот голов. Группы не всегда одинаковы по составу. Время от времени они разбиваются на более малочисленные группы, но потом воссоединяются без всякой видимой причины. Молодые трехлетки иногда отделяются от козьего стада и бродят отдельно. Другое такое же стадо, также разделенное на две группы, обитало в районе истока Инильчекского ледника, на южных склонах безымянной пятитысячной вершины. Граница между территориями, которые занимали оба стада, проходила через исток Май-Булакского ледника и соединительный черный хребет.

Осенью козлы и козы объединяются в одно громадное стадо. Весной беременные козы вновь уединяются. За ними следуют прошлогодние козлята и вообще молодняк до трехлетнего возраста. За лето новорожденные козлята подрастают, и к осени общество вновь воссоединяется.

Таким образом, вокруг меня на сравнительно небольшой территории в 2 000—2 500 гектаров (ее границы: с востока — вся система безымянной пятитысячной вершины; с юга — ледник и река Инильчек; с запада — тропа, спускающаяся с Тюзского перевала; с севера — Сари-Джаский хребет) обитало приблизительно до четырехсот теке...

Мне надоело изучать ружейный справочник, надоело жевать сухое вареное мясо. Открыл одну из оставшихся четырех рыбных консервов, она оказалась странной на вкус, и я выбросил ее. Опасаясь отравления, навернул чесноку. Хлеба давно не видел. Снова ем сухое мясо с луком и чесноком. С трудом одолеваю несколько кусков. Ем потому, что надо есть, и это становится уже одним из моих дел.

Я очень похудел. Особенно в последние дни. Провожу рукой по плоскому, как доска, животу, засучивая рукава трех одетых один на другой свитеров и с удивлением разглядываю исхудалую, тощую руку. Непривычное чувство странной легкости и слабости владеет мною.

Сделал записи в дневнике. Написал письма. Целый день развлекался тем, что вспоминал знакомые мне мелодии со старых пластинок. Что было сил орал песни Беллафонте и Пола Анка, ньюорлеанские блюзы Армстронга. Имитировал трубу и саксафон. Орал, выходящий за грань помешанного. Потом, аккомпанируя себе на гитаре, «исполнил» несколько блатных песен на русском языке.

Представил себе Джокию. «Эх ты, неужели ни одной грузинской песни спеть не можешь?» — упрекнул он меня.

«Какой из меня певец, Джокия? Я же никогда не пел, даже за столом! С отчаяния вою все, что приходит на ум...».

Потом придумал такую потеху: представил себе, как повели бы себя некоторые знакомые мне женщины здесь, в этой ситуации, что говорили бы, чем занимались. И при этом умирал со смеху. Потом вообразил, что делал бы я сам, окажись они и в самом деле здесь. «Вот тогда ты и распушил бы свои перья!» — съязвил я в свой адрес.

Словом, тешился, как псих, запертый в четырех стенах. На пятый день почувствовал, что и впрямь могу тронуться, но, к счастью, на другой день распогодилось.

Как после тяжелой болезни я еле выполз на солнышко. Горы вокруг наполовину были покрыты снегом. Карнизы и ледники пика Нансена накрылись новым ослепительным белым покрывалом. Промучившись

я разжег огонь, сварил бульон. Горячая жидкость одурманила меня. Я почувствовал прилив счастья. Никогда не думал, что обыкновенный бульон, чем бы он ни был приправлен, может так осчастливить человека.

После бульона наслаждался кофе, как промокашка, выпитывал его. Сахар давно вышел, и вот уже две недели мне его заменяет яблочный джем. Только я открыл трехкилограммовую банку с джемом, как на нее напозли муравьи. Я немедленно изъясил их оттуда и стал хранить банку в ведре с водой. Но немало их успело геройски погибнуть в недрах джемовой массы. Поначалу это очень беспокоило меня, и я пытался выживать муравьев, но ничего не получалось. Потом я забыл о них, да и они мало чем напоминали о себе.

По ущелью Инильчека с утра мчались черные потоки. К полудню они вдруг иссякли, осталось лишь основное русло реки. Выяснилось, что за водой мне придется ходить гораздо дальше, чем до сих пор. Но несколько жарких дней, и ледник вновь начнет подтаивать, и вновь возникнут потоки. Снег на склонах к середине дня стаял, и только маковки гор оставались белыми. Я вытащил из палатки вещи, проветрил, высушил на солнце. И сам до вечера нежился на солнышке.

А вечером отправился на охоту. На верхней террасе мне повстречались трое рослых русских ребят. С просиявшими лицами они бросились ко мне:

— Здравствуйте, это вы?!

Я ничего не понял.

— Нам сказали, здесь один тип стреляет козлов...

Оказалось, это высокогорные туристы из Москвы. В Алма-Ате они встретились с Сашей Киселевым и Аликком. Те информировали москвичей о Чон-Таше вообще и в частности обо мне. Туристы собирались на Мерцбахерское озеро. Мы договорились, что по возвращении с охоты, я навещу их. Они обосновались в старом коше.

Мне пришлось долго разведывать окрестности Май-Булака, несколько раз менять наблюдательный «пост». Смеркалось, когда я наконец увидел козлов на самом дальнем поле — всего семнадцать голов. Решил подкрасться к ним, но на полдороге стемнело, и я повернул назад.

Было поздно, когда я спустился к кошу. Внутри торел свет, и я решил заглянуть. Ребята готовились к сну. На ногах были только те трое, что повстречались мне на террасе. Оказывается, ждали меня. Я не хотел засиживаться, но они не отпустили меня, угостили компотом, от которого я не смог отказаться. Обещал прийти завтра.

На другое утро, пятнадцатого, вышел на террасу с дробовиком. Подбил двух курочек и двух зайцев и поспешил к кошу. Вчера ночью в шепоте за моей спиной я различил женские голоса и теперь заранее предвкушал, как появлюсь со своим трофеем, сяду у огня, выпью горячий сладкий чай, закурю сигарету и начну рассказывать умопомрачительные истории, словом, привлеку к себе всеобщее внимание. А рядом будут хлопотать красивые девушки — готовить вкусный обед — бросая на меня любопытные взгляды...

Приблизительно все так и произошло, как я себе представлял, с той лишь разницей, что обе женщины оказались дурнушками с прыщавыми, высушенными ветром и обожженными солнцем лицами. Носы у них лоснились от нанесенного слоя крема. У меня упало настроение и сразу пропала охота хвастать. С трудом уговорили остаться пообедать.

На следующий день туристы ушли обратно. Они были так измучены переходом через Сари-Джазский хребет, что не рискнули подняться на ледник.

Через два дня с Тюзского перевала спустились еще две группы — ленинградцы и снова москвичи.

Ни в одной из них не было квалифицированных высокогорных туристов или альпинистов-инструкторов, и вряд ли их можно упрекнуть в том, что они не смогли завершить маршрут.

Обе группы ушли обратно, и я снова остался один.

17 августа, среда.

ПОСЛЕ жарких дней вновь наполнились русла высохших было рукавов Инильчека. Но странное дело: вода то появлялась, то исчезала. Иногда поток замирал у какого-нибудь большого камня, как бы не смея бежать дальше. А потом потихоньку, словно на

цыпочках, крался назад. Через несколько часов он снова набирал силу, смело устремляясь к главному руслу. А потом вновь начинал пятиться...

Сегодня я проснулся поздно. Стояла пасмурная погода. По обыкновению, вооружившись биноклем, изучал горы, вскоре обнаружил на Май-Булакском хребте теке. По моему предположению, это должны были быть козы, поскольку козлы редко выходят на этот хребет всем стадом. Мясо у меня кончилось (угощал туристов), и мне надо было запастись им. Поскольку стадо оказалось недалеко, взял с собой фотоаппарат.

Я решил перейти через седловину, оттуда повернуть по гребню и выйти к стаду сверху, с другой стороны. Но уже на террасах заметил, что стадо, щипля траву, продвигается вверх вдоль гребня. Изменив первоначальный план, я пошел вдоль бокового оврага. Таким образом я выйду прямо к скалам на гребне, то есть туда, куда направляется стадо.

Облака опустились и временами скрывают от меня теке. Здесь, в отличие от Кавказиони, не бывает туманов. Благодаря чрезвычайной сухости воздуха нет и намека на сырость, и по утрам и вечерам ущелья не курятся, как у нас. Рассвет здесь сухой, безросный, яркий. Уже через час после восхода солнца стоит жара, а к полудню горизонт затуманивает марево.

И на сей раз на хребте лежал не туман, а угрюмое облако, предвещавшее непогоду.

Я одолел половину подъема, когда облако переместилось, и на его темном фоне с необычайной четкостью обрисовались фигурки теке. Испугавшись, что и сам могу быть виден так же отчетливо, я укрылся за прибрежными скалами оврага. Продолжил подъем, уже не оглядываясь на стадо. Овраг постепенно становился все круче. Идти было все труднее. Особенно тяжело подниматься по почти отвесным осыпям, уж лучше взбираться на скалы.

Под конец вышел на площадку, покрытую черной и коричневой щебенкой. Облако вмиг окутало меня, и я лишь чутьем понял, что нахожусь на гребне горы. Пошел вправо, держа ружье наизготове. Шел осторожно, неслышно ступая. Каждую минуту мог столкнуться с теке. В сумерках разглядел каких-то маленьких

существ. Они медленно расхаживали по щебенке, но, видимо, испугавшись чего-то, поднялись в воздух и с глухим криком — «Фиинуин! Фиинуин!» — растаяли в дымке. Это была стая чечевиц. Облако, как огромная пуховая подушка, накрыло окрестности, приглушая все голоса и звуки.

Я шел по гребню и чувствовал, как шаг за шагом напрягаются у меня нервы. Начиналась обычная предохотничья лихорадка. Постепенно усиливались сомнения и тревога: а вдруг теке убежали?!

Впереди показался ряд отстоящих друг от друга скал гребня. Знакомое место. И вдруг у меня под ногами словно разорвалась бомба: крупный тяжелый улар, суматошно хлопая крыльями, поднялся в воздух и с тревожным оглушительным свистом пропал в темноте. За ним взлетели еще шесть-семь самцов. Струхнув, я быстро переместился на правый склон гребня, рассчитывая встретить в укрытии обратившихся в бегство теке. А в том, что они обратятся в бегство и будут мчаться вверх по склону (все виды диких козлов в момент опасности устремляются вверх и никогда вниз, если их к этому не принуждают), я не сомневался. Но только под ногами закрипела щебенка, как многоголосый шум оглушил меня: я оказался в центре белосинего вихря, и вторая громадная стая уларов быстро исчезла в облаке. Ругаясь, я снова взобрался на гребень и тут спугнул третью стаю. Какое-то время протяжные крики уларов: «Уу-ту-лу-ту-лу-ту-лу-лу!» глухо звучали в темноте, потом воцарилась тишина.

Теперь я не сомневался, если стадо теке и было где-то здесь поблизости, то после всего этого оно, наверно, находится уже за девятью горами и девятью оврагами...

По инерции я кружил вокруг гребня, постепенно спускаясь, как вдруг увидел слева от себя на границе бледного неба и темного облака что-то вроде воткнутых в щебень палочек и только спустя мгновение понял, что это рога...

Нервную лихорадку я пережил заблаговременно и потому с полным спокойствием смотрел на эту «поросль» рогов. Я насчитал десять коз и семь молодых козлов. Но их могло быть и втрое больше — я ведь видел только кончики рогов, остальное скрывалось за ок-

руглостью склона. Я даже не знал, лежат они или стоят. Быстро перейдя на другую сторону гребня, я побежал прямо вниз и снова вышел к стаду. Это было уж слишком: я лежал на голой щебенке за камнем величиной с футбольный мяч и смотрел на разлегшееся передо мной в каких-нибудь восьми-десяти метрах стадо.

Теке кучно лежали на мшистой осыпи и спали. Временами один из них, подняв голову, закидывал ее назад и зевал, как лошадь. Только три козленка стояли на ногах, застыв на месте и уставившись в одну точку. Всего в стаде было двадцать семь голов. Козлята вымахали уже с домашнюю козу. Меня удивила их малочисленность. В стадах, которые я встречал месяц назад, почти каждую козу сопровождал козленок. Что же случилось? Куда девались остальные? Погибли? Но от чего? Может быть, это проделки ирбисов, впрочем никаких следов, подтверждающих их существование, я не встречал...

Не спала только одна старая коза. Высоко держа голову, она оглядывала окрестности, непрестанно жуя жвачку, и двигала ушами то в одну, то в другую сторону. У нее были длинные тонкие рога и жидкая борода. На какой-то миг она задержала на мне свой бездумный козий взгляд. Я весь взмок и сжал в руках ружье, но в следующую же секунду она с полным равнодушием перевела глаза на покрытый щебенкой соседний участок. Теке, обычно такие зоркие (как впрочем и другие звери), проявляют удивительную близорукость, если охотник одет в костюм защитного цвета и сидит не двигаясь. А движущегося человека они замечают издали и, заметив, уже не выпускают из поля зрения.

Было видно, теке уже обросли новой шерстью: по хребту от шеи до хвоста шла яркая черновато-коричневая полоса. Такого же цвета полосы, только более узкие, спускались с боков до колен. Голени были более темного оттенка. Лопатки и ляжки выделялись чистым молочно-коричневым цветом, посреди живота переходившим в дымчато-беловатое пятно.

Я лежал и смотрел на них. Стрелять не спешил. Не хотелось. Не всегда ведь выпадает такая возможность — спокойно полежать рядом со стадом. Вдруг я вспомнил, что у меня с собой фотоаппарат. Обрадо-

вавшись, вытащил его из внутреннего кармана штормовки. Установив глубину резкости приблизительно между семью и пятнадцатью метрами, осторожно поднес к глазам, поймал кадр и щелкнул.

В тот же миг раздался грохот и стук копыт, и стадо пропало. Я сбежал по склону и увидел, что оно, пересекая боковое взгорье, несется к вершине. Я стал целиться то в одного теке, то в другого. Не имея возможности разобрать, где козел, где коза или козленок, я замешкался. Не хотелось попасть в кормящую мать или козленка, а стадо тем временем исчезло за скалами. Спустя некоторое время, разглядывая окрестности в бинокль, я с трудом различил его в дальних скалах гребня. Теке стояли скучившись и смотрели в мою сторону.

У меня родилась нахальная мысль — снова подкрасться к стаду. Вообще это безнадежное и бессмысленное занятие — пытаться подойти к испуганному стаду, но мне очень не хотелось возвращаться с пустыми руками.

Я пошел вверх по противоположной стороне гребня. По ней можно было совершенно спокойно пройти мимо стада, а потом снова перейти на его сторону.

Прошел с километр. Подъем становился все круче. Вокруг лежал на редкость чистый, недавно выпавший снег. Я снова перешел на другую сторону, переместился вниз и стал изучать в бинокль черные скалы, где я заметил теке в последний раз. Но там их уже не было. Гребень в этом месте расширялся, частично скрывая под собой нижние скалы. Несколько раз я осторожно менял место наблюдения и каждый раз усердно вглядывался во вновь открывавшиеся мне участки.

И тут на фоне неба заметил выступающий за линию бокового взгорья какой-то непонятный силуэт со странной закорючкой. Долго всматривался в него, прежде чем догадался, что это молодой козел. Он стоял спиной ко мне. Линия взгорья наполовину скрывала его.

Подкрадывался к нему ползком, используя любое углубление, стараясь прикинуть к земле так, чтобы видеть только кончики рогов. Таким образом преодолел метров двести. Снег кончился, началась коричневая щебенка. Местность выравнилась, и как я ни льнул

к земле, рога неуклонно росли над линией горизонта, наконец появились уши и затылок теке. Я остановился. Лежал и размышлял: может, вернуться и обойти его сверху?! Но тогда придется делать огромный крюк, да и купол горы — ровный и голый.

И вдруг меня осенило: была-не была! В такой ситуации безразлично ползешь ты или идешь, выпрямившись во весь рост, — все равно увидит. Главное, чтобы он не оглянулся! Если повезет, я подойду к нему на выстрел прежде, чем он обернется... А выпрямившись, я пройду это расстояние гораздо быстрее, чем ползком. Важно продвигаться совершенно бесшумно, да и ветра не должно быть с моей стороны. Я встал и, держа ружье в обеих руках, неслышно пошел прямо на теке. Шел по возможности очень быстро. Время решало все. Прежде чем козел вздумает обернуться, я должен подойти к нему на верный выстрел.

Странное, должно быть, это было зрелище: в пятистах метрах спиной ко мне стоял козел, а я с засученными рукавами, держа карабин наизготове, приближался к нему так, словно спешил к пойнтеру, стоявшему на стойке над перепелкой...

Так я приблизился к козлу меньше чем на триста метров. Уже можно было стрелять, но он не оборачивался, и я продолжал приближаться, стараясь выиграть расстояние и уже жадничая и наглея. Тут у меня под ногами скрипнул песок. Я мигом распластался на земле, к счастью, в ней оказалась небольшая выемка. И снова ничего не вижу, кроме кончиков рогов на горизонте. Они резко повернулись в мою сторону. Я прилип к земле, как лаваш, и, не сводя глаз с кончиков рогов, мысленно проклинал себя: «Какого черта ты плюхнулся на землю?! До него не более двухсот метров, почему не выстрелил?! А теперь вскочить и выстрелить не успеешь!..»

Рога медленно поворачивались в обратную сторону и замерли в боковом положении. «Трехлетка», — автоматически отметил я. Медленно, очень медленно возвращались рога в исходное положение. «Наконец-то! Пора!» — подумал я. Но тут они снова повернулись в мою сторону. И снова я стал нервничать. Как видно, козел что-то заподозрил и теперь — весь внимание. «Вставать или нет?». Рога вдруг стали расти.

«Что он делает?» — удивился я и прежде чем сообразил, что козел идет в мою сторону, на горизонте показались сперва его уши, потом морда с пестрыми глазами, в которых застыло удивление. Он смотрел прямо на меня. В мгновение ока я вскочил и выстрелил. Но он успел сорваться с места. Совершенно отчетливо я увидел, как пуля прошла через бедро и пробила брюхо, но он, не дрогнув, пересек купол горы и скрылся за ним.

Теперь я должен преследовать раненого козла до тех пор, пока не настигну.

Облако ушло, небо очистилось и стало прозрачно-лазурным. Воздух был необычайно мягок и акварельно-прозрачен. Я привык уже к густым, насыщенным темно-синим и темно-фиолетовым краскам здешнего неба, и эта лазурь и прозрачность небосклона были мне в диковинку. Снег ослепительно сверкал на солнце. С самой высокой точки купола в бездонной глубине у чонташского источника я увидел серебристую точку. Палатка! Значит кто-то вернулся с ледника, наверно, киевляне.

Я пошел в ту сторону, где скрылся козел. Увидел кровь на снегу. Следы вели к гребню. Зернышками граната сверкнула на солнце стая вспугнутых красных вьюрков. Вдали, в самом начале ущелья, увидел несущееся вскачь стадо. Это было то самое, вспугнутое мной, стадо. Значит и оно было там же, в складках, и после моего выстрела бросилось наутек, но так, что я его не видел. Неужели и мой козел с ними? Если да, мне придется здорово потрудиться, прежде чем я его нагоню. Стадо уже несло по тем местам, где я нашел своего убитого козла, по диагонали пересекло осыпи, пронеслось по снегу, покрытому синеватой тенью, и устремилось в глубь красных скал.

Да-а, нелегко мне придется, если мой козел в стаде... В задумчивости я пошел по следу. След был кровавый и одинокий.

«Где-нибудь впереди, наверно, сольется со следом стада...» — подумал я.

Но след вдруг резко повернул вниз. Я уже был на склоне и видел его далеко впереди. Не отрывая от глаз бинокля, я шел по следу, стараясь не пропустить то место, где он соединится со следом стада, как вдруг

увидел своего козла. Он стоял, понурив голову, в тени от черной скалы, возвышавшейся в осыпях, подобно сторожевой башне.

«Слава богу... Далеко он уже не уйдет...» — подумал я, быстро скользя по осыпи вниз. Козел вздрогнул и неуверенной рысцой двинулся по склону, но не вверх, куда ушло стадо, а в противоположную сторону, вдоль ущелья...

Я затормозил, поймал его на мушку и ударил.

Козел кувыркком покатился вниз.

«Готов!» — с громким шуршанием я опять заскользил вниз по щебенке и резко притормозил у места, где упал козел, огляделся по сторонам. Кровавый след вел прямо вниз. Я продолжил спуск. След привел на дно ущелья и пропал. Козла нигде не было. Я долго кружил на месте в поисках следа, перешел через реку. Потом вернулся и пошел вдоль берега. Наконец у самой воды увидел кровь. Как видно, метров двести козел брел по воде, а потом снова вышел на осыпь. Как ищейка, трусил я по кровавому следу. Спешил, каждую минуту ждал появления козла. А кровавый след, не прерываясь, вел по прибрежным камням и щебенке...

Так я пробежал два километра и вышел к тому участку Май-Булакской реки, где мне еще не доводилось бывать. Русло здесь постепенно суживалось, и река текла по узкому глубокому коридору в скалах. Не исключено, что этот коридор постепенно спускается вниз, и мое преследование будет прервано каким-нибудь водопадом...

В подножье высоких скал было почти темно и холодно. Река оглушительно ревела. Я шел по колени в воде. Русло ошутимо шло вниз, под уклон, скорость течения увеличивалась. Переползая с одной скользкой глыбы на другую, я медленно спускался вниз.

Одно было непреложно: козел шел по руслу. Хорошо, если его ослабевшие ноги выдержали силу течения, тогда я обнаружу его где-нибудь внизу, а вдруг вода сбила его, завертела, закружила, и он застрял под водой между камнями, — в таком случае его и сам черт не найдет.

Я подошел к опасному отрезку. Вода с ревом бежала вниз. Предприятие было довольно рискованным — места я не знал, вполне возможно, впереди был во-

допад, достаточно споткнуться, и вода тут же подхватит меня, унесет и выбросит в пропасть. Но возвратиться назад я не мог. В крайнем напряжении, с превеликой осторожностью, шаг за шагом я спускался все ниже и ниже и вдруг увидел поворот в скале, а в конце его, справа внизу, — каменистый берег реки, освещенный солнцем. Я обрадовался, значит дальше русло расширяется. Легко, в несколько минут, преодолел остаток пути и, вымокший до нитки, вышел на согретый солнцем ровный берег.

Оглядевшись, я обнаружил, что нахожусь в широкой круглой котловине. Река замедляла здесь бег. Было тепло и тихо. Вокруг возвышались песчаного цвета гладкие скалы. По краю берега в сухой колючей траве валялись несколько сгнивших черепов с большими разбитыми рогами. Я не спеша пошел вниз и передо мной открылась вся котловина: по обе стороны ее поднимались, устремляясь друг к другу, желтоватые гладкие скалы, которые смыкались прямо над руслом. В обломках, громоздящихся у их подножия, пропадала вся вода Май-Булака. А вокруг на берегу, на глинистой почве, покрытой сухой колючей травой, повсюду валялись разбитые, растрескавшиеся, разложившиеся от времени рога и черепа теке, измазанные илом, застрявшие между камнями. Некоторые черепа хранили еще сгнившие обломки рогов, на других ничего, кроме внутренней кости, не оставалось. Это был «мешок для теке», «кладбище теке», о котором мне рассказывал Рискельди.

Тяжелое зрелище представляли собой эти варварские останки.

Охота на теке, недоступных, сильных животных, — сложное, рискованное, но и достойное занятие, требующее от охотника качеств, которые вырабатываются годами. Мало-мальски гордому человеку претит то, что на языке спортсменов называется «запрещенным приемом».

Здесь же все было обесценено. Все, что любому горному охотнику представляется редким драгоценным плодом многолетних усилий, тренировок, мастерства наконец, здесь было превращено в грязную бойню.

У меня безнадежно испортилось настроение. Все

вдруг утратило смысл — показалось ненужным, уродливым.

В таком гнусном состоянии духа я набрел на своего козла. Он лежал в траве. Солнце успело высушить его. Я перевернул тушу, под ней оказалось большое мокрое пятно. Козел сам дотащился до этого места. Река не смогла бы выбросить его на траву.

В тот момент я вовсе не обрадовался своей находке. Сидел подле нее и отрешенно курил сигарету за сигаретой.

...В конце концов, почему я так расстроился? Я ведь знал о «кладбище теке» от Рискельди, знал и то, что это — дела давно минувших дней... Кроме того, к охоте, как таковой, они не имели никакого отношения: группе попавших в затруднительное положение людей жизненно необходимо было мясо. Они нашли место, богатое теке, нашли и способ их добывания, притом в большом количестве. Никому и в голову не приходили мысли об охоте или спорте, им было не до этого. Сделали свое грязное дело, запаслись мясом и ушли. Ничего не поделаешь... Человек поступал так с незапамятных времен, когда зверей было больше, чем людей. А тут благодаря особому стечению обстоятельств, временно возникло положение, характерное для тех незапамятных времен, и история повторилась...

Но вот специальные вылазки армии пастухов за «бесплатным мясом», преследующие цель сохранить в отаре одну-двух овец ценой безжалостного истребления пойманных в западню зверей, это уже свинство... Однако и они вот уже несколько лет как пресечены благодаря вмешательству пограничных постов. В настоящее время многочисленным стадам теке ничего не грозит. Я сам убедился в этом во время своего пребывания на Чон-Таше. Это — безлюдный район, здесь почти не охотятся. А те редкие случаи охоты, которые имеют место, не могут принести вреда теке. Напротив, согласно теории Рискельди, они даже оправданны. Да и помимо всего прочего не так уж часто можно встретить в горах подобную западню...

Так что незачем впадать в отчаяние, но «кладбище теке» вызвало в памяти иные истории и пробудило немало мрачных мыслей. Перед глазами возникла це-

лая галерея вооруженных придурков. Вот один из них с озаренным от восторга лицом вешает на удавчики дроздов, убитых в садах на околице села. А вот другой с удивлением рассматривает сбитую «точным выстрелом» кукушку или дятла, понятия не имея, кого он убил — фазана или какаду. Третий с истерически злобной настойчивостью преследует чудом уцелевшего в окрестностях его села единственного зайца, у которого уши уже изрешечены дробью...

Перед глазами встали картины замазученных озер с выжженными берегами, полей, отравленных с самолетов, вырубленных или смятых техникой и скотом лесов...

В подобной ситуации уважающий себя охотник не может не задаться вопросом: не утратила ли охота то, ради чего он охотился, что доставляло ему истинную радость?! Но тут также все зависит от самой личности: если человеку может доставить удовольствие победа над парализованным борцом или выигранная дистанция у бегуна со сломанной ногой, ему ничто не мешает бабахать по уцелевшим зайцам, фазанам или куропаткам, почти свихнувшимся от постоянного преследования.

Пресечь деятельность браконьеров — мера необходимая, но недостаточная. Браконьер не уничтожает места обитания птиц и животных. Он не поднимает целины, не отравляет с самолетов огромные территории, не выжигает камыши и тростниковые заросли, не осушает болота, не замазучивает озера и реки.

Наконец, не он позволяет скоту вытаптывать места гнездования фазанов, куропаток, перепелов и других птиц, не он вырубает прибрежные леса, чтобы на «освобожденной» территории разводить огурцы и не он подводит к этим вырубкам новые дороги для перевозки тех же огурцов. Все это планомерно и целеустремленно творит наше народонаселение в целом, огромное человеческое хозяйство. Природе объявлена беспощадная война, и она постепенно уступает свои позиции, беспомощно цепляясь за последние уголки, но и они обречены, скоро и их не останется...

Браконьер шакалом следует по пятам за безоглядным всесокрушающим прогрессом, добывая то, что чудом уцелело после него...

Можно ли спасти природу?! Весь мир в большой тревоге. Идут обсуждения этого вопроса, выдающиеся умы изучают и ищут пути его разрешения. Но, к несчастью, темпы роста практических нужд несравненно более стремительны и пока не предвидится никакой возможности хотя бы несколько приостановить их.

Лишь труднодоступные горные районы избежали — пока! — этого ошеломляющего разорения и грабежа. Сюда еще не проникла техника. Еще не придуман вид транспорта, который позволил бы браконьерам истреблять туров и серн при свете прожекторов. Слава богу, не существует еще отрасли хозяйства, использующей скалы и ледники. Иначе мы не были бы свидетелями удивительнейшего парадокса: в сегодняшней Грузии гораздо больше таких редких, почти легендарных животных, как тур, нежели неприхотливых, прозаических полевых птиц, таких, как серые куропатки. Разве этот факт не вопиет о невиданном разорении равнинной природы?!

Охота в высокогорных районах продолжает оставаться суровым, сложным, требующим высокой квалификации видом спорта. Охотник должен обладать сноровкой и множеством особых качеств, как то: отличной физической подготовкой, большой выносливостью, основными альпинистскими навыками и знаниями, крепкими нервами и выдержкой, умением умно рисковать, быстрой реакцией, основательными знаниями жизни зверя и искусством пулевой стрельбы по движущейся мишени с далекого расстояния. В этом виде спорта нет ни судей, ни зрителей, и очень многое здесь зависит только от врожденного благородства личности охотника...

Между тем перевалило за полдень. Небосвод, лежащий на рыжеватой скальной дуге, стал темно-синим, тени удлинились, освещенное солнцем пространство уменьшилось.

Я стал искать выход из котловины. В бинокль разглядел в скале полустершуюся от времени тропинку, которая обрывалась, не добегая до подножия восемь-десять метров. Доползти до нее не составляло труда, но поднять козла было почти невозможно.

Я выпотрошил тушу, зашил надрез и там же ос-

тавил. Сам дополз до тропинки и через некоторое время вышел на холмы над заброшенным кошем. Возле лагеря столкнулся с группой Юрия Козуба. Отощавшие, высушенные как тарань, обросшие, с бронзовыми от загара обветренными лицами, они уже спешили обратно — до наступления темноты надо было пройти через перевал.

Позади у них был довольно сложный маршрут: с ледника Комсомольский, преодолев ледяную стену бокового хребта, они перешли на ледник Пролетарский. Высота покоренной седловины — 5100 метров. На Чон-Таш они спустились вчера поздно ночью. Сегодня утром наведались ко мне. Оставили в палатке немного сухарей и кофе...

Жаль, что я не смог угостить их мясом теке, но ничего не поделаешь... В спешке мы обменялись адресами и расстались.

Я взял веревку и возвратился назад. До наступления темноты притащил тушу домой, в лагерь...

22 августа, понедельник.

УТРО девятнадцатого августа выдалось на редкость погожим. Впервые за прошедшие две недели на небе — ни облачка: ни над Майдадиром, ни в верховьях Инильчекского ледника. Я ждал вертолет, погода для полета была благоприятной. Все утро провел в хлопотах, отобрал груз, который собирался взять с собой наверх, подготовил все для того, чтобы при появлении вертолета свернуть лагерь.

Но ожидание оказалось напрасным. За утро я выкурил три последние сигареты, и теперь у меня появилась новая забота: я обошел лагерь, подобрал все окурки, очистил, извлек из них табак и наполнил им небольшую банку.

Двадцатого и двадцать первого погода снова стала капризничать. То выглядывало солнце, то шел мелкий град. С пика Нансена снова пошли лавины. Как видно, за эти дни ледяные карнизы подтаяли на солнце.

Утро двадцать второго застало меня на склоне пятитысячной безымянной вершины. Я прошел через весь ее нижний хребет. На дальнем скальном взгорье за-

метил очень большое стадо рогатых теке. Долго разглядывал в бинокль, как они не спеша длинной цепочкой поднимались вверх, параллельно взгорью. Их изогнутые, как турецкие ятаганы, рога резко выделялись на фоне фиолетового неба.

По дороге в лагерь подстрелил самца улара, которого издали приметил в камнях. Вечером изжарил улара в глине, по-киргизски, и половину съел. Мясо получилось сухим, так как у меня не было никакого жира, чтобы положить вовнутрь.

Пошел мелкий дождь. Скучая сидел я в палатке, покуривая самокрутку. В это время послышался тревожный пересвист сурков. Я вышел из палатки и увидел на террасах двух всадников. Это были киргизы. Один из них, тощий, костлявый, соскочил с лошади, поздоровался, отрекомендовался Борисом и сказал, что они табунщики, их табуны — за Тюзским перевалом. (Я вспомнил слова Рискельди: в этом районе никого, кроме нас, нет, только за Тюзским перевалом стоит один кош табунщиков...) От туристов киргизы узнали, что на Чон-Таше один «товарищ грузин» охотится на теке. Там у них нет хороших охотничьих мест, вот они и приехали сюда, поскольку им очень нужно мясо. — Ты знаешь эти места, может, поможешь нам...

Он изъяснялся на ужасном ломаном русском, и понадобилось время, чтобы я, наконец, понял его. В течение всего нашего разговора второй киргиз, маленький, круглолицый, полный, в своем толстом ватнике напоминавший здешних сурков, не моргая смотрел на меня своими узкими блестящими глазками.

Я пригласил их в палатку. Борис что-то сказал по-киргизски своему товарищу. Тот слез с лошади. — Это — Аиб, он не знает русский, — представил мне его Борис.

Они быстро сняли плоские киргизские седла с лошадей, стреножили их и отпустили. Борис отвязал от седла бурдюк с кумысом и направился к палатке. Вслед за ним, сняв со спины «мелкашку», влез в палатку Аиб.

Я угостил киргизов вареным мясом и половиной улара. Они ели не спеша, запивая кумысом. Покончив с мясом, погрызли сухари, оставленные киевлянами, и

опять пили кумыс. Больше трех чашек я не смог одолеть. Ко всему надо привыкнуть...

Разговор не клеился. Борис нещадно коверкал русский, половины я не понимал. Аиб за весь вечер не произнес ни звука.

Я устроил их на ночь во второй палатке. И сам вскоре уснул.

А сегодня с самого утра все пошло кувырком. Начать с того, что часы остановились, и мы вышли из лагеря только к шести утра. Потом, понадеявшись на бинокль Бориса, я оставил свой дома — только бы не брать с собой ничего лишнего...

Киргизы отправились на лошадях. Я предварительно показал им седловину и объяснил, куда они должны выйти и где оставить лошадей (при этом они понимающе закивали головами), а сам приступил прямо к подъему. Одолев половину пути, я увидел их почему-то на той стороне реки, у тропинки, ведущей к Тюзскому перевалу. Кричать было бесполезно — не слышали бы. А если бы и услышали, я все равно не крикнул бы, так как всего несколько минут назад на поросшей травой террасе под самым гребнем заметил все то же знакомое мне стадо коз и молодых козлов. Я тут же укрылся в складке, но без бинокля не смог проследить за их передвижениями и теперь вслепую поднимался вверх.

Приблизившись к гребню, увидел нескольких коз в черных скалах. Стадо не могло так быстро переместиться туда. Откуда же эти козы?

Я был в растерянности. Выйдя на осыпи, увидел своих киргизов. Отпустив лошадей, они сидели на небольшом аккуратном холмике, на поляне под самым Тюзом. О совместной охоте не могло быть и речи. Махнув рукой, я пошел через гребень. Над головой без свиста пролетел улар. Держа ружье наизготове, я передвигался с большими предосторожностями, не зная толком, куда лучше идти. Гребень формой напоминал мяч, и потому окрестности просматривались на небольшом расстоянии. Вообразите, что находитесь на куполе тбилисского Дворца спорта, и вы поймете меня. На каждом шагу я мог наткнуться на теке, и надо было

успеть выстрелить, потому что в следующий же миг стадо исчезло бы. Меня нервировала эта неопределенность, держась настороже, я пересекал купол гребня то в одном, то в другом направлении.

В этом хождении взад и вперед вдруг увидел, как из-за склона показалась голова молодого козла. Он очень внимательно смотрел на меня и, перехватив мой взгляд, исчез. Я бросился к нему, но его и след простыл.

Тут далеко внизу, на знакомых мне пастбищах по ту сторону Май-Булака я увидел большое стадо. Без бинокля трудно утверждать с уверенностью, но, как мне показалось, в стаде были и рогатые теке и безрогие. Щипля траву, они медленно поднимались к осыпям, разбившись на небольшие группки. У нижней кромки поля я различил еще трех козлов. Они беззаботно паслись отдельно от стада, и я решил попытаться подойти к ним.

Склон был почти отвесный, покрытый щебнем, что позволило мне со стремительностью глассера съехать с него. Когда я достиг середины склона, тройка козлов тронулась с места и не спеша направилась к осыпям, туда, где в красных скалах уже собралось все стадо.

Подступиться к ним было уже невозможно. Терять мне было нечего, и я решился. Лег, перевел прицельную планку на восемьсот метров и начал стрельбу...

Теке смешались. Пули свистели вокруг, вселяя в них панику, и вместо того, чтобы бежать вверх, они заметались в растерянности.

Отсюда они казались белеющими, величиной с блоху, точками, и все же один как-то выделялся своими размерами и рогами.

Стрелять на таком расстоянии без оптического прицела — гиблое дело. Я стрелял наугад, вслепую, наобум. Но попытаться стоило. Я сделал семь выстрелов, и вдруг один козел пропал из поля зрения. Никак не мог понять, куда он делся, — красные осыпи не пересекал, это уж точно. После одиннадцатого выстрела я потерял из виду и второго, остался третий, самый крупный. Я выстрелил еще два раза, он преспокойно пересек осыпи и скрылся в скалах...

Спускался вниз и думал: теке исчезли, не покидая поля, а что если я достал их? Без бинокля не увидишь

неподвижные туши. Это было единственным логическим объяснением их исчезновения. Во всяком случае, не мешало проверить на месте.

Спустившись на дно ущелья, я перешел через реку, поднялся на поляну и сразу наткнулся на молодого двухлетнего козла. Пуля попала в левый бок и прошла тело насквозь. У верхней кромки поля лежал второй козел, точь-в-точь как первый, словно его близнец. Пуля угодила ему в позвонок и вышла под правой лопаткой.

Я посмотрел в сторону киргизов. Они оседлали лошадей и трусцой спускались ко мне по склонам. Прискакали взмокшие от пота, сияющие. Хлопали меня по плечу, что-то говорили, должно быть, хвалили.

Я спросил Бориса, почему они уселись на том холмике.

— Ты поднялся на хребет, и мы потеряли тебя.. Долго всматривались, но не нашли.. Теке тоже не видели. Только выстрелы слышали, но ни тебя, ни теке не было видно.. Увидали тебя, когда ты вышел на это поле. Поняли, убил кого-то, вот и поспешили..

Борис снял с седла бурдюк, и мы выпили остатки кумыса. Потом он свернул из газеты сигарку и протянул ее мне. Я сел на камень, закурил. А Борис с Аибом быстро освежевали теке и разрубили на куски. Борис сказал: — Ты хозяин, ты и дели.

Я завернул в шкуру внутренности и две ляжки и сказал, что остальное они могут забрать с собой. Поблагодарив, они сложили мясо в мешки, подложили их под седла и привязали веревкой.

Борис дал мне адрес своего колхоза, добавив при этом, что Борисом его зовут по-русски, а по-киргизски он Бектурган Алегбеков. Оставив мне всю махорку с газетными лоскутами, они тронулись в путь. И долго махали мне на прощанье...

Я еще раз увидел их, когда спустился к заброшенному кошу — они поднимались к Тюзскому перевалу.

23 августа, вторник.

С УТРА было жарко. Весь день с пика Нансена носилось погромыхивание. В течение дня прошло одиннадцать лавин. На небе — ни облачка. Несколь-

ко раз искупался в реке. Обсохнув, каждый раз обнаруживал, что тело приняло синевато-серый оттенок от вьевшегося в кожу тончайшего песка, которым насыщены воды Инильчека.

Вечером взял дробовик, сложил в рюкзак шкуры убитых вчера козлов, гвозди, молоток, соль и отправился наверх, к заброшенному кошу. На северной бревенчатой его стене растянул козлиные шкуры, густо посыпав их солью. (Это были первые шкуры с окончательно окрепшей шерстью; у всех предыдущих козлов, которых мне приходилось стаскивать со склонов, шерсть сразу же вылезала, будто их обривали, а у этих, молодых, она ничуть не пострадала).

Поднялся к источнику над кошем и смыл с себя синий песок. На обратном пути, там, где родниковая вода разбивается на ручейки, с кустов взлетела стая диких голубей. Я сбил двух, потом, когда стая возвратилась, еще одного.

По дороге к кошу, до которого оставалось шагов пятьдесят, вспугнул три большие стаи кекликов, но уже не стрелял. Не было нужды. Наверно, жара согнала сюда, на этот крошечный орошаемый участок, измученных жаждой птиц.

Вырубил большие куски кизяка возле коша, наполнил им рюкзак, привязал к нему собранные здесь же сучья и палки (топливо у меня кончилось) и пошел вниз.

Выйдя на нижнюю террасу, увидел мужчину в длинной синей пуховке, который, сидя на корточках среди камней, что-то выкапывал ледорубом.

Я знал, такие пуховки носят члены группы Романова, значит кто-то из них вернулся и сейчас я услышу все тамошние новости.

Я подкрался к нему на цыпочках и гаркнул:
— Что вы тут копаете?!

— А-а-а! — как сумасшедший вскричал он, вскакивая на ноги. Это был Гришнев, член Всесоюзной альпийской федерации, небольшого роста сухопарый мужчина лет сорока пяти.

Я никак не ожидал подобной реакции. Мне было неловко. С трудом сдерживая смех, спросил, сколько их спустилось и по какой причине.

— Все спустились, закончилась наша экспедиция,
— ответил он.

— Ну как?! С чем поздравить? — голос у меня был праздничный.

— Да что вы, у нас человек погиб, Ворожищев!..

Я почувствовал, как у меня вытянулось лицо. Как я раскаивался в своей дурацкой, неуместной шутке, но было уже поздно. Я засыпал Гришнева вопросами, но он предложил спуститься в лагерь:

— Там все и расскажу.

Здесь, под камнем, у них были зарыты запасы консервов на обратный путь, я помог ему раскопать их и спустить в лагерь.

— Открою баклажаны, ужасно соскучился по ним... Там их не было, — сказал он мне. Странная усталость и надломленность чувствовались в его голосе и съезжившемся, погасшем лице. Видимо, они пережили тяжелые, трагические минуты...

Вова Ворожищев, сорокадвухлетний богатырь, как и Романов по профессии был врачом-хирургом — и в то же время довольно известным альпинистом.

...Трассу к вершине готовили две группы — наша и московская. Были подняты провиант и снаряжение, на сложных участках подвешены веревки. Словом, трассу подготовили основательно и в хороший срок.

Десятого Миша Хергиани и Тамаз Баканидзе покорили пик Важа Пшавела (западную Победу). На обратном пути в лагерь повстречались с передовой группой москвичей, вышедших на траверс. Наши ребята предупредили их, что на главном хребте начался шторм и выйти на гребень уже невозможно. Но группа продолжала восхождение, надеясь добраться до верхнего лагеря. Однако на полпути их настигла буря, и они были вынуждены повернуть назад. А ураган все крепчал.

Тому, кто не бывал высоко в горах, трудно представить, что такое буря на семикилометровой высоте над уровнем моря. Никакой арктический шторм не сравнится с ней, так как ко всем его опасностям прибавляется кислородный голод. В течение считанных часов человеческий организм истощается, и ничто ему уже не может помочь — ни еда, ни медикаменты.

Группа москвичей начала борьбу за жизнь. Не медля вниз, в ближайший лагерь (пещеру, вырубленную во льду на высоте 6500 метров). Каждая потерянная минута могла стать роковой. Когда группа достигла укрытия, пятеро были обморожены, остальные опасно обессилены. Ночь была тяжелой. Всем на удивление у физически самого крепкого Ворожищева началось воспаление легких. На такой высоте это грозило неминуемой смертью. Дело в том, что здесь, в атмосфере разреженного воздуха, при воспалении легкие сгорают, как бумага, и приостановить этот процесс можно лишь путем немедленного спуска больного. Но в эту адскую ночь не было никакой возможности осуществить это.

К утру Ворожищев скончался. Состояние членов группы ухудшилось. Буря продолжала бушевать, хоть и пошла на убыль. Медлить было нельзя. По радиации связались с лагерем, сообщили о случившемся. Оттуда немедленно вышла спасательная группа во главе с Мишей Хергиани.

Вторую группу москвичей, которая шла на смену группе в верхнем лагере, ураган застал немного ниже, на высоте 6000 метров. Они переждали бурю в нижнем промежуточном лагере и были в сравнительно лучшем положении. Группой руководил сам Борис Романов, но они были слишком обессилены, чтобы идти на помощь к другим...

Тем временем к пострадавшим подоспела группа Миши Хергиани. Спасательные работы велись с исключительной быстротой и четкостью. В первую очередь вниз были отправлены обмороженные, потом остальные члены группы и, наконец, спустили тело Ворожищева.

На высоте 5000 метров эвакуированных встретила вторая группа наших альпинистов, которые подняли в термосах горячий чай и еду. Врач нашей экспедиции Хито Муселиани здесь же провел первые операции.

— Ваши ребята вырвали нас из рук смерти... — закончил свой рассказ Гришнев.

Мы помолчали.

— Завтра вертолет вывезет обмороженных... — сказал он погодя.

Было темно, когда Гришнев ушел, забрав с собой консервы на ужин. Их группа разбила лагерь у камня Чон-Таш.

24 августа, среда.

НОЧЬЮ я вышел на охоту. К утру заметил стадо на взгорье и пошел прямо наверх. Но, поднимаясь, потерял его из виду, и началась знакомая игра в прятки. Поминутно с камней взлетали улары и с тревожным свистом и криком пропадали в глубине ущелья. Я же с ружьем в руках ходил по взгорью взад и вперед, как если бы охотился на перепелов, пока не очутился посреди стада. Во все стороны от меня бежали теке, но стоило мне прицелиться, как оказывалось, что это коза или козленок. В мгновение ока стадо испарилось, и я снова остался ни с чем...

...И вновь, как накануне, я увидел стадо рогатых по ту сторону Май-Булака, на пастбище под Тюзом (где я впервые свалил козла). Вышел на гребень и уже начал спускаться в овраг, как услышал грохот вертолета. Грохот все усиливался, но над Майдадиром, откуда обычно появлялся вертолет, его не было видно. Я удивленно озирался вокруг и вдруг увидел, как из-за Тюзского перевала пулей вылетел вертолет Вересова. Стадо теке сорвалось с места и вскачь понеслось вверх по утесам.

Описав круг, Вересов сел близ моего лагеря. Я поспешил назад, думая, что он летит на Дикий и должен забрать меня с собой. А заставлять себя ждать не хотел, так как хорошо знал во сколько обходится экспедиции аренда вертолета: один час — триста рублей...

Скоро колени стали предательски подгибаться. Долго выдержать такой темп было невозможно. В этот момент я услышал рядом с собой резкий короткий свист и от неожиданности замер на месте. Раздался топот копыт, и на фоне восходящего солнца показались два силуэта. Солнце сидело на выступе скалы и било мне прямо в глаза, и я наугад, пока козлы не переместились в тень, выстрелил. В тот же миг я понял, что промазал. Теке скрылись в скалах бокового оврага. Я перебежал через склон и стал всматриваться в овраг и утесы по ту сторону, но ничего не увидел. Вдруг

с глыбы подо мной с криком сорвался огромный улар, что окончательно вывело меня из себя...

Посрамленный, я повернул назад. Наверно, это была прощальная насмешка бога охоты этой земли надо мной.

Тут я вспомнил о вертолете и Вересове, о которых начисто забыл, услышав свист теке...

Я увидел в бинокль, как из вертолета вытащили деревянные ящики, бочки с бензином и, наконец, длинную сверкающую коробку. После недолгого размышления я догадался, что это цинковый гроб для Ворожицева...

Тут вертолет поднялся и улетел обратно. Я ничего не понимал. Во всяком случае, спешить, как видно, было незачем, и я потихоньку продолжил спуск.

Возле груза никого не оказалось. В деревянных ящиках были хлеб, помидоры, колбаса, яблоки, овощи. В бумажных мешках — коробки «Беломора» и блоки «Трезора».

Я сел и позавтракал колбасой с помидорами. О хлебе даже не вспомнил, так отвык от него. Потом, вытащив из палатки паралоновый матрас, растянулся на нем и закурил «Трезор».

Через некоторое время по одному, по два стали подходить ребята из группы Романова. Я начал спрашивать их о случившемся, каждый рассказывал по-своему, история обрастала все новыми деталями, и уже трудно было установить, как же все произошло в действительности.

Вернулся Леня Вересов. Он летал за бензином. Привез мне четыре письма, все были посланы месяц назад. Потом Леня снова улетел на Дикий — повез хлеб и другие продукты. Я отправил с ним все свои запасы мяса теке.

С Дикого Вересов привез обмороженных. С ними прибыл Борис Романов и еще двое.

Обмороженные держались молодцами, но на них было тяжело смотреть: черно-синие опухшие лица и руки, искромсанные хирургическими ножницами, вымазанные в йоде. Благодаря своевременной квалифицированной помощи Хито гангрена как будто никому не угрожала. Вовремя оказанная первая помощь и после-

дующее лечение сделали свое дело — обмороженные в итоге легко отделались: только двое потеряли фаланги пальцев.

Вертолет сделал еще один рейс на Дикий. Вернувшись, Вересов передал мне записку от Гиви: завтра утром сворачивай лагерь и лети с Вересовым.

А вертолет, забрав обмороженных, взял курс на Фрунзе.

Вечером мы с Романовым решили поохотиться. Романов — интересный мужчина лет сорока, сохранивший юношескую стройность, — по профессии, как я уже говорил, медик. Один из сильнейших горновосходителей в Союзе (особенно ввысотных восхождениях). Они с Ворожищевым покорили Хан-Тенгри — одновременно поднялись на вершину разными маршрутами. Романов покорял и другие вершины в этом районе, но вот Победа пока не давалась. И хотя в этих местах он бывал неоднократно, на теке никогда не охотился...

К вечеру мы засунули в рюкзаки пуховки, непромокаемые плащи и еду. С нами пошли два молодых альпиниста — Слава и Юра. У Бориса и Славы были двуствольные ружья, Юре я дал свою «мелкашку».

Пройдя через седловину Май-Булака, осторожно поднялись вверх по ущелью. Я внимательно обследовал все знакомые пастбища, скалы, но нигде не увидел ни одного козла.

Вот ведь действительно невезение! Не было случая, чтобы в этом ущелье где-нибудь, пусть даже на самой вершине неприступной скалы, я не увидел бы теке, а сегодня как назло ни одного... Ну хоть бы один старый козел выглянул из-за утеса!

Я чувствовал, мои спутники постепенно проникаются недоверием ко мне. Теперь как ни убеждай их, они ни за что не поверят, что здесь когда-то встречались теке. Солнце стало клониться к западу, скоро начнет смеркаться, но мне не хотелось возвращаться ни с чем.

Я уговорил своих спутников пройти еще немного в глубь ущелья. Мы дошли до места, откуда был виден ледник истока Май-Булака. Внимательный осмотр окрестностей окончательно убедил меня в том, что теке покинули это ущелье...

Я сел на камень. Долго, сосредоточенно изучал верховье ущелья. Расстояние было внушительным, требовалось предельное внимание. Наконец на крайнем зеленом клочке с трудом различил округлости, характерные для тела животного.

Я передал бинокль Романову и объяснил, куда смотреть. Мучительно пытаясь разглядеть теке, он под конец вынужден был признать, что ничего не видит. Это следовало ожидать: только наметанный глаз различит зверя на таком расстоянии.

— Я вижу стадо!.. Если веришь мне на слово, пошли, нет — можем вернуться, — сказал я.

— Верю! — ответил Романов.

Договорившись с Юрой и Славой, что они подождут нас на седловине, мы шумно съехали в ущелье и затрусили вверх по берегу реки. На полпути я снова передал Борису бинокль. Он приложил его к глазам, долго-долго смотрел, и вдруг лицо его выразило изумление, и он от души рассмеялся, обнажив крупные белые, как у негра, зубы.

— Вижу! Теперь вижу!..

Мы продолжили путь.

До поляны оставался километр, когда я заметил, что группа теке по красной осыпи направляется в нашу сторону. В бинокль я разглядел коз и молодых козлов. Крупные теке остались пастись на поляне.

Мы прошли еще немного, и я предложил Романову план: он поднимается к верхней оконечности осыпей, проходит вдоль подножия скал и останавливается на краю того склона, на который выходили сейчас козы с молодыми козлами. Я же подкрадываюсь снизу и стреляю с двухсот метров. Стадо выскочит прямо на Романова, он получит возможность выстрелить в теке с короткого расстояния.

Конечно, лучше было бы подобраться к большерогим козлам, но на сей раз вряд ли удастся улизнуть от коз, поэтому надо было удовольствоваться молодым козлом.

Борис пополз к верхней оконечности осыпей, а я продолжил путь. Добрался до бокового взгорья, которое скрыло от меня коз, потом полез по желобу и на его краю остановился. Переместившись отсюда на два метра вперед, я подобрался к козам на ружейный вы-

стрел. Но прежде Борис должен был занять свою позицию. Борис как гость обязательно должен иметь возможность выстрелить — это было главным для меня сегодня. А дальше уже будем действовать в зависимости от обстоятельств.

В метрах 600—700 отсюда я видел рассыпавшихся по зеленому склону козлов. Один из них, самый старый, вдруг поднял голову и посмотрел в мою сторону. Я скрючился, как мог, так что козлы пропали из поля зрения и принялся терпеливо ждать.

Романову предстояло пройти довольно трудный участок пути и, по моим предположениям, он должен был появиться нескоро. Но только я подумал об этом, как он вдруг возник на верхней седловине взгорья. По тому, как Романов нервно скинул с плеча ружье, я понял, он вышел прямо к стаду. Мое вмешательство не понадобилось, и я, не теряя времени, бросился вперед, чтобы выбрать наилучшую позицию для стрельбы по большерогим теке.

И тут грянул выстрел... К тому времени козы уже поднялись наверх и скрылись из моих глаз, но я увидел, как бросилось к скалам стадо козлов. Я выстрелил раз, другой, третий... Смеркалось, теке почти не было видно, я различал только столбики пыли, вздымаемые отскакивающими от камней пулями. Патронник опустел. Ни в одного я так и не попал. Нашарил в карманах еще три патрона. Дослал. Козлы разбежались в разные стороны. Два из них, перелетая с утеса на утес, приближались к Борису. А в это время он продолжал стрелять по невидимым для меня козам. Помедлив, я выстрелил в последнего козла. И снова промазал. Выстрелил еще раз и остался без патронов...

Передний козел выскочил на поляну, нависшую прямо над Борисом, и замер. Борис стоял и шарил по карманам, а козел с удивлением смотрел на него. Мне было непонятно поведение Бориса.

— Стреляй, чего смотришь! — заревел я.

А он, будто и не слышал, стоял не двигаясь.

Взбешенный, я бросился наверх.

— Что с тобой?! — крикнул, приблизившись к нему.

Борис обернулся. В руках у него было раскрытое ружье.

— Патронов нет! — сказал он, хохоча.

Нервное напряжение как рукой сняло, и я разразился смехом.

Мы оба решили, что больше трех-четырех выстрелов в этот вечер сделать не придется, и все патроны оставили в рюкзаках. А тепель стояли и, как идиоты, ржали на глазах у изумленного козла, в упор смотревшего на нас.

Сумерки сгущались, быстро темнело. Они, эти сумерки, и помещали нам поразить цель, они же были причиной оторопи козла.

Что нам оставалось делать? Помахав на прощание ошалелому козлу, мы стали спускаться прямо вниз и тут, конечно, допустили оплошность — надо было спускаться тем же путем, которым поднялись...

Склон становился все круче, мы с трудом продвигались вниз. Романов предпочел свернуть налево, а я пошел направо, увидев там желоб. Спускался по нему, широко расставив руки и ноги, как вдруг подо мной открылась бездна, — желоб обрывался. Я содрогнулся. Приложив невероятные усилия, кое-как поднялся на метр и остановился. Не могло быть и речи о возвращении назад. Тогда я использовал последний шанс — переполз из желоба на скалу, надеясь найти какой-нибудь проход. Но вокруг и на три метра вниз поверхность утеса была ровной, почти отвесной — не за что уцепиться, а дальше громоздились обычные скалы.

«Что я наделал! Влипнуть так глупо!» — думал я в отчаянии, не видя никакого выхода из создавшегося положения.

Снизу донесся шум — это спускался Романов. Я крикнул ему, что попал в передрыгу и нуждаюсь в помощи.

Борис быстро пополз ко мне. У нижней кромки отвесного участка остановился. Внимательно осмотрел крутой склон и место, где я находился. Потом, приняв устойчивое положение, насколько было возможно приподнялся и, нащупав левой рукой надежную опору, протянул ко мне правую, приставив ее ступенькой к гладкой скале.

— Прыгай! — крикнул он.

Я нервно засмеялся и спросил, как прыгать.

— Лицом к скале! Одной ногой — на мою ладонь и соскакивай ко мне... Не бойся, я подстрахую!

Я никак не мог решиться на этот прыжок. Требовать от Бориса дополнительных доводов и объяснений было стыдно. Я смотрел в спокойное, строгое лицо Романова и пытался шутить, чтобы как-нибудь оттянуть время, но получалось что-то мало похожее на шутку. И вдруг я понял, о чем думает сейчас Романов.

«...Прыжок рискованный, но другого выхода нет. Чем дольше он будет колебаться, тем выше процент риска... Необходимо, чтобы он поверил мне и прыгнул не с отчаяния, а трезво и уверенно оценив ситуацию...»

Я видел, как просветлело лицо у Романова. Теперь оно выражало только глубочайший интерес и настороженное внимание, как при решении интересной задачи.

Все это я осознал в какую-то долю секунды и почувствовал благодарность и уважение к Романову. Ибо в тот же миг я убедился в абсолютной справедливости его решения и понял, что требовать от человека больше — глупо и бессовестно, что это может оказаться губительным в первую очередь для меня и, может быть, для него.

Борис не торопил меня. Он спокойно выжидал, весь внимание...

Я помедлил ровно столько, сколько потребовалось для прояснения сознания. Потом прыгнул.

Прыгнул и, оттолкнувшись от ладони Романова левой ногой, правой приземлился возле него. В тот же миг он схватил меня освободившейся рукой за спину и прижал к скале. Так мы стояли несколько мгновений, вцепившись в гладкую поверхность скалы, пытаюсь восстановить равновесие. И восстановили. Романов начал спускаться. Я за ним. Через несколько минут мы стояли на каменистом берегу реки. И без слов продолжили путь.

Было темно, но я все же заметил в камнях длинное перо ягнятника-бородача. Я поднял его и показал Романову. Он взял и воткнул его в свою ковбойскую шляпу...

Перешли на другой берег реки. Я снова пошел впереди. Отыскал знакомую тропу теке. В кромешной тьме двинулись к седловине.

На седловине нас ждали Юра со Славой. Мы оты-

скали укромное местечко в камнях, поужинали. Потом надели пуховки, завернулись в плащи и уснули. Ночь была не очень холодной. Несколько раз пошел мелкий дождь, но в плащах мы не почувствовали это...

26 августа, пятница.

Я ПРОСНУЛСЯ затемно. Лежать не хотелось, встал, прошелся. Вершины у истока Инильчека были освещены странным светом. Через некоторое время тот же удивительный свет озарил пик Нансена. Небо приняло темно-фиолетовый оттенок. Пора вставать. Я разбудил ребят. Мы позавтракали остатками вчерашнего ужина. И снова разделились на две группы: я и Боб Романов должны были подняться по внутреннему склону Май-Булака, а Юра со Славой — по противоположному. В каждой группе было по дробовику и винтовке. Я объяснил, что мы можем стрелять в уларов, если где-нибудь на хребте есть стадо, выстрел спугнет его, и оно выскочит либо на нас, либо на них...

Мы тронулись в путь. Начались пересвисты и перелеты уларов. Они то и дело взлетали с камней, но мы ни разу не смогли достать их дробовиком. Обошли склон и сверху перешли на противоположную сторону.

Здесь я показал Романову места, где теке чесали спины, чтоб освободиться от свалявшейся зимней шерсти. Когда мы подошли к боковому оврагу, раздались выстрелы. На той стороне далеко внизу мы увидели огромное стадо, несущееся по зеленым террасам. В нем было более ста голов. В основном — большерогие козлы. Однако были среди них и молодые, и козы, и подросшие козлята. В таком составе стадо я видел впервые. Близилась осень, и, как видно, теке стали объединяться. Да и так низко я никогда не встречал их. Большая терраса, та самая, где мы с Козубом охотились на зайцев, была полна теке. Показались возбужденные Юра и Слава, рассказали, как они наткнулись на стадо.

— Короче, все мы видели козлов и даже стреляли по ним. Удовольствие полное... Совсем не обязательно убивать! — со смехом резюмировал Романов. Справедливое замечание для первой охоты. Но в нашем слу-

чае желательно было бы добыть теке, так как всем нам нужно было свежее мясо.

Мы пошли вниз. Романов и Слава отправились охотиться на зайцев, а я с Юрой — в лагерь. Здесь я снял палатки, собрал багаж.

Включил «Спидолу», поймал диспетчерский пункт. Летной погоды пока не обещали. Что ж, будем ждать! Через час — тот же неблагоприятный прогноз, но в этот момент за Тюзским перевалом раздался грохот вертолета. Как видно, не удержали Вересова!

Появились Романов и Слава с тремя зайцами и одним кекликом. В это время вертолет приземлился. Я поспешно забросал в него свой багаж, попрощался с друзьями, и мы взлетели.

В течение получаса я обозревал свои охотничьи угодья, которые сверху казались удачно выполненным макетом, потом затерявшееся в гигантских торосах Мерцбахерское озеро цвета медного купороса, пики центрального хребта, огромную мраморную пирамиду Хан-Тенгри...

Вертолет сделал вираж. Мы входили в опрокинутый набок ледяной коридор, в конце которого, как бесконечный белый кошмар, высилась ослепительная крутая стена пика Победы высотой в две тысячи метров. Это было ошеломляющее, чудовищное зрелище. И первая моя мысль была о Джумбере и Кухо¹. Я произвольно остановил взгляд на маленьких чернеющих пятнах бокового хребта — скальном отрезке, отполированном льдом. Отсюда сорвались они в двухкилометровую бездну летом 1961 года после того, как под куполом вершины на обледенелой каменной полке оставили тело Илико Габлиани и, обмороженные, обессиленные холодной ночевкой, спускались с покоренной вершины... А в этом, 1966 году, белый исполин принял свою тридцать четвертую жертву — Вову Ворожищева...

Внизу я увидел красные газовые баллоны на льду, обозначающие углы посадочной площадки, и цветные фигурки людей в пуховках. Наши...

Вертолет описал круг и пошел на посадку.

¹ Джумбер Медзмаришвили и Теймураз Кухианидзе, известные грузинские советские альпинисты.

МЫСЛЕННЫЙ ДИАЛОГ

В безмолвии,
словно печальный аккорд,
прозвучало твое далекое имя
и внезапным светом озарило осенний день,
тонущий в дымке одиночества.

Я не задавал тебе вопросов
(истертых, как лестничные ступеньки):
«Где ты была?», «Почему так опоздала?»...
Я твердил их, как неотступный мотив.
Если забывал, то невольно.
Так, наверное,
забывает лицо своего собственного ребенка
отпускник...
Все время пытается вспомнить — ничего не
выходит.
Закрывает глаза в единственной надежде —
хотя бы на миг представить дорогое лицо.
Но тщетно.

— Страх потери?!
Знать бы, откуда, из какой потаенной щели
подсознания
выползает тот страх.
Знать бы,
чтоб замуровать его навсегда.
Хотя и замурованный, он не уляжется.
Зерно страха, набухнув,
прорастет и
проглянет опять из твоих же собственных глаз.

Вот так же и я терзаюсь тоской по тебе,
когда не могу припомнить твое лицо.
Лишь глаза иногда промелькнут,

как две сорвавшиеся с неба звезды,
и кружат всю ночь
в бессонном мозгу.

Я боюсь твоего появления.
Боюсь разрушенья придуманного уюта.
Я и сейчас — как беспомощный раб
на галере собственного спокойствия,
и хозяин не хочет расковать мои цепи.

— Измена?

Измена в мыслях — тоже измена!

— В мыслях я предаю и измену,
затем и разрушаю, чтобы снова построить,
а построив, без сожаленья обрежь на разгром.
Мы таим свои мысли,
ибо они выдают с головой нашу суетность,
а суетность
афишировать мы не привыкли.

Думала и ты?

— Конечно, кто не думал...

Только дурак выдает свои мысли,
и мы смеемся над ним, потому что привыкли
маскировать свою глупость.

А наивность дурака вызывает в нас зависть.

Навидумывали себе бесчисленные преграды
и уже не хватает ни сил, ни ума,
чтобы их расшвырять.

Ирония — тайный наш покровитель,
это оружие помощнее нейтронных бомб,
преданный друг,
вечный спутник наш и собутыльник!

...

— Умер? От чего?

Что могло случиться с таким молодым? —
Спросит некая дама, увешанная брильянтами,
дыша мне в лицо французскими духами,
с печальной маской на лице по случаю...

— Мадам, у него, не в пример вам,
были другие проблемы,
кроме постели и тряпок...
Знаете, в пещерах его души сочился яд,
и незаметно росли
ядовитые сталактиты —
уверенно к сердцу тянулись —
единственной мишени...
Инфаркт — так теперь называют это врачи.

В безмолвии,
словно печальный аккорд,
прозвучало твое далекое имя
и внезапным светом озарило осенний день,
тонуший в дымке одиночества.

Расстался я в мыслях с тобой,
все-таки расстался.
Я оставил тебя,
святую спутницу моей жизни.
Ты лежишь под звездным одеялом,
у изголовья твоего, как лампа, стораает луна.
Ты прости меня.
Сам не знаю, куда несет меня течение моих
мыслей.

Мысли текут без цели,
но под конец все равно
уйдут в твои глубины.

Вспомни, вспомни райскую рощу:
лавр, плющ и самшит,
берег моря,
дорогу, как дым,
уходящую вверх,
испустившую дух в небесной лазури.
Вот где я бродил.
Там я надеялся встретить тебя,
хоть в бесплотном виденье.
Тысячелетья назад я увидел тебя —
и позабыть не могу.
Но напрасно я прошел сто дорог.
Ведь ты существуешь везде,

в каждой точке пространства,
в огне и воде, на земле и на небе.

Ты музыка, которая долетает из бескрайних
просторов

до слуха несчастного,
чтобы потом всю жизнь изводить и мучить,
тебя записать невозможно.
Непостижимо ты исчезаешь в момент появления.

— Когда вы тщетно глаза поднимаете к небу,
я вам бросаю кроху надежды:

еле слышно играю на арфе.

Пусть эти звуки, выплывая из глубин
тысячелетий,
заманят вас в иные пространства.

...

Мечтатель, сойди с романтических высот.

Оставь на минуту небесную гостью.

Небесная арфа несносно поет,
земные напевы честнее и проще.

Вернись на потрескавшуюся, в пыли,
голодную землю, чьи жаркие губы
мелодию ливня так верно свели
с могильною глиной и гравием грубым.

Ведь валятся листья на землю, хоть плачь.
И все возвращается в землю, рыдая.
Проходит ноябрь, как добрый палач,
как ширмой, дождем небеса задвигая.

А ты в ожиданье небесной сестры
стоишь и не видишь, как, загустевая,
медленно, липко — отарой с горы —
усталое время тебя огибает.

...

Разве вспомнишь угасший луч,
схлынувшую волну,
сорванный лист,
желтую осеннюю бабочку-однодневку?

Изредка вздрагивает во мне подозрение:
мы постепенно, молча, упорно
что-то теряем...

Лишь изредка бываю я в прошлом
и, как из окна, наблюдаю оттуда за тобой,
Мне жаль, что ты неизбежно и ровно
тонешь в этом скучном времени.

Лишь изредка дерево сомнения
угощает омерзительными плодами страха:
никто тебя не понимает, никто не слышит,
зря марашь бумагу и болтаешь языком.

— Ты целиком принадлежишь прошлому,
твои корни сплетены с ним
в незримом провале канувших дней,
куда тебя засасывает кружение водоворота...

— Почему мне кажется, что это мгновение
на изломе дня и ночи
никогда не кончится, не догорит,
не превратится в пепел?!
Лишь изредка вздрагивает во мне сомнение,
как дерево, отяжелевшее от плодов,
под осенним дождем.
И жаль, что с каждым мгновением
я что-то теряю.

Я по частям переношусь в прошлое,
с отхлынувшей волной,
с угасшим лучом,
с тем оборванным осенним листком.
Я сливаюсь с вековым безмолвием предков,
из амбразуры канувших дней,
как звезду из колодца,
различаю цветок на рубашке моего ребенка.

— Солнце, земля и ветер тихо впитывают тебя,
каждый забирает свою долю,
свет и воду, тепло и трепет.
И ты возвращаешься туда, откуда пришел.

Раздай отпущенное тебе богом,
верни без боли...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Видишь, ветер уносит
заблудившееся в твоих глазах облако печали.
Сердце твое совпадает с дрожащим листом осины,
который одиноко бьется на самой верхушке.
Видишь, срываются с неба две звезды,
что горели в твоих глазах,
и исчезают бесследно...
Верни все, отпущенное тебе богом,
без боли.

Завтрашний день течет к прошлому.
Стремясь в будущее,
ты возвращаешься в прошлое.
Так верни в неделимое время
годы, отпущенные богом,
без боли, без боли, без боли...

Перевод Ирины МЕЛЬНИКОВОЙ

МУЖИЧОК

Рассказ

Я ХУДОЖНИК-АРХИТЕКТОР. Человеку моей профессии зачастую приходится заниматься поисками древних памятников зодчества, которые, напомним вам, в основном находятся в лесах и недоступных для человека местах. А строитель, желающий создать что-либо ценное, тем более в наше время, должен все изучить, все повидать своими глазами. Искушенные книгоечи и мастаки-теоретики сегодня далеко не пойдут, потому что сложный и ускоренный ритм современного зодчества основывается на более конкретных данных, требует гармоничного сочетания и слияния старого с новым и от архитектора, в первую очередь, требует практических знаний.

Вот и я каждый год с наступлением весны беру обычно отпуск, кладу в рюкзак сухой паек, складную рулетку, непромокаемый плащ, альбом для эскизов и спальный мешок. Вешаю на плечо фотоаппарат, двадцатикалиберное одноствольное ружье «Иж», набиваю патронташ — и айда! Иду, куда глядят глаза и зовет сердце. Уверяю вас, что нет в Грузии такого места, где бы не осталось памятника зодчества прошлого.

Много труда уходит на эти поиски, но от подобной работы можно получить и большое удовольствие. Чего только стоит сон среди развалин: старые стены словно вздыхают и неторопливо повествуют о событиях давно минувших лет. Лес вокруг шелестит, нашептывает что-то на своем волшебном языке. Невидимый ручеек поет колыбельную, тихое дыхание ночи, ароматы влажной земли и цветов опьяняют, а звезды, мерцающие в ветвях, ласково и любовно улыбаются.

Чего только не насмотришься и свидетелем каких только чудес не станешь в пути! А иногда и встретишься с кем-нибудь, кого никогда не забудешь.

В этом году мне довелось встретить такого человека. Нынче отпуск я взял сравнительно рано. На горном хребте Цив-Гомбори я должен был разведать перекресток на холме, который в народе называется Чертовым. По этому холму еще с древних времен проходил караванный путь и поэтому там можно было предположить существование развалин. Но найти эти развалины и как следует их осмотреть легче, пока лес еще не оделся листвой, не вырос дикий плющ и все, куда ни кинешь взгляд, не покрылось зеленью.

Целую неделю я бродил без дела. Но в конце концов мне повезло. Кое-как я выбрался на старую просеку и на небольшом безлесом пригорке наткнулся на древнюю крепость, окруженную густой растительностью. Путникам он служил, видимо, караван-сараям, поскольку арочный вход находился со стороны дороги. Но толщина стен, зубчатая ограда с бойницами и прочность известкового раствора говорили о том, что в случае необходимости крепость могла послужить надежным убежищем.

До полудня я все обмерил и описал, взял пробы раствора, сфотографировал цитадель со всех сторон и сделал несколько зарисовок. Заработавшись, я проголодался и, отыскав у подножия крепости источник, где брал начало маленький ручей, устроился поест. Солнце грело в меру, было прохладно, с каждым дуновением ветерка волновались зеленая трава и синие цветы, которые вот-вот должны были распуститься. В ольшанике на берегу речушки летала серебристая мошкара, над крепостью кружили ласточки с будто отшлифованными крыльями и стрижи, а еще выше в синем небе парила пара орлов.

Только я выложил на рюкзак остатки высушенной снеди, как внизу показался мальчик небольшого роста, с маленьким мешком на спине. Он медленно шел по опушке леса; в одной руке у него что-то дымилось, другой он прикрывал от солнца лицо и, вытянув шею, спокойно смотрел на полуголые еще ветки деревьев.

Я подумал с удивлением, что он может здесь делать, и окликнул его:

— Эй, паренек, подойди-ка поближе, отдохни и подели со мной хлеб-соль!

Мальчик, будто того и ждал, тут же пошел ко мне. В руке его я разглядел коробку с крышкой от монпансье, в которой дымил уголек, распространяя запах ладана. Мальчик высыпал пепел из коробки и закрыл ее крышкой. Мешок он положил рядом с коробкой и только после этого поздоровался.

— Здравствуйте! — сказал он непринужденно, подсел к еде и, не стесняясь, переломив пополам буханку черствого хлеба, с жадностью откусил сразу больше половины.

— Бери колбасу, — сказал я и подвинул к нему рюкзак.

— Не хочу. Эка невидаль, колбаса, — небрежно проговорил мальчик, не переставая, однако, усиленно работать челюстями. Видимо, таким скудным пайком ему приходилось довольствоваться не раз, хотя чувствовалось, что и другое угощение ему не в диковинку. Было ему лет четырнадцать-пятнадцать. Продолговатое лицо цвета пшеницы, грубые, точно щетина, волосы того же цвета, красивые брови дугой и огромные, цвета меда, блестящие глаза, которые были подвижны и чересчур любопытны. Выглядел он младше своих лет, хотя над губой уже показался легкий пушок, а черные редкие волоски выступали на скулах и подбородке. Обут он был в альпинистские ботинки на толстой подошве, из куцых рукавов куртки торчали по-детски худые и слабые запястья, но повадкой и разговором он был похож на взрослого, выдавшего вида мужчину. Меня удивила его смелость и, откровенно говоря, мне стало немного досадно. Про себя я назвал его Мужичком и, чтобы скрыть досаду, спросил:

— Как тебя звать?

— Меня? — мальчик проглотил кусок. — Меня Торнике зовут, — сказал он степенно, — Торнике Джу-гураули, — он потянулся за ломтем хлеба, — и, если хотите, тикунни скажу.

— Что такое тикунни?

— Прозвище.

— У тебя есть и прозвище?

— Да, меня зовут Мужичком.

Я громко рассмеялся.

— Почему вы смеетесь? — мальчик перестал жевать и с удивлением уставился на меня. — Что вас рассмешило?

Я признался, что мысленно назвал его Мужичком, как только увидел.

Мальчик тоже засмеялся, обнажив плоские редкие зубы.

— А знаете, как я вас назвал? — спросил он, и глаза его лукаво заблестели.

— Как?

— Горе-охотником.

— Почему же? — строго спросил я, будто рассердившись. — Ружье и сумка у меня есть, патронташ набит, что же еще надо?

— Так-то оно так, но все-таки, — не уступал мальчик. — Как только увидел... Смотрю и думаю: нет, чего-то у него не хватает, наверно, и этот — горе-охотник.

— Что же такое горе-охотник?

— Это я придумал. Я так называю тех, которые ходят по лесу и палят из ружья, а сами не знают, зачем стреляют.

— Неужели есть такие охотники?

— Сколько хотите. Да и в нашей деревне... Ружье через плечо, и айда! Вроде бы все охотники, и ружья у них есть, а охоты не получается. Только палят из ружей. Вот я их и назвал горе-охотниками.

— А я вовсе и не охотник, — сказал я мальчику.

— Что же вы ищете в горах?

Я сказал ему, для чего поднялся в горы.

— Ну вот, я же говорил, — обрадовался мальчик.

— Нет, я никогда не ошибаюсь, только увижу человека и уже знаю, что он из себя представляет.

— Но ты сам-то — кто ты и что ты, если у тебя даже ружья нет?

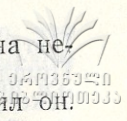
— Я здешний, моя деревня вон у того холма. Мзиспири называется. Дачный поселок, не слышали?

— Как же, приходилось бывать.

— Я как раз оттуда.

— Я тебя не о том спрашиваю. Здесь-то ты зачем?

— Значит, почему я сегодня на поляну вышел, да? — уточнил мальчик вопрос и ответил: — Сегодня я пчел ищу.

— Ищешь пчел? — я удивленно посмотрел на него. — Потерял ты их, что ли?

— Не потерял, а ищу, — с нажимом повторил он.

— Где? Здесь?

— Да.

— А что здесь нужно пчелам?

— Где же им еще быть? Они гнездятся в лесу, в дуплистых деревьях. Найду я такое дерево, возьму мед, а пчел, значит, в улей пересажу или в корыто и унесу.

— Куда унесешь?

— Домой.

— А потом?

— А потом... ничего. Будут жить у меня... моими будут. И мед, и пчелы.

В глазах мальчика играла улыбка, лукавая и шаловливая, и я не понимал, шутит он или говорит серьезно. Его неестественная наивность раздражала, и мне не верилось в то, что он говорил. Наконец я погрозил ему пальцем:

— Ну-ну, дружище, только без вранья!

— Без вранья? Ну что вы, — с упреком — сказал мальчик и нахмурил тонкие брови. — Я вовсе не вру, а говорю правду.

— Какую же ты правду говоришь? Как ты найдешь в этих дебрях... Не станешь же ты проверять каждое дерево в отдельности?

— А я и не ищу деревьев, — отрезал мальчик.

— А что же?

— Я ведь сказал — пчел ищу.

— Но ты ведь еще говоришь, что пчелы гнездятся в деревьях.

— Говорю... Так оно и есть. Пчела, значит, мне свое гнездо сама укажет.

Я не поверил и посмотрел на мальчика с сомнением и уже неприкрытой иронией.

— Не объяснишь ли ты, как же это происходит?

— Почему же нет? — таким же тоном ответил мальчик. Расправив плечи и глядя в сторону, он продолжал с ударением на каждом слове. — Значит так, я объясняю... Я нахожу на поляне пчелу, которая сидит на цветке. Смотрю сначала направо, потом налево — это я примечаю место. И она меня оглядывает... Здравствуй! — Привет! Так мы знакомимся друг с другом.

Потом она мне говорит: «Хочешь, угощу тебя медом? Пошли со мной». Она летит впереди, я — за ней, по всем законам гостеприимства... И ведет она меня прямо к своей квартире. Вот так...

Мальчик, все больше наглея, смотрел прищуренными глазами то на меня, то в сторону, медленно жевал хлеб и, растягивая, раздражающе медленно выговаривал слова. Его поведение и пренебрежительные ответы разозлили меня, и я довольно резко сказал:

— А ты, оказывается, плохо воспитан, старших не считаешь. Где ты рос?

Мальчик, как будто не слыша моих слов, уставился на меня с преувеличенной наивностью.

— Я? Почему? Что я такого сказал, чтобы... — и невинно захлопал длинными ресницами.

Его притворство вывело меня из себя — это, действительно, было слишком, но не успел я сказать и слова, как он вдруг так искренне расхохотался своим детским звонким смехом, что все слова застыли на языке и мне стало стыдно за свое минутное раздражение.

— Знаете, вы не обижайтесь, — сказал он, будто извиняясь. — Я так нарочно сказал. Люблю иногда... позлить люблю. Только я не врал. Вот уберете еду, и я вам расскажу... Расскажу по-настоящему.

— Ты поешь, и я уберу.

— Я уже наелся.

— Доедай, что там осталось...

— Не хочу больше, я сыт.

Остатки хлеба и колбасы я завернул в кальку и сунул в наружный карман рюкзака. Усевшись передо мной на корточках, мальчик открыл коробку от монпансье. В коробке, распространяя сладковатый медовый запах, лежало что-то вязкое, похожее на пластилин темно-коричневого цвета.

— Вот это и есть воск, замешанный на меду, — сказал мальчик. — Называется наживкой.

— Наживкой?

— Да. По-другому ее еще называют врунишкой.

— А что ты с этим будешь делать?

— Ну что... Пчелы сейчас ведь уже проснулись и вылетают на поиски пищи, но им этого недостаточно, цветы еще не так цветут, чтобы... Вот они и ищут, ищут. И пасечники ждут такое время. Сюда я кладу уголек,—

сказал он и придвинул ко мне коробку. — Это то, что я недавно высыпал. Вот так, на огне горит воск с медом и сильно пахнет. У пчел же очень острый нюх, они издали чувят запах меда и бзу-у-у! Летят!

— А потом?

— Потом пчела насытится медом и улетает. А я иду за ней...

— Как, бегом?

— Да!

Я улыбнулся.

— Забавная получается картина: в этой чашобе впереди летит пчела, а за ней по кочкам — ты.

— Я ведь не следом за ней бегу.

— А как же иначе? Ведь не привязываешь же ты к ней нитку? — я рассмеялся.

Моей бестолковой шутке засмеялся и мальчик, хотя было очевидно, что, как и каждому практику, увлечение стоило ему дорого и вовсе не казалось смешным.

— Погодите, погодите, — сказал он тоном старшего и, успокаивая меня, ласково положил мне на грудь свою худую руку. — Конечно, я не бегу за нею, куда уж там! Разве ее догонишь? Наоборот, сначала нужно застыть на месте. Пчела сама вернется, потому что запомнила запах. Она прилетит и за собой других приведет, такие уж у них порядки... Наедятся меда и улетают. А ты за ними внимательно следишь, чтобы не упустить из виду, а потом осторожно идешь в ту сторону, откуда они летят и куда улетают... Пчел постепенно прибывает — улетают, прилегают, улетают и снова прилегают — и тянется непрерывный поток. Точно муравьи. А ты тихонько идешь за ними, идешь и вскоре выходишь к их дуплу.

Мальчик, по-детски увлекшись, продолжал:

— Знаете, как забавно! Идешь настороженный, затаив дыхание: вон она справа летит! А сейчас налево полетела над лесом и снова опустилась! Эге-ей! Знаете, что это? Какое удовольствие! Как же ее найдешь? — он говорил упоенно, с восторгом.

Мне его рассказ снова показался детской странной фантазией и после минутного молчания я спросил подозрительно:

— А сам-то ты находил когда-нибудь?

Мальчик подивился моей недоверчивости, потом

неволью засмеялся и, когда я не обиделся, с подчеркнутой вежливостью сказал:

— Как нет! Только в прошлом году четыре дупла нашел.

— А что ты делаешь с таким количеством пчел?

— Я же сказал, что собираю мед, а пчел пересаживаю в ульи.

— И ты их не боишься? Они ведь жалят...

— А чего мне бояться? У меня такая проволочная сетка, что... опущу на лицо и...Притом я дымлю и дурманю их.

— Ты и это умеешь?

— А как же, пасечник все должен уметь.

— И что же ты еще умеешь?

— Еще? — мальчик поднял брови и, уставившись в одну точку, почесал затылок. — Например, немый человек к ним и близко не должен подходить. И запах чеснока они не выносят... Да вот еще что: больше всего они ненавидят ложь. О, как ненавидят! Никто не должен обманывать их!

— Ложь? Какую ложь?

— Ну, ложь, значит, воровство, — объяснил мальчик. — Вот, например, нельзя подходить к дереву, которое до тебя нашел другой.

— Да, но как ты это узнаешь?

— По тайному знаку, который известен только нам, пчеловодам.

— Ну, скажем, кто-то пренебрег этим правилом и присвоил дерево. Что тогда?

— Пчелы ему не достанутся. Улетят или умрут.

— Но мед он ведь все-таки съест?

— Э, что за удовольствие только мед есть. Свинство одно и больше ничего. Ни один пасечник, если только он настоящий пасечник, так не поступит.

Слово «пасечник» мальчик произносил подчеркнуто, с удовольствием. Видно, это дело ему нравилось и он гордился им. Рассказ мальчика заинтересовал меня, тем более, что, к моему стыду, я до сих пор ничего не слышал о пчелах, и об их жизни и повадках ничего не знал. Правда, многое и сейчас казалось невероятным, но мальчика я слушал внимательно и больше старался не прерывать его неуместными замечаниями.

— Значит, ты, оказывается, пасечник, — сказал я наконец.

— Ну да... — Он как-то по-мальчишески махнул рукой. — Похоже, что так.

— Дома у тебя, наверно, много пчел?

— Не очень. Откуда у меня время ухаживать за ними?!

— А что ты с ними делаешь?

— Как сказать, — пожал он плечами. — Часть отдаю школе. На нашей школьной пасеке только мои пчелы. А сейчас я их в основном продаю.

— И так можно?

— Да.

— Кто же покупает?

— Опять же пасечники. Не все умеют их находить, вот и покупают.

— Что же ты выручаешь за них?

— В общем, рублей сто.

— Разве это так дорого стоит?

— А как же. Главное, чтоб они были. Даже еще просят. Лесные пчелы здоровые, выносливые, все их хотят купить.

— У тебя, должно быть, много денег?

— Не знаю. Сам я их не считаю, даю учительнице Кето, и она вносит их в кассу на мое имя.

— А почему ты их не отдаешь родителям?

Мальчик ответил не сразу, улыбка на лице его погасла, и оно сразу стало печальным.

— Эх, если бы у меня были родители...

«Мать его, должно быть, умерла, и отец привел другую жену, — подумал я, — а из-за мачехи ему и отец не мил. Любят мальчики в этом возрасте все преувеличивать и считают себя страдальцами. А, может быть, наоборот, мать вышла замуж? Или родители разошлись и бросили его на произвол судьбы — это часто случается в наше время». Все эти мысли пронеслись у меня в голове за короткое время молчания, но спросить мальчика я не посмел, неловко было. Будто поняв, о чем я думаю, он снова заговорил:

— Мне было шесть лет... Они попали в аварию... До двенадцати лет я рос у дяди, а потом вернулся домой. — Мальчик посмотрел куда-то в пространство и, тихонько вздохнув, будто про себя проговорил: — Эх, что

поделаешь! Были бы у меня брат или сестра, было бы с кем слово молвить.

— Как! Ты сейчас один? Совсем один?

— Да, один.

— Что же ты один делаешь? Кто тебе обед готовит, одежду...

— Я сам. Что нужно, делаю сам.

Мне трудно стало говорить. С удивлением я смотрел на мальчика — верил и не верил его рассказу.

— И все же, чем ты занимаешься? — спросил я заинтересованно и придвинулся к нему.

— Обыкновенно, как все, — снова просто и непридуманно ответил мальчик. — У меня есть хозяйство — десятка два кур, десяток овец, две коровы. И в колхозе работаю. Пашу, сею... И живу.

«Живу» — это глубокое и всеобъемлющее слово никак не вязалось с худыми плечами мальчика, тонкой шеей, скуластым лицом и со всем его беспомощным видом. Произнесенное детским голосом, оно звучало как-то не к месту, и мне трудно было воспринять его с полной ясностью.

Мальчик будто понял и это.

— Вы, наверно, удивлены? — спросил он робко и взглянул на меня исподлобья.

Этот вопрос еще больше смутил меня.

— Нет, почему... — пробормотал я и, как только прошла неловкость, поспешил перевести разговор. Я спросил его об учебе.

— Восемь классов закончил я в прошлом году, — сказал мальчик. — И с тех пор сам готовлюсь, хочу программу средней школы экстерном сдать и получить аттестат.

— Почему экстерном? Закончил бы школу, разве это не лучше?

— Лучше, конечно. Но в нашей деревне только восьмилетка.

— Пошел бы в другую деревню.

— Это как же... — терпеливо улыбнулся мальчик. — А на кого я дом оставляю, хозяйство...

Вопрос мой оказался неуместным, и, чтоб загладить неловкость, я сочувственно произнес:

— Трудно все одному, самому... Тебе будет очень трудно.

— Знаю, но что поделаешь, — понимающе сказал мальчик, — другого выхода у меня нет. По химии, физике и математике мне помогут учителя, а такие предметы, как литература и история, я сам осилю. В конце концов, здесь нужно только прочитать и заучить. И больше ничего.

— Но как ты успеваешь? — в изумлении воскликнул я. — Как ты успеваешь все это делать?

Смутившись от похвалы, мальчик склонил голову и, совсем как солидный мужчина, степенно ответил:

— А я времени не теряю... Ни одной минуты зря не теряю.

— Но ведь надо иногда и развлечься, поиграть со сверстниками?..

— Я и это успеваю. Все можно успеть сделать, если зря не терять времени.

Удивление мое возрастало. И в то же время у меня возникло к мальчику чувство сострадания и какого-то необъяснимого уважения. Все увиденное и услышанное казалось мне, человеку, рожденному и выросшему в большом городе, настолько странным, чуждым и непонятным, что я терялся и долго не мог подыскать нужное для разговора слово. Передо мной сидел ребенок, который относился к жизни, как взрослый, сложившийся человек, у которого было все, что нужно, но одиночество, сиротство, отсутствие родительского тепла оставили глубокий след в его детской душе. Украдкой разглядывал я его худое тело, узкие плечи, тонкие запястья и уже натруженные руки, слушал детский звонкий голос, и угрызения совести мучили меня все больше и больше — стыдно было за свое недавнее поведение, за маленькую безобидную шутку, которую я не смог понять, и ни за что так резко побранил его.

— Знаешь... — сказал я заливаясь, — не обижайся. Как-то нечаянно... Не обижайся на меня.

Мальчик сразу догадался, почему я извинялся, и глаза его снова зажглись лукавством:

— Тогда? Тогда ведь я вас тоже разозлил? Вот мы и квиты.

Мы рассмеялись, и возникшее напряжение исчезло.

Мы помолчали немного, потом мальчик потянулся к моему ружью.

— Можно? — спросил он, раскрыл ружье и заглянул в ствол. — Как стреляет?

— Неплохо.

Мальчик прицелился.

— Хорошее ружье, — сказал он наконец и опять прислонил его к рюкзаку.

— А у тебя нет ружья?

— Нет, мне его не продадут. Я несовершеннолетний.

— А ружья вообще нравятся?

— Очень.

— Значит, и охоту любишь?

— Охоту — нет. Зверей жаль. За что их убивать, разве они не хотят жить?

— Для чего тогда тебе ружье?

— Не знаю. Нравится. Красиво, — он замолчал на секунду и потом продолжал: — У нас закон — оружие должно быть у всех: ружье, сабля, кинжал... наверное, потому мне и нравится.

Вдруг в его брезентовом мешке что-то зашевелилось, набухло и заскребло. Я посмотрел на мешок и спросил мальчика:

— Что у тебя в мешке?

Мальчик лукаво улыбнулся, покосился на меня и не ответил. А в мешке что-то шевелилось и скреблось все сильнее.

— Так что же у тебя там? — переспросил я.

— О, это большая редкость, — сказал мальчик и придвинул мешок ко мне. — Посмотрите, только осторожно, чтоб не выскочил, а то не поймает. Уж очень быстро бегают.

Я нащупал узел веревки и начал с величайшей предосторожностью развязывать его. Мальчик серьезно смотрел на меня. Когда веревка развязалась, я чуть-чуть приоткрыл мешок и, заглянув одним глазом в образовавшееся отверстие, сконфуженно перевел взгляд на мальчика.

— Чертенки!

Мальчик громко рассмеялся: в мешке клубком свернулся еж и неуклюже перекатывался из стороны в сторону.

— Где ты его поймал?

— Внизу, на опушке леса. В кустах шнырял.

— А зачем он тебе?

— Понесу домой и выпущу во дворе.

— Для чего?

— Э, знаете, как он жуков-вредителей и червей на огороде истребляет! Там у меня уже есть один. Я его прозвал Немса, а этот будет Экала.

Я завязал мешок и положил его на старое место. Мальчик продолжал:

— Во дворе у меня живут черепаха — Танк, две белки Пепена и Чалхо, полно дроздов и один самец сойки — Гулади. Знаете, какой он храбрый и бесстрашный, потому я его так назвал. Летом ко мне прилетают ласточки и скворцы...

— Погоди, я не понял, — прервал я мальчика. — Живут — это как, в клетках, что ли?

— Нет, что вы, какие там клетки, — засмеялся мальчик. — Они сами по себе живут, привыкли... Белок орехами кормлю. Осенью собираю орехи, а их долю оставляю на деревьях. Они прибегают, скачут по дереву, пока все орехи не пооборвут. Иногда и зимой они ко мне прибегают, когда их запасы кончаются. Попрыгают на ореховую ветку, усядутся рядышком, смотрят на меня и часто и пугливо моргают глазками. А я знаю, чего им надо, чего они ждут. Выношу им в миске орехи и ставлю у дерева. Они медленно спускаются, подходят к миске и за мной при этом следят — не прогонию ли? А мне смешно — ешьте, глупые, не бойтесь, это ведь ваше, никто не отберет.

Орехи любит и Гулади, но предпочитает кукурузу: он тоже садится на ореховое дерево и выжидаяще смотрит на меня. Я знаю, что он голоден и ждет, когда я насыплю корм для кур. Он тут же подлетает, быстро глотает два-три зерна и снова садится на дерево. Не доверяет мне, бессовестный, думает, что я его подведу, подстрою что-нибудь. Куры жадничают, но, думаете, он боится? Вовсе нет, наоборот, даже зазнается — нахлится, вылупит глаза, даже клонуть может. И ноги так важно расставляет, так задается!.. Умереть со смеху можно.

— Видно, любишь ты животных и птиц, — вставил я.

— И правда, люблю их, проклятых... Очень люблю! — мальчик умиленно прикрыл глаза и посмотрел

на снежные вершины. — Когда я вырасту большим, построю красивый дом... И весь дом превращу в зоопарк. Ранней весной поймаю косуленка и олененка, выращу их и вместе с потомством пушу обратно в лес. У меня будут жить серны и горные индейки, фазаны... Я бы привел и медвежат с волчатами, но их ведь не возьмешь на руки, они ведь разбойники, хищные... Знаете, — мальчик снова посмотрел на меня, — в прошлом году у меня был лис, я его нашел в лесу и сам вырастил, назвал его Бецина. Животные очень похожи на людей — лицом, характером, повадками... И тот лис был похож на одного человека из нашей деревни, так был похож, так, что... Ну, я и назвал лиса его именем — Бецина. Ну и жадным оказался мой жилец, никак не мог я отучить его воровать, все время на кур косился. По ночам повадился он навещать соседские курятники. Я с ним все время ссорился: что тебе, глупый, нужно, почему никак не успокоишься, я ведь ни в чем тебе не отказываю, ты не голоден, чего же тебе еще надо, ведь убьют тебя... И убили. Тот самый Бецина и убил его, бесовестный, — закончил сердито мальчик.

За разговорами прошло довольно много времени, солнце садилось, и жара спала. Я поднялся и пошел к речке напиться.

— Эта вода нехорошая, — крикнул мальчик и встал. — Пойдемте вон туда, за холм, там напьемся. Там хороший родник. Он течет из-под корней дуба и называется Дубовым.

Мы сложили вещи и медленно пошли по пологому склону холма. От еще непрогретшейся земли шел густой пар, и она будто дымилась. Ветерок раскачивал распутившиеся цветы, и казалось, что они дышат. Мальчик заметил:

— Будто поют, веселятся...

На цветах жужжали только что пробудившиеся слепни и порхали бабочки, среди них летала пара пчел с отяжелевшими от пыльцы крыльями.

— Вот и пчелы уже вылетели, — сказал я и указал мальчику на пчелу, усевшуюся на голубой цветок. — Ты, наверно, давно бы нашел своих пчел, если бы не я. Со мной ты только время зря потерял.

— Почему зря? — снова солидно возразил он мне. — Мы ведь встретились, познакомились, поговорили. А

пчелы — куда они денутся? Тех, что в моих дуплах, рано или поздно я найду — завтра, послезавтра, после послезавтра, пока время есть.

Помолчав, он прибавил:

— Вот напьемся воды и я вам одну тайну доверю.

Мальчик подвел меня к дубу, заросшему ольшаником и боярышником, у корней которого брала начало маленькая речка. В горах ведь не бывает ровных мест, зато достаточно возвышенностей, ухабин и глубоких лощин, поросших сухими карликовыми деревьями. В этих лощинах в беспорядке разбросаны огромные острые булыжники, между которыми бесшумно змеятся голубые холодные ручейки. Березы, ольха и ягодные кусты со всех сторон тянутся друг к другу, и их туго сплетенные ветви превратили лощину в зеленый тоннель, где всегда прохладно и стоит резкий запах влажной земли. Зеленый навес сплетен до того туго, что не пропускает даже ветерка, но непослушный солнечный луч все же прокрался и падает на извивающиеся струи ручья, прыгает, забавляется сиреневым отражением мшистых булыжников и опущенных веток. И так красив этот облаканный солнцем ручеек, так чист, прозрачен, так манит к себе, что невозможно не наклониться и не напиться, если даже не хочешь пить — не удержишься, а если тебя мучает жажда — то о чем речь!

— Понравилось? — спросил мальчик и с гордостью посмотрел на меня.

— Очень! Вкуснейшая вода и до чего студеная!

— Ой! — вдруг воскликнул мальчик и стукнул себя по лбу. — Глупец я, настоящий глупец!

— Что случилось?

— Почему я не напоил вас из лопуха? Вот тогда бы вы посмотрели! Хотя и сейчас можно. Немного, совсем чуть-чуть, просто чтобы попробовать, — с этими словами он сорвал раскрывшийся наподобие зонтика лист лопуха, свернул, загнув края, наполнил водой и протянул мне. Я не хотел пить, но, чтобы доставить мальчику удовольствие, выпил до дна.

— Ну как? — мальчик даже не дал мне перевести дух.

— Действительно, совсем другой вкус, еще лучше.

— А запах?

— И запах, конечно.

Мальчик тоже выпил и, бросив там же лопух и подхватив мешок с жестяной от монпансье, сказал:

— А сейчас пошли, клад покажу.

— Что за клад?

— О, это... Есть такой у меня... Вот пойдемте, посмотрите.

Мальчик заметно привязался ко мне. Поднимаясь в гору, он бежал передо мной вприпрыжку, иногда поворачивался и, пятясь, без умолку говорил со мной. В нем все дышало чистотой и непосредственностью, но в этой чистоте что-то оставалось неведомым, необъяснимым и загадочным. Иногда он напоминал мне развалины той крепости, которую я искал, каждый коридор которой при приближении открывает взору все новые и новые чудеса.

Поднявшись к крепости, мальчик настороженно посмотрел по сторонам и подвел меня к нижней стене слева. Он раздвинул свисавшие с зубцов ветки плюща и, разрыв руками землю, обнажил плоский обломок скалы.

— Это моя тайна, — тихо сказал мальчик. — Никто не видел этого, кроме вас, никому бы я ее не доверил, но вам покажу.

Мальчик приподнял плоский обломок и открыл яму с утрамбованными краями, полную разноцветных камешков. Обломок скалы он осторожно прислонил к стене и, выжидающе глядя на меня, чуть отошел, чтобы я мог лучше рассмотреть его клад.

— И вправду клад у тебя знатный, — похвалил я его, дружески двинув по плечу. — Когда ты все это собрал, где нашел?

Ему пришлось по душе моя похвала, но он и виду не подал. Присев у края ямы, он начал перебирать камешки, бережно вытаскивая их, с благоговением перекладывал из одной руки в другую, увлеченно говоря с детским простодушием о качестве каждого, его ценности и назначении:

— Вот этот кремень янтарного цвета — кусок расплавленной меди, видите, как цвет меняет, а это сланец — в нем будто маленькие радуги сидят. А кусок этого я показал учительнице Кето, и знаете что она мне сказала? Такие камни очень редко встречаются на всем земном шаре. Раньше его, оказывается, ис-

пользовали вместо кремня в оружье... А этот синий мрамор, — мальчик достал из ямы темно-синий обломок, заботливо отер его от земли и пыли рукавом куртки и протянул мне. — Его я нашел в прошлом году, когда наводнение было. Несколько обломков водой смыло. Этот цвет, оказывается, самый дорогой, как золото ценится. Это целое открытие. И знаете, что она еще сказала? Что где-то должно быть месторождение, ведь не случайно он появился в этой роще. Вот что сказала!

— Почему же ты все это прячешь здесь и не отнесешь домой? — спросил я.

— Э, тогда ведь все увидят! — заявил мальчик.

— Ну и пусть видят.

— Нет, нельзя, — замахал он руками, — начнутся расспросы — откуда, как, для чего... И все узнают. А я хочу, чтобы пока никто ничего не знал. Сначала я должен сам разобраться что к чему, какой камень где можно использовать, что из этого получится. Потом и другие найду. Затем все разом и покажу. Разве так не лучше?

Глаза мальчика светились, грудь тяжело вздымалась, а голос прерывался от волнения. Правда, он повторял сказанное другими, но в этих его словах уже было что-то свое — он верил в себя, хорошо сознавал свой долг, видел красоту и пользу труда. Его увлеченностью зажегся и я, мне нравилась его уверенность, его смелость и усердие. И я уже с большим вниманием слушал его.

— Из этого делают лучшую декоративную плитку, — продолжал заученно мальчик, складывая камни синего, красного и бирюзового цветов по краям ямы. — И, кто знает, что еще спрятано в этих горах, — сказал он, достав, наконец, из ямы последний образец породы. — Учительница Кето сказала, что эти горы прячут бесценные сокровища и ждут человека, чтобы раскрыть ему сердце. Я думаю, что и правда так, вот, например, когда нынче стаял снег, я ходил собирать черемшу и нашел нечто удивительное — камень не камень, металл не металл, тяжелый, как пуля, и цвета золота. Что бы это могло быть? Может, здесь золото есть и первым его я нашел? Ведь может такое быть? —

он с надеждой и ожиданием посмотрел на меня своими огромными лучистыми глазами.

— Почему бы и нет? — обнадежил я его и положил руку ему на плечо. — От такого хорошего мальчика, как ты, всего можно ожидать. — Мальчика смутила похвала, и он опустил голову. — Да, да, ты и сам не знаешь, какой ты хороший мальчик, — продолжал я. — Очень, очень хороший... И я должен нарисовать тебя.

Мальчик недоверчиво покосился на меня.

— Нарисовать? Как?!

— Как! Обыкновенно, как вообще рисуют.

— Вы и художник?

— Так, немного.

Мальчик приосанился.

— Тогда нарисуйте меня рядом с моим кладом.

— Да, именно так.

Я расстегнул рюкзак и вытащил альбом для эскизов, цветные карандаши, поставил мальчика у края ямы, вложил ему в руку обломки камней. Закончив рисунок и назвав его «Искатель», я протянул альбом мальчику.

— Ну-ка, посмотри. Нравится?

Мальчик посмотрел на рисунок и радостно и громко крикнул:

— Эге! И правда, похож! Как вы хорошо рисуете, а ну-ка, еще раз...

Я сделал еще один рисунок. Мальчику понравился и он. Потом я посадил его на землю, попросил достать из мешка ежа и положить его перед собой. Рисунок назвал «Друг природы».

— Вот и этот посмотри.

Мальчик рассматривал рисунок, и мне показалось, будто он что-то хотел сказать и не решался. Наконец он осмелился спросить:

— Вы эти рисунки дадите мне?

— Да, конечно.

— Ух, как хорошо, — захлопал он в ладоши. — Я повешу на стенку и всем буду показывать.

— Тогда давай я тебя в одежде пасечника нарисую.

Пока я наносил светотень на наспех сделанные зарисовки, мальчик снова сложил в яму куски кремня и мрамора, накрыл ее плоским обломком скалы, разровнял сверху землю и посыпал это место, для большей безопасности, перегноем.

Солнце уже начало садиться, тени от стоящих вокруг крепости деревьев удлинились. Мальчику пора было домой, да и я торопился: к рассвету я должен был быть на шоссе, чтобы вовремя попасть в районный центр, занять номер в гостинице, помыться и пополнить припасы в опустевшем рюкзаке. Но я не хотел расстаться с мальчиком так, чтобы ничем не проявить своей симпатии, и так как у меня ничего с собой не было, я взял прислоненное к рюкзаку ружье и протянул ему.

— Это тебе!

Мальчик недоверчиво посмотрел на него и захлопал длинными ресницами.

— Ружье?!

— Да. На память обо мне.

— Но ведь ружья нельзя дарить.

— Здесь, в горах, можно.

У мальчика загорелись глаза — было видно, что за ружье он готов отдать душу, но сдерживался и подавлял желание принять подарок.

— На, бери, не робей.

Мальчик еще больше застеснялся. Каким-то образом в нем сочетались смелость, доходившая до дерзости, и глубокая почтительность. Лицо его покраснелось, он отступил на шаг и замахал руками.

— Нет, нет... не могу... Неудобно.

— Почему неудобно? Ведь я сам дарю его.

— Да, но...

— Никаких но, — прервал я его строго. — Когда говорит старший, ты должен слушаться.

Мальчик поднял голову и посмотрел на меня с безграничной благодарностью.

— А у меня взамен ничего нет. Что же вам дать?

— Где это слыхано, чтобы за подарок что-то давали взамен?

— Тогда пойдете ко мне, — нашелся мальчик и повеселел. — Это недалеко. Спуститься только и...

— Чем же ты меня угостишь? — спросил я, нарочно подразнивая его. — Что есть у одинокого человека, чтобы... Ты, наверно, не знаешь, что гостя нужно хорошо принять?

— Почему не знаю? — обиделся мальчик. — У меня все есть... Хорошая домашняя водка, жирные куры...

— Водка?

— Да, конечно, — ответил мальчик.

— Вдобавок ко всему ты еще и пьешь?

— Пить не пью, но есть у меня. Я перегоняю и ставлю.

— Из чего гонишь?

— Из дикой груши, из диких яблок, из бузины... Из сливы гоню, из кизила.

— Что-то не верится.

— Вот пойдете, и увидите. Познакомлю вас с дядей, соседей приглашу, — и просьбу свою закончил, повторяя с детской назойливостью, — ну, пойдете, пойдете, очень прошу вас.

— И я очень хочу, но что поделаешь, у меня сейчас нет времени, — извиняясь, сказал я и протянул руку. — Скоро я вернусь и тогда зайду.

— Не обманете?

— Нет, как можно.

— Тогда я буду вас ждать, — сказал мальчик с надеждой и протянул для пожатия свою маленькую руку.

Потом он продел руки в лямки мешка, подаренное мной ружье повесил на плечо, взял рисунки и пошел.

В гору он шел как-то спотыкаясь, мешок, висевший на его плечах, подчеркивал их худобу, а длинное ружье — его маленькое беспомощное тело. Приклад ружья едва доходил до середины голени и неловко ударял его по ногам. Он шел понурившись — не знаю, рассматривал ли он рисунки или просто смотрел вниз. Со спины казалось, будто о чем-то озабочен, что-то не говорил. И действительно, спустившись к кустарнику на опушке леса, он вдруг обернулся.

— Смотрите, не обманите, обязательно приходите! Обязательно! — звонко крикнул он и вприпрыжку побежал по извилистой тропинке.

Вот с таким удивительным мальчиком я повстречался в этом году. Обещанного, к моему стыду, я не исполнил, в гости к нему не пошел — никак не смог поехать в те края. А так я часто вспоминаю о нем, особенно когда иду по улицам города и вижу праздно стоящих в тени платанов двадцатилетних парней, которые, опустив плечи, лениво ведут бессодержательные беседы.

В такие минуты я явственно слышу его слова — «пашу, сею, работаю — и живу». И тогда на сердце тяжелым грузом ложится чувство сильного и непонятного сожаления о чем-то.

Перевод Алины ВИШНЕВОЙ

ХРОНИКА

«НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА...»

В селе Патардзеули Сагареджойского района Грузии прошел традиционный народный праздник «Гоглаоба», посвященный памяти выдающегося грузинского поэта Георгия Леонидзе.

В Патардзеули прибыли видные писатели и поэты, деятели искусства и культуры, труженики районов республики. Гости побывали в доме, где родился и провел детские годы Г. Леонидзе, осмотрели экспози-

цию материалов о жизни и творчестве поэта.

Затем праздник переместился на Гогласгора, где о творчестве поэта, о непреходящем значении его поэзии говорили председатель правления Союза писателей Грузии Георгий Цицишвили, поэты Мурман Лебанидзе, Силован Нариманидзе, Фридон Халваши, Леван Саникидзе, Георгий Гигаури, Анзор Абулашвили...

В заключение состоялся праздничный концерт.

ЕДУ

Душный запах грозы.
Я сижу без копейки
у речного вокзала
на своем рюкзаке.
Зонтик толстой гражданки
под цвет канарейки
и всегдашний вопрос:
— Вы, товарищ, за кем?
Через час или раньше
я уеду отсюда
в зной степной деревушки,

ПАМЯТИ ПОЭТА

Журналист-международник Александр Тер-Григорян, известный глубокими, интересными книгами о Вьетнаме, Венгрии, Бангладеше, Индии, Непале, всегда оставался поэтом. И если прозу он писал в дальних странах, то его поэтическая биография берет начало в Грузии. Он родился и вырос в Тбилиси, на старинных улицах Сололаки были сделаны им первые шаги... Потом он объездил многие земли, побывал под огнем во Вьетнаме, оказывался в гуще важнейших международных событий. И... писал стихи. Но не спешил с публикацией.. Читал их друзьям, сомневался. Они составляли самую заветную часть его творчества, возвышенную и светлую.

Первая и последняя прижизненная книга стихов Александра Тер-Григоряна «Перекрестки судьбы» вышла в 1983 году в издательстве «Молодая гвардия». В очень небольшой сборник вошли произведения почти тридцатилетнего периода, начиная от 50-х годов. Когда читаешь — убеждаешься: он уже в 1956 году был зрелым поэтом. Стихи не постарели, и все—

что зовется дырой.
Ты мне будешь писать,
чтоб боялся простуды,
чтоб под солнцем не мылся
холодной водой.
Словно не был студентом,
не учился в столице,
словно только вчера я
с уроков сбегал.
Разноцветный Тбилиси,
крутой и столиций,
мне печально и хитро
улыбаясь, мигал.
А когда вырастали
и прощались со школой,
оставались от детства
лишь стихи да любовь.
Мы тогда не прощали

от лет юности до последних, воспринимаются как один удивительно цельных цикл. О таких гармоничных и глубоких циклах зачастую мечтают поэты. Но цена их велика — жизнь.

Осенью 1984 года он, как потом выяснилось, уже смертельно больной, приехал в Тбилиси. Ходил по знакомым с детства улицам, вспоминал, читал с характерным для него распевом любимые стихи Галактиона. Ни он, ни я не знали, что это было прощание...

Потом он прислал из больницы одно из последних своих стихотворений.

ВРЕМЯ

Булькает время мое — капля за каплей.
Медленно иссыкает капельницы бутыль.
В небо взлетит мгновенье розовой цаплей,
очи туман залепит, вдаль унесется быть.
Бились мои о стекла ломкие крылья.

случайной обиды.
Проходили часы
и нелегкие дни.
Но мирившись, ходили
на гору Давида,
и под нами внизу
вырастали огни...
...Душных лекций часы
и галдеж на собрании,
коридорные толки
и кросс курсовой.
Персональное дело
с решением заранее,
посиделки в редакции
на Моховой.
Фельетоны и рейды,
торопливые сборы
на высотную стройку

Жадно на свет кидался мошкой убогой.
Чего я искал? Спасенья? Радости ли, игры ли?
Или прописки вечной за пазухою у бога?
Лебедь со щукой рака не одолеют,
медленно тянет к обрыву мой небольшой воз.
Таинственно улыбнется созвездие Водолея,
и вспыхнет, как красный факел,
у глаз моих пламя роз.
Все разровняют быстро ловкие грабли.
Ужель и любовь истлеет, как ухо или рука?
Булькает время мое — капля за каплей.
Кап, кап, кап.

В конце письма была приписка: «Настроение у меня, в принципе, бодрое — стихи не в счет». Но... конечно, стихи — «в счет». Они не уходят, когда уходит поэт, это тот щедрый счет, который он открыл всем.

Вильям ХАЦКЕВИЧ

под кислым дождем.
По субботам в бараке
собирались студкоры
и клялись Маяковским,
что пойдут напролом.
Я все ждал тебя, юность,
сумасшедшая юность,
все хотелось пойти
на большие дела.
Мне казалось, что много
невстревоженных струн есть
и что очередь наша
их встревожить пришла.
Я любил тебя, юность,
знают наши ребята,
что распять свое сердце
я б не глядя отдал.
Ты во многом еще
до сих пор виновата,
хоть и думают люди,
что солиднее стал...

1955

СКОРЛУПКИ

В бездне спряталось эхо.
Съело пламя солому.
Две скорлупки ореха
вдруг сошлись по излому.
В сердце голос мятежный,
голос страсти и браги.
Стебель тонкий и нежный
потянулся к коряге.
Все тревожно и зыбко,
не отыщешь дорогу.
Золотистая рыбка
подплыла к осьминогу.
Что-то нынче случится,
я о прошлом не помню.
Ненаглядная птица
села вдруг на плечо мне.

Не ловлю ее сетью,
не беру ее в руки.
Верю горькой приметой
предстоящей разлуки.

1984

ЦВЕТА МАНДЕЛЬШТАМА

Я стоял в неуклюжей позе статиста
У воды синеватого аметиста.
Ты бежала ко мне — ножки внутрь носочками.
Небо вдруг затрещало молний строчками.
Толстая ворона каркнула утвердительно —
И крышу с сарая сорвало по закону Бернули.
Ты прижалась ко мне нежно и восхитительно.
И все утерянное глаза мне твои вернули.
И небо стихло и засветилось аквамаринном.
И глаза твои полыхнули блэкстаром.
Этот миг хоть раз еще подари нам! —
Попросил я у неба и сразу стал старым.
Но ты сказала: твои все миги,
Я готова носить любви вериги.
И мрамор шеи твоей мерцал у выреза.
И коснулись лица моего узкие ладони.
Я слышал, как душа моя радостно стонет,
Но не знал, как это можно выразить.
Я тебя научу летать, — сказала ты.
Мы взмоём сейчас над водной гладью.
И мы расстались с земною кладью
И взлетели, закатом сиреневым залиты.

1984

* * *

Я вываливаюсь
из песни какого-то стрелочника
на холодные рельсы
чьей-то давней мечты-колеи,
что была не простая.
Не могу сосчитать
я обид своих давешних мелочь никак.
И, забытый, лежу,

глядя в небо,
как смерчком, вьется
серая стая.

Вот и поезд.
Гроыхая на стыках,
он глядит на меня вопросительно.
И сирена его вдруг завывала
протяжно-пронзительно.
Мне бы в песню вернуться.
В мечту. В маету ожиданий,
в нежно-белое облако
твоей неизбывной любви.
Но не встать мне никак,
не узнать мне грядущих преданий.
Проплывают по небу
умирающих през корабли.

1984

* * *

Зачем судьба меня дарит
Таковыми встречами, как эта?
Еще пылает и болит
Так горько прожитое лето.
Вот чей-то двор. И чей-то дом.
Чужая кошка на ступенях.
Мы постоим и прочь идем.
За нами бродят наши тени.
Стихи срывались, как пароль,
С губ, словно бабочки, слетали.
Как щедро мы входили в роль
И ничего не замечали!
И не хотелось объяснять,
Кто, почему, зачем, откуда...
Тбилиси в ночь возник опять,
Как неразгаданное чудо.
Оно привиделось во сне.
(О, как я этот сон нарушу?).
А вы дарили город мне,
Не город — вы дарили душу.
Как хорошо мне оттого,
Что это все — со мной случилось.
Что не случилось ничего.
Что ничего не повторилось.

Я вываливаюсь
из песни какого-то стрелочника
на холодные рельсы
чей-то давней мечты-волшеб.
что была не проста
не могу сосчитать
я обид своих давнейших и деловых
и, забытый, лежу.

НА Грузию нынешней зимой обрушилось несчастье. Горы, которые всегда служили ее надежной защитой, ошестинились лавинами, а реки вышли из берегов — восстала природа.

Стихийное бедствие унесло много человеческих жизней, причинило народному хозяйству огромный ущерб. Беда эта многому нас научила, о многом заставила задуматься. О том, как мы бездумны порой, как мало заботимся о будущем. Но вместе с тем трудные дни испытания по-новому высветили удивительную духовную красоту нашего человека, казалось бы, такого обыкновенного и неприметного.

Поглощенные повседневными заботами, мы убедили себя в том, что герои и рыцари — достояние прошлого или художественного вымысла.

Какое глубокое заблуждение!

Горе и несчастье сплотили людей, и все мелкое, личное отступило, забылось. Каждый самоотверженно боролся за спасение ближнего. И это оказалось сильнее стихии. Правда, с внезапно обрушившимися лавинами сладить не удалось, зато число жертв наводнения оказалось минимальным.

Один из погибших — юно-

Коба ИМЕДАШВИЛИ

НАУЧИМСЯ ЛЮБИТЬ

ша из Азербайджана рядовой Рахиб Мамедов погиб, спасая других. Я видел тот мост, на опоры которого бросила рассвирепевшая река Риони «Амфибию» Рахиба, видел памятник герою в селе Чаладиди, где произошла трагедия. От многих домов там остались одни фундаменты. Но первое, что построили чаладидцы — это памятник Рахибу. И первый урок после возобновления прерванных наводнением занятий в Чаладидской средней школе был посвящен памяти Рахиба, мужеству, дружбе.

Вместе с азербайджанским юношей с риском для жизни спасали людей воины и офицеры Советской Армии, вертолетчики, партийные и советские работники, крестьяне, учащиеся. Разве ж они не герои! Люди стали свидетелями не только натиска стихии, но и стихийно рожденного героизма, самоотверженности, полного забвения себя во имя другого. Когда в опасные дни схода лавин в Местиа вертолетом прилетели руководители республики, директор школы Жоржолнани попросила лишь об одном: спасите детей!

Я никогда не поверю, что дети, прошедшие через эту беду, смогут совершить в жизни недостойный поступок, потому, что вместе с горем они увидели самые высокие проявления человечности, чистоты помыслов. В их глазах пока еще живет страх, но память сердца, скорее всего, навсегда сохранит людское бескорыстие, доброту, сострадание. Я никогда не поверю, что дети Чернобыля, минувшим летом отдохавшие у нас в курортном местечке Цхваричамия, когда-либо забудут душевное тепло не только своих воспитателей и сверстников, но и того пожилого крестьянина, который приносил им гостинцы в пионерский лагерь.

«Нет худа без добра», — говорят в народе. Да, стихия уничтожила целые семьи, разорила села. Но она же, эта беда, напомнила нам о высших ценностях человеческой жизни, о которых в дни благополучия мы часто забываем. Надуманные лишения и огорчения подчас заслоняют настоящую боль, а истертые слова сочувствия — подлинное сострадание. Когда в республиканском штабе борьбы со стихией я знакомился с письмами и телеграммами, проникнутыми горячим желанием помочь, с извещениями о прибытии посылок и бланками денежных переводов — география их выходит за пределы нашей страны — мое внимание привлекли два письма. Первое письмо написано на листке, вырванном из школьной тетради:

«Уважаемый товарищ!

Я работаю в лечебно-трудовых мастерских. У меня плохо

ходят ноги. В этом месяце я заработала 5 рублей. Эти деньги я посылаю в помощь пострадавшим людям.

До свидания. Романова Тая».

Большое спасибо тебе, Тая, и низкий поклон всем тем, кто научил тебя чуткости и бескорыстия. Ты помогла, чем могла, отдала все, что имела. Дай бог тебе здоровья!

Второе письмо тоже из России.

«Будучи глубоко обеспокоенным случившимся в Грузии и желая принять участие в помощи пострадавшим от стихии жителям республики, когда-то в первые послевоенные годы приютившей мою мать и меня, я готов принять у себя дома семью на неограниченное время. У меня трехкомнатная благоустроенная квартира. Гарантирую все необходимое для нормального проживания.

Если найдутся желающие, прошу сообщить дату их вылета самолетом. Я с удовольствием возьму на себя расходы по их проезду в г. Свердловск.

С глубоким уважением Табаксблат Лазарь Сигизмундович».

Вонистину, доброе дело бесследно не проходит, добро воздается добром тому, кто хоть раз сделал его в жизни. Когда-то Грузия так отогрела израненное войной сердце ребенка, что и сейчас, спустя годы, тепло это — в каждой строчке письма из Свердловска.

Оно мне напомнило Тбилиси военного времени. Нашу школу, оборудованную под госпиталь, куда мы так любили приходить к раненым. Они с нетерпением ждали нас. Наверное потому, что в общении с детьми, ради спасения которых сражались, утоляли свою тоску по семье, близким.

Помню беженцев, нашедших приют в грузинских семьях, помню осиротевших детей. Помню и то, что Грузия отправила на войну семьсот тысяч своих сыновей и дочерей, пятую часть всего населения. И половина из них не вернулась домой. Так что дружба народов для всех нас не только праздник, мы ее выстрадали. И вот сейчас, когда беда пришла в Грузию, мы ощутили помощь не только официальных организаций (Союз писателей страны, например, выделил миллион рублей), но и простых людей, воспринявших нашу беду и боль как свою собственную и готовых отдать все, что могут.

Каждый день шла помощь из России, Армении, Украины. Каждый день люди с тревогой и надеждой вслушивались в сообщения — как там, «на холмах Грузии»? Увы, на холмах Грузии и сейчас беспокойно — стихия продолжает бушевать.

Вдумайтесь в то, что произошло! Огромная советская страна каждый день жила, тревожилась болью и опасными буднями маленькой Грузии.

Брат для брата — в черный день, — говорят у нас. Воистину так. Это и есть подлинная дружба, и она ко многому обязывает.

Мы привычно думаем, что дружба народов существует как бы сама по себе, как некая данность. Неверно это. Нужны каждодневные усилия, каждодневный труд, чтобы в каждом отдельном человеке взрастить это великое чувство, основу основ нашего многонационального государства.

В Грузии, например, одной семьей живут представители более десяти наций и народностей, деля радость и горе. Если посмотреть на Тбилиси с Мтацминды, с плато фуникулера, можно увидеть купола церквей грузинской, русской и армянской, католического костела, еврейской синагоги, мусульманской мечети. Это не просто памятники истории, это — традиция Тбилиси. Еще в XI веке царь Давид Строитель, погнав из города разбитых им завоевателей-арабов, не разрушил их мечетей, не предал огню их книги, не лишил жизни ученых и поэтов арабских.

Позднее в XII веке великий гуманист Шота Руставели напишет удивительную книгу о дружбе и скажет: «Кто не ищет друга в жизни, тот себе заклятый враг».

Маленькая Грузия не раз давала приют гонимым — евреям, декабристам и польским революционерам, армянам, спасающимся от геноцида, духоборам, эстонцам, курдам, азербайджанцам. И никто не чувствовал по отношению к себе неприязни. Многие насовсем остались здесь, а те, кто покинул Грузию, уехал с сердцем, отогретым любовью. Замечательный тому пример — русские поэты XIX—XX веков.

Для меня лично живым примером дружбы народов была большая семья моего деда, писателя и общественного деятеля Иосифа Захарьевича Имедашвили. У него в доме часто собирались гости и, наряду с грузинской, слышалась русская, армянская и азербайджанская речь. Дед мой близко знал Габриэла Сундукяна, Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Максима Горького. Он первым издал на грузинском языке стихи Пушкина (1899), письма Льва Толстого, рассказы Горького (1901), перевел с армянского пьесу Габриэла Сундукяна (1910). И все это делалось без суеты, без громких слов.

Но прошлое прошлым. Что делаем мы сегодня, чтобы укрепить, углубить дружбу наших народов? Как будто мно-

гое. Время от времени шумно отмечаем юбилеи, говорим речи, печатаем пространные теоретические статьи. Но что стоит за этими теоретическими откровениями, чем заняты мы между юбилеями, насколько бережно относимся друг к другу в повседневном общении, как уважаем национальные чувства? Ведь даже один невежда или бюрократ по черствости и равнодушию может нанести ощутимый урон тому, что многими создавалось по крупицам.

Я, как и другие читатели, с удовлетворением прочел не так давно реплику газеты «Социалистическая индустрия» (25.IV. 1987) — «Пароль «Местиа» не сработал», содержащую отповедь в адрес работников Министерства энергетики страны, бездушно отнесшихся к местийцу Нодару Джапаридзе, приехавшему с просьбой о запчастях для дизеля, дававшего свет пострадавшему от стихии поселку. Мы и мои местийские друзья хорошо знаем цену помощи русского человека... Тысячу раз права газета в своем возмущении.

Дружбу народов надо беречь, пестовать каждодневно. Да вайте подумаем, что мы знаем друг о друге, что знает по школьным учебникам наша молодежь, увлеченная видеокультурой, рок-ансамблями и звездами футбола, о многовековой культуре армянского, грузинского, таджикского или других народов нашей страны?! Мало, очень мало. А ведь взаимная любовь между народами начинается с взаимопознания. Ленинский принцип сосуществования и взаимопонимания подразумевает не только отношения с народами других стран, но и между народами нашего Союза. Думается мне, что одной из глобальных проблем XXI века будет именно дружба народов как путь спасения человечества. И примеры, уроки этой дружбы должны преподать мы — сегодня, сейчас.

Если уж мне приходится сегодня повторять тысячу раз прописные истины, хочу напомнить еще одну — о духе нации, подлинном ее характере нельзя судить по туристке, приехавшей на три недели к берегу Черного моря, или по продавцу на базаре, или по действиям бюрократа, пусть даже самого высокого ранга. Увы, результатом наших каждодневных общений стал стереотип, основанный на поверхностном знании друг друга. Стереотип этот, к сожалению, проник в театр, кино, художественную литературу в виде ложных типажей — среднерусского, среднекавказского, среднеазиатского. Это результат нашей духовной лености и слепоты.

Дух, характер нации со всеми своими плюсами и мину-

сами — нечто гораздо большее, чем отдельная личность или даже группа людей. Конечно, это не значит, что на плохое друг в друге мы должны закрывать глаза. Но главные недостатки, а достоинства, которым надо учиться, даже перенимать их, если они соответствуют характеру другой нации. Разве аккуратность прибалтов в каждом деле или хозяйское отношение армян к земле, или масштабность гражданственности русских не пример для подражания?! Будем учиться друг у друга — вот один из основных аспектов перестройки, нашего духовного обновления. Нужно, чтобы каждый из нас сознавал себя представителем своей нации, носителем лучших свойств своего народа. Это трудно, но другого пути нет.

В ликвидации последствий стихийного бедствия грузинам помогали и посланцы Чернобыля. В прошлом году мы пережили трагедию Чернобыля как свою собственную. Кто смог, кому разрешили, внес в Чернобыльскую битву свою лепту. Да, именно в битву! В репортажах, которые грузинское телевидение передавало из Чернобыля, меня потрясло удивительное выражение душевного настроя наших земляков — улыбка. Казалось бы, чему можно улыбаться в Чернобыле?! Потом я понял, что эти улыбки от сознания честно выполненного долга. Чернобыль для моих земляков стал собственной бедой и полем боя, так же, как лавины и наводнение в Грузии — несчастьем и горем для всей нашей большой страны.

Последнее время мы целенаправленно и бережно реставрируем памятники материальной культуры. Пора с наименьшим рвением взяться и за восстановление духовных ценностей. Мы слишком часто все произносим такие высокие слова, как дружба, достоинство, честь. И нередко подменяем дружбу деловыми отношениями, достоинство приписываем наивности литературных героев прошлого, а понятие чести считаем рудиментом, свойственным мягкотелым чудакам. А между тем как бедна жизнь без всего этого! Без истинного чувства, без любви к ближнему, без настоящей дружбы. Мы будто боимся быть искренними, открытыми, просто любить...

На днях в Тбилиси из Армении пришло письмо от первоклассника 8-й кироваканской средней школы — Ваграма Манджяна. Обращаясь к своему незнакомому сверстнику из Грузии, он пишет: «Я куплю тебе футбольный мяч, книги. Очень прошу, если можешь, приезжай летом к нам, в наш дом. Вместе отдохнем».

Почему нельзя вернуть детство? Я с радостью поехал бы этим летом к Ваграму. Он купил бы мне такой желанный в моем военном детстве футбольный мяч, и мы играли бы с ним вместе.

Будем учиться у детей непосредственности выражения своих чувств. Ведь человек всегда нуждается в любви, внимании, дружбе — и тогда, когда он борется со стихией, и тогда, когда одиноко стоит у своего окна.

ХРОНИКА

ОБАЯНИЕ СОВЕРШЕНСТВА

В Тбилиси с успехом прошли гастроли традиционного национального японского театра Кабуки.

Если попытаться определить главную особенность Кабуки, можно сказать, что в нем культивируется театр в чистом виде. И литературная основа, и изумительная гамма цветов, и все поразительные элементы эстетики подчинены одному — передаче тончайших оттенков чувств.

Высочайшая культура этого театра Японии — страны древнейших и своеобразнейших традиций, проявляется и в том, что он оказывает на зрителей исключительное эстетическое и эмоциональное воздействие. Достигается оно гармоничным сочетанием музыкального сопровождения, которое не прерывается на протяжении всего представления, декораций и костюмов, в свою очередь несущих смысловую нагрузку, и актерского мастерства, в котором и заключается высшая ценность искусства Кабуки.

Владение этим искусством часто передается по наследству. Так, нынешние гастроли

познакомили нас с Накамура Утаэмоном, которому присвоено наивысшее в Японии звание «Человек — национальное сокровище», и двумя его сыновьями — Накамура Фукусукэ и Накамура Мацуэ. Театр «переживания» и театр «представления» слиты в Кабуки воедино. Одна из особенностей Кабуки — это то, что актеры в нем исключительно мужчины. Мужчины исполняют и женские роли, удивляя глубинным постижением характера своих героинь.

Незабываемо красочное представление «Кандзинтё», в котором блистательно играют Накамура Томидзюро (Бэнкэй) — выдающийся актер Кабуки, и Накамура Фукусукэ, старший сын Утаэмона (Тогасино Сазмон).

Искусство Кабуки — одно из древнейших. Но, достигшее совершенства, оно остается живым и необходимым, потому что несет в себе огромный запас знаний человеческих страстей и, выражая с помощью этих знаний глубочайшие человеческие переживания, доставляет зрителям высокое эстетическое наслаждение.

Манана МОНИАВА

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ— ПУБЛИЦИСТ

Одной из важных сторон общественно-публицистической деятельности Акакия Церетели является его педагогико-просветительская работа. Будучи прогрессивным мыслителем-материалистом, А. Церетели был убежден, что воспитание и образование — первооснова общественного благосостояния. «Хорошее воспитание предопределяет процветание общества, дурное же — его неудачи».

Поколение грузинских шестидесятников-«тергдалеули» видело свой идеал в подъеме грузинской системы просвещения до европейского уровня, в развитии в Грузии научных исследований и печатного дела, в расширении сети школ и библиотек. Воспитание как категория общественная должно быть народным; лишь народ и народность придают воспитанию политическую заостренность, общественную актуальность.

В программной статье «Кто виноват?» А. Церетели формулирует положение о функции общественного воспитания: «Кто не знает, что счастье народа зависит от его умственного кругозора; что без ученья и образования невозможны улучшение его жизни, развитие, движение вперед, прогресс... Лишь просвещение было и остается источником благосостояния любого народа».

Великие педагоги и писатели России и Грузии К. Ушинский, Л. Толстой, И. Чавчавадзе, А. Церете-

ли, Я. Гогешвили и другие считали первоочередной задачей просвещать массы трудового крестьянства и открывать народные школы. Примечателен тот факт, что грузинская церковь начинает заботиться о просвещении крестьян. Таковы были церковно-монастырские школы в Тбилиси, Шуамта, Гареджи, Бодбе, Ниноцминда и другие. Под понятием «просвещение» подразумевалось главным образом обучение грамоте, овладение родным языком.

Духовные пастыри грузинского народа И. Чавчавадзе и А. Церетели основание народных школ считали главным средством пробуждения грузинского народа, его интеллектуального и духовного воспитания. И. Чавчавадзе с публицистической четкостью определяет назначение этих школ: «Школа должна готовить и обучать человека таким образом, чтобы он обрел силы, знания и желание приносить пользу родной стране». А. Церетели подчеркивает: «Надлежало, с одной стороны, придать новым учебным заведениям характер, полезный для наших детей, а с другой — проповедовать народу необходимость и значение образования; разъяснять, какое воспитание должны дать родители своим детям».

В корреспонденции «Приятная новость» А. Церетели горячо приветствует открытие в Кутаисской губернии учебного заведения, где бесплатно обучают детей бедняков: «Это — школа для девочек. Но не думайте, что открытие ее — заслуга общественности или какого-либо грузина, частного лица... Школу открыла княгиня Мирская с помощью графини Левашовой. Мы убеждены: не будь графини, школы не было бы».

Подвергая резкой критике инертное отношение соотечественников к столь важному общенациональному делу, А. Церетели трезво усматривает одно из препятствий на пути школьного движения в скепсисе общества.

Основным фактором сохранения народом своей самобытности А. Церетели считал открытие многочисленных церковно-приходских школ и духовных училищ. Это были очаги культуры, способные отвести угрозу перерождения национального организма, родной язык здесь изучали наиболее стабильно, мало счита-

ясь с нападками реакции. В резком тоне излагает А. Церетели свои радикально-демократические взгляды в фельетоне «Свежие новости». Он развивает мысль о необходимости открытия народных школ в городах и селах, ибо недоступность учения может привести к расслоению невежественного, забитою народа, лишив его возможности подготовиться к грядущим решающим схваткам. Революционер-демократ, всем своим существом ратуя за пробуждение самосознания грузинского народа, он мечтал о том, чтобы добрые семена знаний проникли даже в самые отдаленные уголки Грузии и воодушевили угнетенных собратьев на благородные дела.

А. Церетели, как и И. Чавчавадзе, считал патриотическое воспитание основным звеном в сложной цепи задач национально-революционного движения. «Терг-далеули» рассматривали его как определяющий момент социального воспитания. Аргументируя необходимость такого воспитания, они опирались на классиков педагогики — И. Песталоцци, Ф. Дистервега и К. Ушинского. К. Ушинский глубоко верил в то, что любовь к родине — неотъемлемое свойство человека: «Как нет человека без самолюбия, так и нет его без любви к родине». И Песталоцци источником первоначальных знаний считал родину. По его убеждению, знание, приобретенное в родной среде, прочно и истинно. И. Чавчавадзе концепцию Ф. Дистервега о цели патриотического воспитания формулировал следующим образом: «Национальное воспитание должно давать молодежи детальные знания об экономико-географическом положении родной страны и ее истории. Таким путем молодежь познает отличительные особенности отечества и его неповторимое своеобразие, укрепит корни своей духовной энергии». Патриотизм, по А. Церетели, требует единения нации, общности интересов и высокого сознания гражданского долга. «Нынешнее торжество, как видим, иное: ликованье беспредельное и радость безоблачная! Чему это приписать? Хотя любой из вас и сам чувствует, скажу все же, что причина тут — в воссоединении с отторгнутыми от нас превратностями судьбы братьями нашими единокровными, посланцы которых сегодня присутствуют здесь. Да, господа, теперь мы вправе, склонясь к моги-

дам предков, сказать, что не нарушили их заветов!.. А завещали они: беречь язык родной и землю! Во славу их немало трудов положили блаженной памяти отцы и деды наши», — с гордостью заявляет публицист в письме-обращении «Речь кн. Акакия Церетели». На фоне описания старинного грузинского застолья он как журналист подспудно проводит активную идею единства и силы народа.

А. Церетели конкретно определяет роль и позицию молодого поколения в системе национально-патриотического воспитания. «Оценить по достоинству его заслуги и труды, — заявляет А. Церетели, — может лишь тот, кто хорошо понимает необходимость журналов, газет и книг, их значение для просвещения народа... Надо надеяться, что все пороки, присущие ныне нашим периодическим изданиям и вообще новой литературе по причине их новизны, со временем исчезнут, когда просвещение получит у нас распространение и трудолюбивые, образованные люди среди молодого поколения составят большинство».

XIX век, эпоха больших социальных и культурных сдвигов, породил необходимость в таком образовании, которое подразумевало всестороннее, гармоничное, физическое и эстетическое воспитание человека. Борьба шестидесятников за рациональное образование являлась основным аспектом их общественной и публицистической деятельности. В этой борьбе А. Церетели ставил перед молодежью почетную задачу активной общественной деятельности, служения родине и народу.

Заостряя внимание на идеалах, целях и поле деятельности молодежи, А. Церетели определяет тип народных школ, излагает их структуру. Он отмечает, что учебные заведения любого типа, в том числе и университет, должны следовать принципам народности, вырабатывать полезные в практической жизни знания и навыки, всесторонне — умственно и нравственно — развивать молодежь. В статье «Кое-что о молодом поколении» А. Церетели с удивительной проницательностью осуждает формалистический принцип обучения, подмену научных знаний механической зубрежкой, воспитание учеников в духе рабского послушания властям. «Разум ребенка следует развивать, бе-

седую о близких ему предметах, о которых он способен судить самостоятельно. Но этого блага наши юноши лишены... с ними говорят о том, что чуждо их натуре... В учебниках описываются события и явления, чуждые родной природе; подростки, вынужденные доверяться лишь собственной памяти, твердят заученное наизусть, а в рассуждениях хромают». Он называет основные учебные предметы в системе реального образования: родной язык, историю и естествознание. Вот основа обучения, — считает он.

Вместе с И. Чавчавадзе и Я. Гогешвили А. Церетели вносит весомый вклад в дело борьбы за утверждение родного языка. Он принципиально ставил вопрос об использовании грузинского языка во всех сферах общественной жизни, что способствовало бы его дальнейшему развитию и совершенствованию.

В программном выступлении «Кое-что о молодом поколении» А. Церетели признал первым условием интеллектуального и нравственного развития юношества обучение его на родном, грузинском языке; он решительно требовал глубокого овладения языком и обстоятельного изучения истории своего народа. Аргументированно, с точной констатацией фактов, говорит он о существенных недостатках в преподавании грузинского языка.

В борьбе за возрождение родного языка и утверждение его в правах центральное место отводится школе. «Тергдалеули» материалистически понимали ее цель и роль в воспитании юношества. Они единодушно восстали против засилья схоластических порядков и методов обучения в классическом учебном заведении.

А. Церетели одним из первых определил роль воспитателя в преобразовании общественно-политической и духовной жизни. Возложив функцию воспитателя на женщину, он провозглашает ее главной силой, стимулирующей умственное, физическое и нравственное совершенствование молодежи, созидание здорового общества. Стремясь придать своим рассуждениям большую убедительность, достоверность, идейную целеустремленность, он прибегает в своей статье «Кое-что о молодом поколении» и к моральным поучениям, и к историческим экскурсам и бытовым зарисовкам. Очень

образно повествует о героических подвигах грузинок — выдающихся общественных и политических деятелей разных исторических эпох: «Много великих сударей-мужчин правили Грузией, но носила царский венец и женщина — взошедшая на престол царица Тамар. Самопожертвование во имя отчизны и христианства являлось для грузин жизненным правилом; но из многочисленных подвигов великомучеников, пожалуй, самым поучительным было самоотвержение Кетэван, которая с удивительной душевной твердостью и упованием приняла мученический венец. Вот и еще одна женщина!.. Так что в Грузии женскому полу издревле воздавали должное... Ведь женщины воодушевляли мужей, растили отечеству сынов, с материнским молоком впитывавших любовь к родной земле... Книга была неразлучной спутницей женщины. Развивая и обогащая свой разум, женщины вершили большие, славные дела».

Путем логического сопоставления норм поведения и устремлений своих современников А. Церетели развивает интересные педагогические взгляды: 1) Обучение на родном языке, ибо язык — самое яркое выражение жизненной силы народа. Общественное сознание должно развиваться на том языке, на каком мыслит каждый член общества. По убеждению А. Церетели, родной язык не только обогатил бы подростка знаниями и формами выражения мысли, но и преисполнил бы грузинский народ сознанием необходимости сплочения в период разгула шовинистических репрессий. 2) Не механическая тренировка памяти, не схоластические правила мышления, но полезное, рационалистическое образование, гармоничное развитие духовных и физических сил личности путем создания нового типа народной школы. 3) Определение роли и функции воспитателя.

Патриархи грузинской культуры И. Чавчавадзе и А. Церетели считали, что настоящее и будущее родной страны, мораль и достоинство общества, его благополучие зависят от образования, нравственных устоев, идеалов людей, что только широко образованный и политически сознательный народ способен организованно и сплоченно вести борьбу за свое национальное освобождение.

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОВЕДУ ОКТЯБРЯ

Валерий КАДЖАЯ

БОЛЬШЕВИК, СЫН БОЛЬШЕВИКА

Информация ТАСС была лаконичной, без каких-либо комментариев. В ней говорилось о том, что ветерана международного революционного движения, участника Гамбургского восстания Д. В. Ломадзе принял посол Германской Демократической Республики в СССР и вручил ему серебряный орден ГДР «За заслуги перед Отечеством».

Маленькая заметка вызвала целый ворох вопросов. Давида Владимировича я знал и прежде, несколько раз слушал его выступления, еще когда я учился в университете. Он рассказывал о делах «давно минувших дней», о том, как боролись большевики за установление Советской власти в Грузии.

Знал я также и о том, что Ломадзе — почетный гражданин Чиатура. В 1921 году он возглавил в этом городе партийную организацию.

Но никогда и нигде не упоминал Давид Владимирович о том, что был в Германии, Австрии или где-нибудь за пределами Грузии. Немногим было известно, какая бурная, полная необыкновенных приключений жизнь за плечами этого обаятельного, необычайно отзывчивого и такого скромного человека.

Говорят, что судьба — это всего лишь случайное стечение обстоятельств. Возможно. Но обстоятельства складывались таким образом, что иной судьбы у Ломадзе, ставшего профессиональным революционером, просто не могло быть.

Ему исполнилось всего пять лет, когда его отец — Владимир Давидович (Ладо) вступил в РСДРП.

Небольшой, затерянный в горах Западной Грузии городок получил в начале века всемирную известность благодаря богатейшим залежам марганца. Ежегодно Англия, Германия, США и Бельгия вывозили отсюда около миллиона тонн руды — почти половину всего потребляемого ими марганца, этого «витамина» металлургии. Вся добыча сосредоточилась в руках немецких и бельгийских капиталистов. Владимир Давидович, бывший батрак, благодаря незаурядным способностям выбился в маркшейдеры, а затем стал управляющим рудником. Рудник принадлежал германской компании «Форвурд».

Каких только компаний не было тогда в Чиатура! Все они принадлежали западноевропейским капиталистам. И всех их объединяла одинаковая жестокость, с которой эксплуатировали они рабочих. Но сила действия равна силе противодействия. В социал-демократической организации тон задавали большевики. В конце июня 1905 года Миха Цхакая (ему была предоставлена честь открывать 12 апреля III съезд РСДРП, проходивший в Лондоне) сообщал В. И. Ленину, как чиатурская партийная организация встретила решение съезда:

«В одной из лощин, у открытой пасти подземной шахты, в сарае, в 9 часов вечера 18 июня (старый стиль) собрались до двухсот представителей сознательных чиатурских рабочих пяти подрайонов выслушать доклад делегата о III съезде. Эти не вымытые еще (это было в субботу вечером) лица, больше похожие на лица негров (от работы), до 12 часов ночи с большим вниманием слушали делегата и под конец разразились аплодисментами и возгласами «да здравствует III съезд партии...»

В Чиатура рано сложился боевой интернациональный отряд пролетариата.

В семье Ломадзе долго хранилась печать «Бюро чиатурских безработных», на которой это название было выгравировано на пяти языках: русском, грузинском, греческом, турецком и персидском. Одно это говорит о том, какой была семья

чиатурских рабочих. Сейчас уникальная печать находится в музее Чиатура. Ее передал туда Давид Владимирович.

Под вывеской Бюро скрывался горняцкий профсоюз. Ладдо Ломадзе был одним из его руководителей. Профсоюз, благодаря ведущей в нем роли большевиков, стал боевым штабом чиатурских рабочих во время революционных выступлений в 1905 году. Горнякам даже удалось — первым в России — добиться на некоторое время восьмичасового рабочего дня!

В 1907 году, когда революцию подавили, форвурдского управляющего арестовали, однако Военно-полевой суд был вынужден освободить его «за недостаточностью улик».

Наступили еще более крутые времена. В глубокое подполье ушла партия. Но по-прежнему регулярно появлялись на стенах домов и на заборах прокламации. Их печатали в нелегальной типографии, которую организовал на одной из шахт Ладдо. Обнаружить ее жандармские ищейки никак не могли — в шахту проникнуть им было невозможно. Но в охране догадывались, кто стоял за прокламациями, хотя доказать ничего не могли. И тогда жандармы пошли на гнусное преступление: они расправились с Ломадзе с помощью наемного убийцы, некоего осведомителя. Его личность удалось установить лишь после Февральской революции, когда были захвачены архивы Кутаисского жандармского управления. Возмездие настигло его в Одессе, куда он бежал, пытаясь спастись, но был опознан и по решению ревтрибунала расстрелян.

Владимира Ломадзе провожала в последний путь вся рабочая Чиатура. Первыми за гробом шли шестеро ребятишек, потерявших отца. Но они не остались сиротами. До самой революции выплачивали из рабочей кассы семье большевика пособие. И хоть было оно не ахти как велико, концы с концами сводить удавалось. Однако учебу Датику пришлось оставить. Тринадцатилетний паренек пошел на шахту. Но не руду добывал он. Его взяли наборщиком в подпольную типографию. Кто мог быть надежней, чем сын Ладдо Ломадзе!

Так, еще мальчонкой, приобщился Давид Владимирович к революционной деятельности. Больше года проработал он в типографии, пока не стало известно, что какой-то провокатор навел жандармов на след. Большевистский комитет распорядился немедленно ликвидировать типографию и укрыть шрифты и оборудование. Чтобы избежать каких-либо неожиданностей, людей разбили на пять групп. В случае провала жандармам досталась бы лишь часть шрифтов. В одну из пятерок, которой руководил большевик Коста Брегвадзе, вхо-

дил Датику Ломадзе. Дальнейшие события сложились таким образом, что воспользоваться шрифтами и оборудованием ликвидированной типографии не удалось, и о них забыли. И спустя полвека чиатурские краеведы наткнулись в одном из документов на упоминание об этом деле. Конечно, они сразу же обратились за помощью к Давиду Владимировичу. Ведь только он да еще чиатурец Илья Гугунашвили, которому тогда было 84 года, остались в живых из всех участников памятной операции. В 1965 году Давид Владимирович спустился с горняками в один из заброшенных рудников и там из тайника были извлечены шрифты, сохранившиеся так, словно их запрятали не полвека назад, а лишь на прошлой неделе...

После типографии Датику сделался грузчиком, продолжая однако подпольную работу. Им, подросткам, поручали чаще всего расклеивать прокламации. Приходилось выполнять и другие задания. Будничная партийная работа, изо дня в день, из года в год. Но вот наконец наступил 1917-й.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Правительство Ноя Жордания стало первым в Европе социал-демократическим правительством, поэтому лидеры II Интернационала возлагали на него особые надежды, которым, увы, не суждено было сбыться, ибо как в целом II Интернационал потерпел крах в результате измены интересам рабочих, так и грузинские меньшевики не думали о народе. Еще весной 18-го меньшевики обратились к генералу фон-Лоссову с просьбой об оказании Германской империей покровительства Грузии. Немцы немедленно ухватились за это предложение, ведь, как докладывал генерал имперскому рейхсканцлеру, «они давали средство добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплуатацию железной дороги, идущей через Тифлис». В начале июня кайзеровские войска оккупировали Грузию и стали ее фактическими хозяевами. 22 июля было подписано соглашение, по которому чиатурские рудники передавались немецким капиталистам.

Прошло всего полгода, Германия потерпела поражение в войне с Антантой, и меньшевики немедленно находят себе новых хозяев. В тот день, когда последние части турецких и немецких войск начали отход из Азербайджана и Грузии, англичане высадились в Баку и Батуми, а вскоре заняли и Тифлис. Мандат на управление Арменией Совет союзников передал Америке.

В середине октября 1917 года в Кутаиси начал действовать союз молодых интернационалистов «Спартак». Одним из руководителей его стал Давид Ломадзе.

Организация быстро росла. Открылись филиалы в Абаши, Хони. Молодые спартаковцы проходили боевую школу революционной борьбы под руководством закаленных партийцев. Недаром из рядов спартаковцев вышли многие видные деятели Компартии Грузии: Давид Лордкипанидзе, впоследствии секретарь кутаисского губкома, Михаил Окуджава, секретарь ЦК КП Грузии, Шалва Окуджава — первый секретарь тифлисского горкома, Тамара Габарашвили — инструктор техотдела ЦК, Георгий Гвахария — директор Магнитогорского металлургического комбината и другие.

И без того тяжелое положение народных масс быстро ухудшалось.

Весь 1918 год отмечен в Грузии полосой крестьянских восстаний: в Абхазии, Душети, особенно в западных районах полыхали помещичьи усадьбы. Одним из таких вооруженных выступлений явилось Сачхерское восстание, в штаб которого входил Ломадзе. Ночью 28 июня восставшие с трех сторон двинулись к Сачхере, выбили оттуда меньшевистскую милицию и провозгласили Советскую власть. Плечом к плечу с грузинскими крестьянами сражались осетинский отряд, а также греки и армяне, рабочие с чиатурских рудников. Ревком принял решение передать всю землю крестьянам. Готова была вспыхнуть и Чиатура, находившаяся всего в 17 километрах, но там немцы расчехлили орудия и привели гарнизон в боевую готовность.

Правительство двинуло против восставших сачхерцев пулеметные части, артиллерию и конницу. Восстание беспощадно подавили. Ломадзе и еще четверых членов штаба приговорили к смертной казни. Но, боясь народного возмущения, меньшевики не решились привести приговор в исполнение и выслали руководителей восстания за пределы Грузии. Так оказался Давид в Баку, где немедленно явился к Шаумяну.

Шаумян с радостью принял молодого большевика, позволил Джапаридзе: «Зайди, посмотри, кто у меня». Через минуту вошел Джапаридзе. «Датико! — воскликнул он. — И для тебя в Грузии не нашлось места!»

Шаумян и Джапаридзе расспросили подробно о восстании, потом предложили Давиду возглавить конный взвод специального назначения. Они объяснили парню, что в Азербайджане очень сложная обстановка, муссафатисты всеми сила-

ми разжигают национальную и религиозную рознь. Правительство коммуны организовало отряд, в который вошли особо проверенные партийцы, умеющие, как выразился Шаумян, не только стрелять, но и говорить.

Дело в том, что время от времени муссаватисты провоцировали столкновения между азербайджанцами и армянами, и порой дело доходило до кровавой резни. Едва становилось известно о такой «горячей точке», как по тревоге мчался конный взвод специального назначения. Бойцы врезались в накаленную страстями толпу. Их появление всегда действовало отрезвляюще — как-никак сила. Но конники, как вспоминает Ломадзе, никогда не пускали в действие оружие. Толпу не разгоняли, а старались стычку превратить в митинг, на котором объясняли, что азербайджанцы и армяне — братья, что братоубийство выгодно только буржуазии, рассказывали о международной обстановке, о борьбе, которую вела Советская Россия, большевики.

В каждый взвод входили коммунисты разных национальностей. В ломадзевском было два армянина, четыре азербайджанца и пять русских матросов с Каспийской флотилии. Так что говорить могли на всех языках «без акцента», как выразился Давид Владимирович.

Однажды во время такого митинга в Ломадзе разрядил свой револьвер какой-то фанатик. К счастью, пуля только царапнула Давида по лбу. Стрелявшего тут же схватили. Это был молодой, красивый, статный азербайджанец. Как выяснилось, он входил в особо воинственную мусульманскую секту, его забросили в Баку из Ирана. Парня допрашивал потом Джапаридзе. Говорил он с ним мягко, стараясь втолковать, как глубоко тот заблуждается. Но разве так сразу перевоспитаешь человека!

— Какой молодой и красивый, — сказал по-грузински Джапаридзе Давиду. — Жалко его расстреливать. Отведи в сторону персидской границы и отпусти. — И обращаясь уже к парню, по-русски сказал: «Иди».

— Что вы со мной сделаете? — спросил парень.

— Расстреляем, — отвечал Джапаридзе и снова по-грузински — Давиду: «Отпустишь с миром». Давид кивнул головой и вывел парня.

— Кто это? — спросил он Давида, когда они покинули кабинет.

— Джапаридзе.

— У, проклятый гюрджи! — воскликнул парень. — Он ненавидит нас, мусульман.

Давид усмехнулся, дотронулся до лба, на котором от пули вспух красный рубец, и парень сник, замолчал. Когда выбрались за город, Давид сказал: — Иди, ты свободен.

Парень не поверил. — Ты хочешь меня расстрелять? — спросил он.

— Если бы я хотел это сделать, не тащился бы сюда по жаре, — ответил Давид. — Иди, только не возвращайся больше в Баку, второй раз попадешься — обязательно расстреляем.

— А ты не боишься гюрджи? Он тебе не простит.

— Это гюрджи приказал тебя отпустить. Моя воля — прихлопнул бы тебя еще там, — и Давид снова потрогал рубец, который страшно разболелся от жары.

— Гюрджи приказал? — вскричал парень. — Вах, аллах!

«Через двадцать дней, — вспоминал Давид Владимирович, — я снова встретил этого парня в Баку. Только теперь — на нашей стороне. Он вернулся и заявил, что хочет служить Советской власти».

К сожалению, не все перевоспитывались таким образом. Большинство, пользуясь гуманностью комиссаров, продолжали бороться против коммуны всеми силами.

В ЕДИНОМ СОЮЗЕ

31 июля 1918 года Бакинская коммуна пала. Город заняли турецкие оккупанты. Руководители коммуны — 26 бакинских комиссаров, выданные контрреволюционерами англичанам, были злодейски расстреляны в Туркестане. Ломадзе негелегально возвратился в Грузию. Два с половиной года живет он в подполье. Большевики ведут разнузданную травлю коммунистов, всячески выступают против Советской России.

Большевики руководствуются программой, которую предельно сжато, но столь же предельно емко определил В. И. Ленин накануне первой мировой войны: «У нас на Кавказе с. д. грузины+армяне+татары+русские работали вместе в единой с. д. организации больше десяти лет. Это не фраза, а единственное решение национального вопроса. Единственное решение».

В духе этих ленинских традиций воспитывается, мужает закавказский комсомол. 22 сентября 1919 года Объединитель

ная конференция грузинских организаций молодых коммунистов «Спартак» и Бакинский Интернационалистический союз рабочей молодежи выносит решение: «Никакой отчужденности, никаких разделений! Быть общекавказской организацией Российского Коммунистического Союза Молодежи».

Гражданская война в России близится к концу. Один за другим терпят поражение все походы Антанты. Советская власть крепнет.

Осенью 1920 года Грузию посетила делегация II Интернационала во главе с его духовным отцом Карлом Каутским. Он называл Грузию «социал-демократическим раем», но, увидев собственными глазами сей «рай», с горечью признал: «Большевизм в Закавказье неизбежен».

Давид Ломадзе все это время работает членом кутаисского комитета партии. Часто бывает в Тифлисе. В один из таких приездов встречается с С. М. Кировым. Встреча происходила на конспиративной квартире. Сергей Миронович подробно интересуется работой кутаисской организации, особенно советует усилить пропагандистскую деятельность, увеличить выпуск нелегальной литературы: «Пока рабочие и крестьяне до мозга костей не проникнутся сознанием необходимости революции, браться за оружие бессмысленно». Он рекомендует собирать оружие, готовить ударные отряды, куда включать только самых преданных партийцев, готовых на любые муки, на смерть.

Окрыленный возвратился Давид в Кутаиси. Под руководством ЦК Компартии Грузии коммунисты развернули по всей республике активную подготовку к вооруженному восстанию. Повсеместно создаются революционные дружины, рабочие изучают военное дело. Большевики тщетно пытаются остановить ход событий. Им судорожно помогают англичане. Прокатывается волна репрессий. Но — «чаша терпения переполнилась».

Кутаисский комитет направляет Давида в Чиатура, где большевистская организация полностью обезглавлена. Ломадзе формирует боевой отряд, штаб восстания, в который вошли участники Сачхерского восстания братья Александр и Галактион Вашадзе, Якобашвили, принимавший участие в штурме Зимнего, Давид Лордкипанидзе, член партии с 1905 года, бывший редактор спартаковского журнала «III Интернационал». Самому же Давиду на этот раз принять участие в схватке не пришлось. Его арестовали за несколько дней до восстания, заключили в Зестафонскую тюрьму и вновь приго-

ворили к расстрелу. На глазах у арестованных коммунистов во дворе тюрьмы меньшевики расстреляли Лукьяна Табукашвили, героя гражданской войны, командира бронепоезда, кавалера ордена Красного Знамени. Давид ждет своей очереди...

Но судьба распорядилась иначе. В Тифлис вошли отряды XI армии и на следующий день все политзаключенные Зестафонской тюрьмы вышли на свободу. Ломадзе возвращается в Чиатура, где его избирают первым секретарем горкома партии. На повестке — новые вопросы, вопросы мирного строительства. Хозяйство было полностью разрушено, все иностранные специалисты покинули Грузию. Отступая, меньшевики взорвали мосты. Многие из меньшевиков затаились в подполье, собирали оружие. В одной из прокламаций они угрожали: «Англичане скоро придут на помощь, и нам надо быть наготове».

Отряд ЧОНа, в который вошли закаленные, преданные рабочие, ликвидировал несколько тайников оружия, навел железный порядок в уезде.

Сложно было со снабжением. Но на помощь пришла Советская Россия. С севера двигались эшелоны с продовольствием. Приехали русские инженеры, чтобы наладить работу рудников. Давиду, как впрочем и остальным бывшим подпольщикам, имевшим богатейший опыт революционной борьбы, остро не хватало опыта мирного хозяйственного руководства. ЦК Компартии Грузии решил послать в Москву на учебу нескольких первых секретарей горкомов и председателей ревкомов. Четырнадцать человек во главе с Орджоникидзе, Камо и Алешей Сванидзе отправились в путь из Тбилиси в начале октября 1921 года.

МИРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В Москве они с головой окунулись в учебу, с ними встречались многие видные партийные руководители. Мечтали побывать у Ленина, но Орджоникидзе сказал, что сейчас это невозможно — Ленин занят сверх всякой меры. И все-таки Давиду Владимировичу посчастливилось увидеть вождя.

29 октября утром он шел мимо Дома Союзов и обратил внимание на необычное оживление у входа.

— В чем дело? — спросил Ломадзе у одного из прохожих. «Ленин будет выступать», — ответил тот. Ломадзе решил пройти во что бы то ни стало. Он выждал минуту, когда к часовым подошло сразу несколько человек, примкнул к ним

и вместо пропуска сунул часовому свой мандат, где было написано: «Секретарь Чиатурского РК партии Ломадзе Давид Владимирович направляется в Москву. Просим государственные организации оказать содействие». Пока солдат разбирался, что к чему, сзади напирали: «Скорей, опаздываем», и Ломадзе «проскочил». Но перед дверью в зал стоял еще один часовой, обхитрить которого не удалось. Тут Давид Владимирович увидел Орджоникидзе, который и провел его в зал.

Владимир Ильич выступил с докладом о новой экономической политике. Он говорил о том, что на коммунистов как на правящую партию ложится главная ответственность за восстановление и развитие народного хозяйства. Особенно запомнились слова: мы руководим и должны руководить экономическим строительством.

Сколько споров было по этому поводу в Чиатура, сколько копий ломали. И вот Ленин дает четкую программу действий. Давид Владимирович думал, как, возвратившись, примется за дела, продумывал планы, но неожиданно все повернулось иначе. Вместо Чиатура ему пришлось ехать в Вену. Такой крутой перемене он был обязан всего одной строчке в партийной анкете, которую заполнил, приехав в Москву. В графе, где спрашивалось о знании языков, Ломадзе написал: «Владею грузинским, русским и немецким».

Откуда он, чиатурский паренек, мог знать немецкий язык? Да оттуда же, из Чиатура. После гибели отца Давид помогал по хозяйству немецкому инженеру Штайгеру. Способный к языкам, он быстро освоил разговорную немецкую речь. Думал ли он, таская воду или коля дрова, что его общение с семьей немецкого инженера станет спустя полтора десятилетия «путевкой» в Венский университет.

Давид Ломадзе поступил на факультет государственных наук, успешно окончил его, но назад в Грузию вернулся лишь через десять лет. Судьба снова вернула его к революционной работе на этот раз в Западной Европе. Он участвовал в Гамбургском восстании осенью 1923 года, сражался на баррикадах рядом с Тельманом, выполняя ответственные задания Коминтерна, был приговорен к смертной казни во Франции, но бежал из парижской тюрьмы. Рассказы обо всем этом Давида Владимировича — и о многом другом, о чем я надеюсь написать, ждут своего часа в моей записной книжке. Год назад его не стало. Но все, что он знал и пережил, принадлежит и нам тоже, потому что все это — наша история.

Владимир ХАРИТОНОВ

ПРАВСТВЕННАЯ СФЕРА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Основной проблематикой нашего искусства было и остается «нравственное обеспечение коммунизма» (А. Твардовский). «Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяется состоянием литературы и искусства»¹. В докладе М. С. Горбачева на январском Пленуме ЦК КПСС подчеркивался действенный характер этой проблемы: «Теперь уже не только из прошлого, но и из нынешнего опыта мы знаем, что без укрепления морального здоровья общества нам не удастся решить задачи перестройки»². Возрастание роли человеческого фактора и его последствия подталкивают искусство к тому, чтобы в нравственной сфере его предмета происходили переакцентировки и смещения, приводящие к выдвигению на первый план проблем совести, губительности нравственных компромиссов, необходимости сознательного нравственного самоопределения и совершенствования человека,

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, с. 90.

² «Правда». 1987. 28 января, с. 4.

согласованности жизни и моральных принципов, слова и дела.

Но все эти проблемы, включая особо значимую проблему личной ответственности, связаны с отношениями в системе «личность — общество» и получают социальную наполненность. Исследуя мир через человека, искусство видит в нем самом, в его ответственности или безответственности причину многих социальных явлений. Как утверждает Ч. Айтматов, «человек-труженик интересен и важен настолько, насколько он личность, насколько велика его духовная нагрузка, насколько сконцентрирована в нем гамма времени»¹.

В. Распутин и Г. Ццишвили, В. Абдрашитов и Л. Гогоберидзе, А. Гончаров и Р. Стуруа — все эти художники с особенной страстью исследовали и исследуют обновленную и развивающуюся систему нравственных ценностей человека. Художественное осмысление усложнившихся нравственных критериев и последствий их утраты было начато в нашем искусстве фильмами и рассказами В. Шукшина, повестями Ю. Трифонова и Н. Думбадзе, фильмами М. Хуциева и Р. Чхеидзе. Их произведения, удовлетворяя перспективную художественную потребность, предупреждали общество об опасности бездуховного существования, связывали воедино судьбы страны и отдельного человека.

События, последовавшие за XXVII съездом КПСС, еще более обострили проблему нравственного неблагополучия, поставили вопрос о необходимости нравственного обновления. Потеря нравственных ориентиров ощущается сейчас как социальная опасность, беда, с которой необходимо бороться.

И в этих условиях надо по-хозяйски осмотреть художественные кладовые, куда еще совсем недавно попадали те или иные произведения так называемой нравственной проблематики. Нужна своеобразная художественная инвентаризация, чтобы, как у рачительного хозяина, знать, что где лежит, и вовремя им воспользоваться, не тратя сил на изготовление уже имеющегося.

Продолжая аналогию с кладовой, можно утверждать, что каждому художнику и воспринимающему следует посмотреть, как ведет свое творческое хозяйство твой сосед по республике, по виду творческой деятельности. И в этом смысле неувядаемым представляется художественный опыт, накопленный в

¹ Айтматов Ч. Все касается всех. «Вопросы литературы». 1980, № 12, с. 8.

последние годы грузинским театром, кино и литературой. Опыт этот, безусловно обладающий национальной спецификой, внедрен в общесоюзные духовные накопления и существует в них на равных.

Все духовно-опредмеченное в нравственной сфере можно, хотя и условно, поделить на два направления. Одно ориентировано на исследование конкретных форм деятельности человека (труд, управление, семейные отношения) и связанных с нею процессов его внутренней жизни. Другое требует внимания к переосмыслению нравственных ценностей в процессе всей человеческой жизни в целом, вскрывает моральную суть всякого истинно человеческого бытия.

Художественные результаты первого направления — пьесы А. Гельмана, М. Шатрова, А. Чхаидзе, фильмы Г. Маляна «Мы и наши горы», Г. Шенгелая «Приди в долину винограда», Р. Оджагова «Допрос», романы Д. Гранина «Картина», А. Бека «Новое назначение». Эти столь разные произведения объединяются прежде всего авторским стремлением через анализ конкретной деятельности поставить и разрешить вопросы, важные для общества в целом.

Образами Шиндина и Девятова (роль которого убедительно играл замечательный актер Эроси Манджгаладзе) режиссер-дебютант Гия Антадзе в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся...» дал художественный вариант нравственных реакций человека, способных повлиять на ход реальных событий. Герои «Чинарского манифеста», по авторской характеристике А. Чхаидзе, — «возмутители спокойствия» и «ершистые чудачки»¹ — пытаются активно и конкретно решать социально-экономические проблемы.

Бадри Кобахидзе, поставивший пьесу А. Чхеидзе «С трех до шести», значительно обострил содержание спектакля, показав председателя исполкома Авалиани (Эдишер Магалашвили) сложным, живым, не лишенным внутренних противоречий человеком, берущим на себя ответственность перед временем и людьми. Именно это чувство — чувство ответственности человека, мыслящего широко и по-государственному, — стремятся воспитать в современнике художники, вводя в искусство многообразные столкновения с узко понимаемой пользой дела, без тех далеко идущих нравственных результатов, которые проявляются при этом. В сущности, в спектакле Мар-

¹ Дзюбинская О. «Главное — это поступок!» Беседа с Александром Чхаидзе. Театр. 1984, № 6, с. 72.

ка Захарова по пьесе Михаила Шатрова «Диктатура совести» перед нами конфликт между прагматизмом и подлинно человеческим отношением к жизни.

Георгий Шенгелая в фильме «Приди в долину винограда» просто и естественно изобразил обыкновенный и привычный труд людей. И нет в его кинорассказе ни придуманности, ни натужности; поражает полифония фильма, развитие темы в разнообразных вариантах. Режиссер разворачивает панораму ситуаций, преднамеренно ничего не соединяя сюжетной канвой: поток реальной жизни, не срежиссированной, снятой под документ. Сцены, кажущиеся поначалу разрозненными, сплетаются воедино благодаря тому, что каждый из персонажей связан со строительством оросительного канала.

Канал, прямой и стремительный, стрелой проходит через дворы и судьбы людей, и вместе с тем он явление обыденное. Да и труд по его созданию, как и всякая работа, связанная с землей, показан будничным и отнюдь не парадным, с конкретными деталями и определенно выраженными чувствами и эмоциями. Создав очень достоверную картину строительства оросительного канала в Алазанской долине, Г. Шенгелая сумел показать нравственное напряжение труда, обыденную и вместе с тем величественную работу по переустройству земли.

Изображая современного деятельного человека, искусство тревожно фиксирует в его действиях расхождение между словом и делом. Упрек, звучащий по адресу главного героя повести Н. Евдокимова «Пронсшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина»: «Думаете одно — делаете другое... почему у вас в жизни двойная бухгалтерия?» — относится не только к нему. С подобной бухгалтерией непримиримы секретарь райкома Георгий Торели («Твой сын, земля») и следователь прокуратуры Ермаков («Остановился поезд»); они борются с глубоко внедрившимися в сознание людей равнодушным отношением к жизни, личной безответственностью, стремлением делать вид, что все хорошо при наличии массы нерешенных проблем. Здесь связь между благими намерениями человека, его действиями и их результатом самая непосредственная. Это дает возможность художнику проследить и изобразить процесс нравственного формирования и становления личности.

Нравственную обеспеченность деятельности человека представляет герой ленты Отара Иоселиани «Листопад» Нико Нижарадзе. Режиссер открыл и воспроизвел редкостную в на-

шем искусстве слиянность нравственной и производственной сферы. Основная часть экранной жизни героя происходит на винодельческом заводе, но труд его показан в нерасторжимости технологических и нравственных процессов, в обоснованности первых вторыми. Иоселиани изображает конкретное предприятие и очень знакомую ситуацию выполнения плана любой ценой, даже выпуском некачественной продукции. Пришедший на производство молодой технолог Нижарадзе восстает против этого, ставшего уже традиционным, печального правила.

Привычный производственный конфликт, положенный в основу сценария, решается в фильме достоверно и точно, с профессиональным знанием всех тонкостей и специфических особенностей труда виноделов. Но режиссер этим не ограничивается, чем и отличается его работа от серой массы псевдопроизводственных фильмов, спектаклей и книг. Иоселиани выводит разрешение конфликта за пределы заводской территории, но не для того, как это, к сожалению, часто делается в нашем искусстве, чтобы «утеплить» образ главного героя.

И за проходной завода он остается тем же цельным и принципиальным человеком, противником соблюдения якобы «приличий» в делах, словах и даже одежде. Нико рос и воспитывался в традициях ответственного отношения к жизни. Его мать, бабушка, предки на фотографиях — это благородные и истинно интеллигентные люди, привыкшие за все отвечать сполна, честные и бескомпромиссные. Наследуя эти качества и естественно их проявляя, Нижарадзе противостоит тем, кто озабочен престижными интересами и собственным благополучием.

Отношение к последним Иоселиани не проявляет напрямую, по их адресу не звучат открытые, разоблачительные тирады. О своем неприятии автор говорит сдержанно, с мудрой печалью, горестно констатируя разницу между трудом, которым создавались вечные храмы и возделывался виноград, и сегодняшней скороспелой деятельностью, результаты которой, как листья, обречены на листопад и исчезновение. Скрытый гнев художника, непримиримость гражданина становятся зримыми при показе этой «листопадной» болезни — безнравственного отношения к делу. Пределы распространения подобной социально-нравственной скверны режиссер еще более расширяет, включая в звукоряд фильма радиопередачи о выполнении и перевыполнении плана в различных производственных сферах и республиках.

4619359
81924110933

Сегодняшнее искусство стремится художественно освоить систему новых нравственных ценностей человека, не ограничиваясь изображением его только как деятеля, значимость которого определялась бы лишь характером его труда и непосредственной пользой от выполненной работы, ибо, по замечанию Т. Чиладзе, «литература и искусство занимаются не профессиями своих героев, а качеством и уровнем их человечности»¹. Потребностью воспроизвести и проанализировать нравственные ценности человека и его самого во всей сложности и обусловлен второй путь изображения человека и его дела.

Для искусства связь человека и его деятельности в этом аспекте также существенна и реальна, хотя и более опосредована. Роман Э. Кипиани «Красные облака», пьеса А. Вампилова «Утиная охота», фильмы В. Абдрашитова «Плюмбум, или Опасная игра», О. Иоселиани «Жил певчий дрозд» и подобные им произведения удовлетворяют возросший интерес читателя и зрителя к нравственным проблемам человеческого бытия.

Одни лишь сутки из жизни Гиы Агладзе показывает нам Отар Иоселиани в фильме «Жил певчий дрозд», но наполнены они самыми различными добрыми делами. Повышенный альтруизм героя — вынужденное средство компенсировать излишнюю целеустремленность и эгоизм деловых (для себя) людей, которые иногда используют Гию в своих целях.

И хотя герой Иоселиани совершает добрые дела естественно и бескорыстно, как поет свою песню дрозд, но печально то, что это мешает ему писать музыку. Соло для флейты из баховских «Страстей по Матфею», рефреном звучащее в фильме, напоминает о нереализованных возможностях, тревожит зрителя и создает в финале особую трагичность, поскольку погиб буквально и фигурально «у всех на глазах» человек несомненно талантливый.

Но на экранах кинотеатров и кино клубов оживают герои Иоселиани и живут вместе с нами. Не ушли они в прошлое потому, что там, в прошлом, они были из будущего, так как наделил их режиссер мыслями и делами в том числе и сегодняшними. Современные понятия о том, что хорошо и плохо в душе человеческой, проверяют героини фильмов Ланы Гогоберидзе «Несколько интервью по личным вопросам» и «День

¹ Чиладзе Т. Поэзия драмы. «Современная драматургия». 1984. № 4, с. 242.

длиннее ночи». В неизведанные бездны нравственных падений и прозрений бросает нас неистовый Теймураз Баблуани в фильме «Перелет воробьев».

Социально-нравственная ущербность, о которой тревожно сигнализировали О. Иоселиани, Ю. Трифонов, В. Шукшин в конце 60-х годов, приобрела к середине 80-х размеры нравственного неблагополучия, некоего духовного вакуума.

Подтверждением этого стали «Плаха» Чингиза Айтматова, «Пожар» Валентина Распутина, авторы которых показали социальные последствия утраты жизненно важных нравственных ориентиров. В описанных ими реалиях лишь отдельные люди сохранили совестливое отношение к жизни. Они и служат друг другу поддержкой, но, скорее, лишь духовной, ибо в реальной жизни их действия разрозненны и несовместны. Айтматов и Распутин воспроизвели ситуацию, при которой люди с корыстными устремлениями объединены и консолидированы общей целью, а люди добрые — в силу разноликости добра — существуют и действуют в угнетающем их слабом одиночестве.

Последние публикации воспоминаний маршала Г. К. Жукова, «Новое назначение» Александра Бека, «Белый конь» Арчила Сулакаури, «Одолой алчность свою» Георгия Цицишвили убедительно и многообразно показали, как часто в прошлом судьба страны, народа зависела от нравственной стойкости или гибкости того или иного человека, особенно облеченного большой властью.

Яростное нравственное противостояние-столкновение воссоздает Роберт Стура в спектакле «Роль для начинающей актрисы» по пьесе Тамаза Чиладзе. Главная героиня «театрального романа» Стура — молодая начинающая актриса Ано (Тамар Долидзе). Она добрый и открытый человек, в ней, как говорит по ходу действия Зурико, «есть... естественная свобода... и она чувствуется в движениях, в смехе». Ее квартиру подруги называют «островом свободы».

Ано живет хоть и не очень материально устроенной, но зато полнокровной духовной жизнью. Она самозабвенно предана своему театральному делу, готова к самоотверженному служению людям. «Хорошо, когда ты нужна кому-то, — говорит Ано. — Как хорошо, когда знаешь, что кто-то о тебе думает, кто-то о тебе помнит... как устроен мир: если ты знаешь наизусть хотя бы одно стихотворение, непременно, непременно, непременно кому-нибудь, когда-нибудь понадобишься».

И вот этому искреннему и отзывчивому человеку авторы

спектакля открывают неожиданно, рядом экстремальных ситуаций и встреч, обратную сторону жизни: мир людей, прикрывающихся высокими принципами, но фальшивых и лицемерных, превыше всего ценящих свое спокойствие и благополучие.

Во что может вылиться господство аморальных принципов, показывает Роберт Стуруа в спектаклях «Ричард III» и «Похороны в Калифорнии». В этих работах, наполненных тонким психологическим анализом и разоблачительным пафосом, режиссер представляет лживое и ущербное общество, в котором вакханалия зла и насилия, прикрываемая демагогическими фразами о всеобщем благе, стала естественной нормой человеческого существования.

Ричард III в исполнении Рамаза Чхиквадзе — это человек блестящего ума и не лишенный своеобразного обаяния, но все его помыслы и поступки направлены к достижению власти. А для этого хороши любые средства: обман, предательство, уничтожение людей. «В «Ричарде III» Р. Стуруа атакует и разоблачает... опасную возможность соединения внутреннего порока (честолюбие, властолюбие, жестокость, маккиавелизм, склонность к деспотизму) с извращенными общественными отношениями»¹.

Стуруа трансформирует шекспировскую трагедию таким образом, что каждый из ее персонажей оказывается подобным Ричарду. Тем самым усиливается непреложность обобщающего приговора над людьми, утратившими нравственные идеалы. Ричард добивается королевской короны, но, наказанный судом совести, мучается и мечется затравленным хищником среди призраков убитых им людей.

Своеобразным театральным продолжением «Ричарда III» являются «Похороны в Калифорнии» по пьесе Рустама Ибрагимбекова. В образе Хозяина (Гурам Сагарадзе) на сцену выведен человек, уже прошедший путь к власти, предавший на деле идеалы прошлого, лицемерно пользующийся ими для прикрытия своих неблагоприятных дел. Но его власть недолговечна, ибо она антиморальна по своей сути и порождает еще более расчетливых и циничных хозяев.

Глубокий художественный анализ духовной жизни человека дает возможность исследовать преобразования, происходящие в нравственном облике человека под влиянием иных

¹ Г. Орджоникидзе. Прочтение Шекспира. «Литературная Грузия». 1984. № 1, стр. 196.

жизненных реалий, возникновения ложных и истинных нравственных ценностей. Данные процессы в условной и вместе с тем обобщенной форме наглядно и убедительно демонстрирует фильм «Солярис» Андрея Тарковского, действие которого хотя и разворачивается в далеком будущем, но весь он обращен к современникам, говорит о земном, помогает через призму грядущего осветить и понять нравственную сторону человеческой жизни.

Фантастическая ситуация лемовского романа в фильме переосмыслена, можно сказать, по-земному, как бы исходя из есенинской строки «большое видится на расстоянье». Кадр за кадром, с замедлениями и повторами разворачивается перед нами картина нравственного прозрения Криса Кельвина (Д. Банионис), показывается процесс познания им души Хари (Н. Бондарчук). Встав на защиту таких человеческих ценностей, как любовь, память, совесть, Кельвин вступает в открытый конфликт с Сарториусом (А. Солоницын), фанатиком от науки, проповедующим жестокие методы исследования, и Снаутом (Ю. Ярвет), человеком, потерявшим веру во все, ставшим равнодушным пособником Сарториуса. Образом Кельвина утверждается в картине мысль, что большую совесть стереть невозможно, прошлого забывать нельзя, иначе повторяются трагедии и беды. Убедительный пример тому — Хари — больная и неотступная совесть самого Криса. «Очеловечиванию» Хари способствуют и непреходящие ценности искусства, созданного на Земле человеком, — картины Питера Брейгеля, «Троица» Андрея Рублева, «Дон Кихот» Сервантеса. В конечном итоге Крису удастся установить контакт с Океаном планеты Солярис.

Таким образом, в финале фильма провозглашается человеческий, высоконравственный подход к решению научных и моральных проблем. Картина задает зрителя не перестройкой научных методов, а изменением внутреннего мира человека. Только ученый с чистой совестью, остающийся человеком даже в самых нечеловеческих условиях, будет способен к плодотворной научной деятельности на благо человека, потому что, как сказал Владимир Арро, «...чем сложнее человек организован, тем больше в нем душевной тонкости, интеллигентности, тем вернее его отношения и с техникой, и с природой, и с идеями, и с людьми»¹.

¹ Арро Владимир. «Гражданственность от сих до сих?» «Литературная газета», 1987. 7 января.

Нравственный аспект постоянно встречается и при освещении исторических событий. В центре внимания В. М. Г. (В. М. Г.) тыля («Звезда пленительного счастья») становится нравственный подвиг жен декабристов. В. Токарев в фильме «Нас венчали не в церкви» изображает народовольческое движение со стороны сугубо частной, интимной. Индивидуальную и бытовую вариацию на тему войны представляет картина А. Германа «Двадцать дней без войны». Нравственную обеспеченность патриотизма (через внутреннее перерождение, отказ от самого себя) показывает «Легенда о Сурамской крепости» Д. Абашидзе и С. Параджанова. Нравственный суд над нашим не столь далеким прошлым беспощадно вершит Т. Абуладзе в притчеобразной и вместе с тем предельно конкретной картине «Покаяние».

Нравственный аспект в искусстве оказывается всеохватывающим, потому что, сосредоточиваясь на самом человеке, нельзя не подвергать его действия или движения души нравственной оценке. Здесь могут быть разные художественные варианты нравственного обоснования человека, ибо сам он предельно многосторонен. Делая эту многосторонность главным предметом художественного анализа, современное искусство проверяет нравственные нормы, аксиомы, идеалы, сталкивает их с действительностью. Но место этого столкновения — душа человеческая, с ее индивидуальными и неповторимыми свойствами. И потому так многообразны художественные результаты нравственных испытаний: сумятица и гармония, печаль и восторг, смех и слезы. А материал и повод для своих творческих экспериментов художники находят повсюду — от самых заурядных подробностей нашего быта до хроник шекспировских времен.

Обобщая результаты анализа изменений в нравственной сфере, можно утверждать, что эти изменения содержательно обогатили художественный процесс, повлекли за собой приращение социально-нравственной проблематики в литературе, театре и кино, позволили по-новому показать и внешнюю, и внутреннюю сферы жизни человека.

БИОГРАФИЯ ЧУВСТВ

„ОНИ — напоминали...»
Как-то в один непривычно знойный для Москвы июньский день, вырвавшись из круговерти дел и каждодневной суеты, я пересекла отчаянно раскаленное голое пространство от метро до усадьбы и окунулась в благостную звенящую тишину Коломенского. Возле церкви стояли женщины — впрочем, это были обыкновенные русские бабушки в простых аккуратных платочках и ослепительно белых носках. Не старушки поразили меня до боли, а то, что, глядя на их светлые лики, я вдруг остро ощутила причастность к вечности. Я стояла чуть ли не в самом центре огромного современного города и удивлялась тому, что тут, совсем рядом с быстротекущим временем, которого всегда не хватает, застыла, замерла, будто замороженная, Вечность, таинственно соединяющая прошлое с будущим неразрывными узлами единства, — тайна необъяснимая, овладевающая нами, когда мы входим в первозданный лес, древний храм или берем в руки прекрасную книгу. В гулком прохладном спокойствии храма мы получаем

минутное отдохновение от роя обязательств и спешки, в лесу приобретаем к таинству жизни природы, ощущая его заложенной в генах памятью, а книга дорога тем, что дает исход нашим мыслям и печалям.

Именно таков и именно об этом «Грузинский альбом» Андрея Битова. В этой книге сошлись воедино: прошлое как ощущение писателя и настоящее как чувство и понимание жизни. Битов видит не просто образами, он видит образы во времени, иногда — в вечности. Так, как увидел храм в «Воспоминании об Агарцине» — глубину и ассоциативность мысли в простом, чуть ли не обычном, как увидел Грузию — с тесными, пыльными и бесконечно любимыми улочками старого Тбилиси и его людьми — поэтами, режиссерами... Но пишет обо всем этом не Битов — путешественник или этнограф, а Битов — биограф своих чувств и представлений, наш современник. Напрасно искать в книге какиз-то конкретные описания. Нет в ней подробного описания внешнего облика Светицховели или портрета кинорежиссера Отара Иоселиани. Главное в рассказах — то душевное состояние, в каком увиделось и пережилось увиденное. Герои Битова, такие разные, едины в чувствованием в них самого писателя, так же, как и животный, и вещный мир, нашедший отражение в книге.

«Я не хочу сказать ничего плохого о нашем времени, но что-то, по-видимому, случилось с ним самим в

наше время». Это и занимает писателя больше всего — и в безлюдном музее Чехова в Москве, и на старых, разрушаемых временем улочках Тбилиси, и в фешенебельно-неудобном купе международного вагона. В Грузии он пишет о Москве, на зоостанции думает о судьбах человечества — и в этом нет ничего странного. И хотя в его книге не встречается слово «гражданственность» — в ней нет «громких» слов, — проза его именно такой и ощущается — гражданственной.

Ничто не становится для него предметом пустого, приятно расцвеченного описательства — все есть предлог для очень серьезного, бескомпромиссного разговора о наболевшем. Даже фантастически разросшееся повествование о чемодане — не что иное, как рассуждение о судьбе родины, о времени, сменяющем старое на новое, но оставляющем неизменными нравственные основы, выработанные людьми.

Битов начинает книгу со слова «норма». И понимается она как высшее счастье, как гармония. Скидок быть не может. Норма духовности остается неизменной всегда: «Не следует путать соображения с мыслью, просвещенность с образованием, опытность с опытом, мастерство с умелостью, творчество с работой, причины со следствием, природу с Богом, Бога с нравственностью, нравственность с принципами, принципы с правилами, правила со способами, способы со средствами, средства с

целью, ибо нравственность — и есть цель... Да поможет нам Бог освободиться лишь от того, от чего следует освободиться!»

Все вымышленные персонажи Битова выдерживают проверку на «нормальность» — Мужик, Отец, Иоселиани, Доктор, Автор, хотя рядом с ними на страницах книги — Моцарт, Руставели, Пушкин, Чавчавадзе, Чехов. Что же объединяет их? Писатель отвечает лаконично: «Битва». Самое страшное в наше время — это ее отсутствие: «Вечное упреждение со скалкой, раздевалка и душ — и ни одного боя». А ведь «поэзия» — «это что приходится каждый раз снова доказывать как возможность, как право, отстаивать, отвоевывать как родину». Для Битова поэзия — не только рифмованные строчки, как и литература — не кипы исписанных страниц, а отношение к жизни: «Я хотел начать как бы с самой жизни и в ней выявить природный сюжет, ниточку, чтобы потом перейти к литературе как некоему частному ее (жизни) подобию...» Литература, поэзия — способ восприятия жизни, угол зрения, предполагающий честность и прямоту. И не только мыслей и чувств, но и самого их выражения. Битову важно показать увиденное так, чтобы читатель не почувствовал преграды между своими и авторскими чувствами: «...обнаружение... стиля, его неизбежность повергают меня... в удручение и уныние...» Слово в его книге — живительный родник, изумляющий своей первородностью. Дополняющий

своим журчанием гармонию природы, он звучит такой неземной музыкой, что опьяненный путник в трепетном восторге восхищения с затаенным ожиданием нового наслаждения вновь и вновь припадает к нему, постигая холодное очищение его первозданности.

Первый рассказ книги — о храме, о древнем. И как исход из глубин — перво-смысл слова, его святая нагота. Проза Битова не подвержена модным ухищрениям, вся странность его стиля — в поисках первождства смысла. Истинность, нерастраченность первожданной гармонии — его идеал во всем: и в слове, и в мысли, и в чувстве, и в поисках смысла жизни. Не случайно книга называется «альбомом». Это не прямо пахнущие пылью страницы прошлого, не ностальгия по ушедшему, а возвращение нас, сегодняшних, к нашим истокам, к вечным ценностям бытия. Даже те страницы, которые полностью посвящены описанию того, что было, «напоминают» о сущем, будят ассоциативную память. Как сам писатель находит созвучное в Светицховели, так каждый найдет в его прозе «узнавание... своей жизни...»

Для читателя переход происходит незаметно — в каждом рассказе есть драматургический узел: если не конфликт, то кульминация — сакраментальное и неожиданное для самого автора «вдруг», когда бытовое описание перевоплощается в «прямое вдохнове-

ние», в вольное философское рассуждение.

Так происходит в лучшей повести Битова «Вопрос Иванова», в рассказе «Последний медведь», во всем цикле, посвященном Грузии, которую он увидел и описал, как никто раньше, такова вся книга «Грузинский альбом», представляющая собой сборник произведений разных лет. Манера письма Битова кинематографична — только стык, монтаж изображаемого дают желаемое ощущение и понимание. Поэтому нет противоречия в стиле книги, когда рядом с элегичной поэтичностью появляется не злая, а какая-то строгая ирония, когда в его рассказы, насыщенные густой светотенью тайны, врываются рассуждения о птицах, врываются и становятся главными, постепенно переходя в мысли о людях и необходимости понимать друг друга, — «Птицы, или Новые сведения о человеке».

Проза Андрея Битова удивительна. И не поддается никаким определениям. Ч. Амиреджоби назвал ее «материализованной деятельной мыслью». А мне хотелось бы сказать о ней словами В. Высоцкого, во многом сродни Битову ощущавшего мир:

...Надо только поднять
верхний пласт, —
И дымящейся кровью
из горла
Чувства вечные
хлынут на нас.

Анна ФАЛИЛЕЕВА

„НА СИНЕМ ПОРОГЕ“

В литературно - критических высказываниях стиховедов тезис о непереводемости поэзии, о тщете попыток создать на ином языке достоверный эквивалент первоисточника давно стал расхожим. Скорее всего, так оно и есть.

И когда великолепный мастер перевода Александр Межиров, изверившийся в возможности получить в ином родном слове зеркальное отражение поэтического творенья, сказал, что поэзия «вовсе непереводаима, родному языку верна», я прислушиваюсь к этой максиме с доверием. (Хотя тут же невольно вспоминаю реакцию Ираклия Виссарионовича Абашидзе — был ей живым свидетелем. Поэт - академик заметил: «Межировское перевоплощение моего «Голоса в Крестном монастыре» просто поразительно — ему удалось создать превосходный перевод...»).

К чему я речь клоню? Да к тому, конечно, что у грузинской поэзии, испокон веку не обделенной подвижническим рвением отважных русских поэтов переводить на родной язык ее жемчужины, все-таки всегда были влюбленные в слово «младые военнопленные».

Перед нами — новорожденная книжечка «На синем пороге», недавно сошедшая с печатных станков издательства «Мерани» — переводы стихотворений

очень именитых и очень разных грузинских поэтов Грузии Шатберашвили, Мориса Поцхишвили, Алеко Шенгелиа, Силована Нариманидзе, Отара Мампория, Гиви Дзенадзе, Шалвы Амисулашвили, Ладосулберидзе, Отара Чиладзе и Джансуга Чарквиани — перечисляю их в том порядке, в каком они представлены в сборнике. Выполнила эту примечательную работу с почтительным усердием, немалым вкусом и завидным искусством проникновения в грузинскую суть московская поэтесса Наталья Орлова. Она представила на суд читателя и собственные стихи, о которых тоже стоит замолвить доброе слово.

Но вначале — о переводах. Все они на удивление слажены, музыкальны и в новом обличье сохраняют национальную достоверность. Корневая самобытность, образный строй, способ мышления и красочная палитра буквально каждого стихотворения этого сборника — неподдельно грузинские. Их интонационность, мелодика, взгляд на окружающую действительность и внутренние самооценки — все суть нашей прекрасной земли. Читатель воочию видит тот случай, когда одаренность поэта - переводчика, его умение уловить в добротном подстрочнике все богатство запечатленной мысли, безошибочно почувствовать и передать ее тончайшие переливы позволяют верно осуществить лепку стихотворения, переносимого уже в иную языковую стихию.

Прекрасно перевела Н. Орлова филигранность мысли Георгия Шатберашвили в его философски глубоком стихотворении «Соль стиха». Тут и пластика строф, и биение мысли, и спектр использованных красок выявляются с силой, делающей честь молодой поэтессе:

Бык мычал непрерывно —
и засохший суглинок
Он лизал, не жалея
старанья,
И ревели бараны, и
желали крупинок
Соли — мягкие губы
бараньи...
Матерям нашим соли
так в груди не хватало,
Малым детям и юношам
взрослым,
Нашим девушкам
нежным все ж ее было
мало
И тяжелым мужчинам —
не вдосталь...
И ее не хватало ни
слезам наших женщин,
Ни — в золе пропеченным
хмиади,
Будто в мире ее
становилось все меньше.
В Агзевани ушел я,
не глядя...

Вот так живописно и лапидарно переводит поэтесса на свой родной язык яркую авторскую мысль...

Тонка, изящна подборка поэтических миниатюр Морриса Поцхишвили: здесь на малом пространстве стихотворений самобытно и отточенно выражаются поистине большие чувства и мысли, особенно в глубоком и мудром «Зедазенском солнце».

Наталью Орлову по явному складу ее мироощущения привлекают «сложносочиненные» стихи, глубокое со-

держание которых подчас отнюдь не лежит на поверхности, а тонко зашифровано, как бы размыто. И, прорубаясь к их затаенности, переводчица дает нам возможность прочитать порусски и «Однажды» Силвана Нариманидзе, и его же «Я похож на дом», «На дороге, ведущей вверх». Задушевно и патриотично звучат строки поэта в «Ты опять поднимешься». Тут каждое слово найдено очень точно, с безошибочностью заняв свое место в «строочечной шеренге». Посудите сами:

Даже камень твой —
мое сокровище,
Ты — молитва моя,
лира вечная,
Ты — в веках стоишь,
не сторонисься,
Моя Танзия, мхом
увенчанная!..
Не спеши сказать —
миновал, погас
Тот и этот день, тот и
этот свет,
Эта память в нас —
тяжела подчас,
Но без прошлого нам
и жизни нет!

Вполне справилась поэтесса с таким непростым делом, как перевод «Дарьяльского орла» Шалвы Амисулашвили — волнующего реквиема памяти Ал. Казбег. Вот фрагмент из этого пронзительного стихотворения, говорящий о его поэтической верности грузинскому оригиналу:

Стон Арагви потрясенной
ветерок доносит,
Горгасал врата гробницы
кулаком разносит,
Вышел Ках тебе навстречу,
люд посторонился,

И не ты ль его печали
глубиной пленился?!
И не ты ль навек
прославил Грузин
границы?!

Так раздвинь туман
тяжелый, подыми ресницы!
Вышли жители долины,
встреть их, как умеешь,
Погоди, к вратам
Дарьяла ты еще
успеешь...

Удался Н. Орловой и перевод философской миниатюры Джансуга Чарквиани «Фасад мироздания».

Ну, а были ли все-таки просчеты и помарки в переводческой работе поэтессы, трудившейся столь увлеченно и результативно? Думается, все-таки были. Возникли элементы некоторой смысловой сумбурности при окончательной отделке поэтического текста миниатюры Мориса Пощишвили «Нравишься очень!». У Георгия Шатберашвили в «Мне захотелось петь» по-

этесса использует (рифмы ради?) «запретное» слово в строчке «улицы стихли и окна потушены» — вспомним категорическое и такое резонное соображение М. Горького об этом глаголе в подобном смысловом контексте. У Силована Нариманидзе Н. Орлова помещает такую поспешно найденную рифму: «Не звонит всевышний в колокола, спит лихо». Согласитесь, тут налицо потеря чистоты смысла...

Стоило бы, конечно, подробнее сказать и о собственных стихах Натальи Орловой — они вполне того заслуживают, свидетельствуя о ярких возможностях молодой поэтессы. То, без преувеличения, — настоящая поэзия. Но задача нашей маленькой рецензии сказать о ее переводческой работе, о том, что у влюбленных ревнителей грузинской поэзии появился еще один достойный сотоварищ.

Владимир ВАХТАНГДЗЕ

1948 г. 127-130

1949 г.

1950 г.

1951 г.

Людмила РОССОХА

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ...

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ И ЕГО МИРГОРОДСКОЕ
ОКРУЖЕНИЕ

В ПОСВЯЩЕННЫХ Давиду Гурамишвили работах биографического характера серьезным пробелом всегда оставался период его жизни на Украине. В 30-х годах украинский литературовед Д. М. Косарик обнаружил ряд новых документов о жизни автора «Давитиани» в Миргороде¹. К сожалению, на этом, по сути, исследования по данному вопросу и прекратились. Но потребность в конкретизации некоторых фактов жизни поэта, в выяснении «белых пятен» его биографии все возрастала.

¹ Д. М. Косарик. Братні зорі. Київ, Радянський письменник, 1948, с. 127—139.

Д. Косарик. Давид Гурамишвили на Україні. Тбілісі, Сабчота мцэралі, 1949.

Д. М. Косарик. Співець братнього єднання. Київ, Держлітвидав, 1955.

Задача данной статьи — осветить в основном на материале украинских архивов некоторые стороны жизни Д. Гурамишвили в Миргороде во второй половине XVIII века.

I.

Образование грузинских поселений на Украине относится к началу 40-х годов XVIII века. По императорскому указу 1738 года воины грузинской гусарской роты получили небольшие земельные наделы на территории четырех полков левобережной Украины: Полтавского, Миргородского, Лубенского и Прилукского.

Одно из самых значительных в количественном отношении поселений было в Миргороде. Кроме Давида Гурамишвили, получившего 20 дворов в самом городе и 10 в близлежащем селе Зубовка, в Миргороде первоначально обосновались в своих имениях еще семеро грузин: князь Заал Херхеулидзе и дворяне Давид Чхаридзе (по некоторым документам — Харидзе, Хоридзе), Папуна Бежанов, Яков Одишилидзе (Адешелидзе), Николай Хачапуридзе, Аврам Кобиев, Кацура Инасаридзе². С ними были их семьи и слуги.

Сначала этим князьям и дворянам было пожаловано в Миргороде 100 подданных дворов. Но со временем в город стали прибывать все новые и новые грузины-эмигранты. К концу XVIII века число грузинских поселенцев увеличилось тут в несколько раз. Они переселялись сюда из соседних местечек и сел Устивица, Ярьски, Барановка, Остапье. Земельные пожалования имели здесь также новые грузинские семьи, прибывавшие во второй половине XVIII столетия. Стекались на миргородскую землю и грузины, бежавшие из турецкого плена.

Концентрации грузинских семей в Миргороде способствовало то положение, которое город занимал среди других населенных пунктов левобережной Украины середины — второй половины XVIII века. Будучи административным центром Миргородского полка, а затем — уезда, «город Мир», как называли его тогда, играл важную роль в политической и экономической жизни Украины. В 30-х годах того же столетия

² М. М. Плохинский. Иноземцы в старой Малороссии. Ч. I. Греки, цыгане, грузины. М., 1905, с. 222. (В подстрочных примечаниях); См. также: Центральный Государственный Архив УССР в Киеве (далее — ЦГИА УССР), ф. 54, оп. I, д. 1682, л. 8.

миргородский полковник Данило Апостол стал гетманом левобережной Украины. Это еще более укрепило политико-административный статус Миргорода.

Миргородские казаки принимали участие в русско-турецкой войне 1735—1739 годов и в Семилетней войне 1756—1763 годов. Жители Миргорода занимались производством пороха и селитры, многочисленными ремеслами: гончарством, кожевничеством, ткачеством, сапожничеством, бондарством, плотничеством. Местные купцы вели торговлю с Данцигом, Лейпцигом, Берлином.

Страшные засухи и голод 1778 и 1786—1787 годов, усиливавшийся крепостной гнет, возраставшее бесправие вызывали у крестьян гнев и возмущение, вылившиеся в 80-х годах в большие крестьянские восстания на Полтавщине, в том числе в селах Турбаи и Белоцерковка Миргородского полка.

Богатыми землевладельцами на Миргородщине были представители казацкой полковой старшины Остроградские, Забилы, Апостолы, Ломиковские и другие. Пользуясь своей властью и влиянием, они стремились к всемерному обогащению, за бесценок скупали земли обедневших крестьян и разорившихся помещиков. В середине 40-х годов XVIII века братья Федор, Василий и Иван Остроградские производили массовую скупку земель в Миргородском полку³. Причем часто жители «продажу чинили не добровольную, но от страха, ибо Остроградский страдал их отдачею грузинцам, отчего они и принуждены были тую продажу чинить...»⁴.

В первые годы поселения грузин на Украине возникали многочисленные трудности, связанные с выделенными им неплодородными землями, бедными угодиями, крайне обнищавшими крестьянами. Об этом свидетельствуют многие документы, в том числе прошения грузин о замене крестьянских дворов и земель другими⁵.

В 1750 году грузинские князья и дворяне Амилахвари, Кобулашвили (Хвабулов), Мухелов, Баратов, Эристави, Челаков, Ниниев и другие подписали «доношение» на имя гетмана К. Г. Розумовского о переселении их с Украины в Рос-

³ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. I, д. 411, лл. 216—228, 259—272

⁴ Литвиненко М. А. Джерела історії України XVIII ст. — Харків, 1970, с. 64.

⁵ ЦГИА УССР, ф. 55, оп. 2, д. 513; ф. 269, оп. I, д. 1105, 4246; ф. 1632, оп. I, д. д. 65, 116, 121, 142, 156, 224; ф. 64, оп. I, д. 153 и другие.

сию, в котором просили вывести их из Малороссии и вместо тамошних владений приискать для них деревни и земли в Великороссии⁶, мотивируя свою просьбу «крайнею нуждою» и тем, что «почти из одного жалованья себя исправными к службе и фамилии свои довольствоваться принуждены»⁷.

Грузинское население Миргородщины в XVIII веке, как и украинское, не отличалось социальной однородностью. Среди грузин были и знатные князья, и богатые дворяне, и малоземельные помещики, и разорившиеся офицеры, и духовенство, и мещане, крестьяне, крепостные слуги. О классовом неравенстве в среде грузинских эмигрантов можно судить по такому факту. В канцелярии Киевского наместнического правления рассматривалось «Дело по рапорту Миргородского городского магистрата о причислении в тамошнее мещанство грузинской нации человека Гордея Давидошвилова с двумя его сыновьями...»⁸.

Гордей Давидошвилон (в Миргороде он носил прозвище Гуржий) — родом из села Цхнети. Одиннадцатилетним мальчиком он был взят в плен «неприятельской ордой», дважды убежал, более семи лет жил в Запорожской Сечи. В 1768 году пришел в Малороссию, женился в Миргороде на казацкой дочери Марии Гоцуливне. Ранее поселившийся в городе капитан Георгий Игнатъев (Эгнаташвили) позволил ему построить на своей земле избу. Но после смерти Г. Игнатъева его сын Осип во время ревизии 1782 года записал Давидошвилова в число своих подданных и стал угнетать его как крепостного.

Уже в 50—60-х годах XVIII века, кроме перечисленных выше грузин, в Миргороде жили Ратиевы и Пхеидзе. В 70-х — 80-х — находим сведения о Микеладзе, Шенгелидзе, Грековых, Эгнаташвили, Каховых, Кафаровых, Коргановых, Чиковидзе, Шинаевых, Отаровых, Сагинадзе и других. Имеются упоминания о проживании в 1781 году «в городе Миргороде грузинских... князей Давида Туманова, Петра Чилакаева, Мервела Туманова и Ивана Баратаева»⁹.

Грузинские дворы находились в старых районах Миргорода — на Харкивке, Пожеже¹⁰, в урочище Лесок. До середины

⁶ ЦГИА УССР, ф. 269, оп. 1, д. 15, л. 2 об.

⁷ Там же, л. 3.

⁸ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 2931, л. 1—169 об.

⁹ ЦГИА УССР, ф. 102, оп. 3, д. 2, л. 243 об.

¹⁰ В переводе с украинского. Пожеже означает «пожар»: Миргород неоднократно, в том числе и в XVIII веке горел.

XIX века в городе сохранялось название урочища Ратиевщина (от фамилии Ратишвили). Очень богатых грузин здесь не было. Владели они преимущественно небольшими хозяйствами. К примеру, у капитана Г. С. Игнатьева имелся «двор с построенными в четырех покоях жилым домом, тремя людскими избами, коморою (кладовая — Л. Р.), сараем, конюшнею, огородом и садом»¹¹.

Основным родом занятий грузин была военная служба. После расформирования Грузинского гусарского полка они служили в разных гусарских, уланских, гренадерских и иных полках, значительная часть которых во второй половине XVIII века сосредоточивалась на пограничных укрепленных линиях юга Украины. По выходе в отставку занимались разной деятельностью по своему усмотрению. Грузинские офицеры-отставники чаще всего занимали управленческие должности среднего звена. Так, Г. Игнатьев в 1781 году служил земским комиссаром Царичанского уезда; Д. Ю. Ратиев был уездным судьей Миргородского уездного суда, И. Табатадзе — городничим города Лубны.

У большинства грузин на Украине имелись сады и виноградники. Некоторые были владельцами небольших гостиниц. Поручик Симон Херхеулидзе в 60-х годах XVIII столетия построил в Миргороде «приезжий двор в двух хатах... с небольшим садком и частью винограда»¹². В редких случаях содержали «шинковые дома» (питейные заведения), занимались «торговым промыслом как налитками, так и протчим»¹³, ездили в Крым для закупки вин¹⁴. Пхеидзе, Ратиев, Игнатьев и другие были владельцами водяных и ветряных мельниц, расположенных «на реке Хорол вскрай города Миргорода» и «на выгонной каждого земле от города в четверть версты»¹⁵.

Более богатые держали многочисленную прислугу, собственных крепостных мастеров. Житель местечка Яреськи ротмистр Давид Пхеидзе направил в село Великие Сорочинцы к мастеру Карлу Густаву на три года своего крепостного для обучения «нижеписанного мастерства работ, якото, каретного, столярного и седельного»¹⁶.

¹¹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. I, д. 4, л. 7.

¹² ЦГИА УССР, ф. 105, оп. 2, д. 9, л. 60.

¹³ ЦГИА УССР, ф. 269, оп. 1, д. 3409, л. 2.

¹⁴ Там же, д. 1452, л. 2 об.

¹⁵ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 2038, л. 18 — 18 об.

¹⁶ ЦГИА УССР, ф. 105, оп. 2, д. 9, л. 48 об.; ф. 102, оп. 3 д. 1, л. 95 об.

В быту грузины редко носили национальную одежду. По свидетельству современников, они, «живучи между малороссиянами, одеяние гусарское и немецкое употребляют»¹⁷. То есть, носили европейскую одежду. До конца XVIII века среди грузинских семей на Украине преобладал в качестве разговорного грузинский язык. Однако у последующих поколений стремление к сохранению родной речи ослабевает. Потомки тех грузин окончательно приняли русский или украинский язык.

Интересные сведения об этом «переходном» этапе находим в воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет. Ее бабушка — грузинка Кетэван (Екатерина) Цицишвили в конце XVIII века жила в селе Водяное Херсонской губернии. «Старуха Лореровичка», как называли ее местные жители, «хохлы», говорила по-грузински и по-украински. Она произносила «що», «щоб», «серденько», как все украинцы, но акцент сохранила грузинский. Быт ее семьи был самый простой. На ее кухне готовили украинские блюда: борщ, вареники, кулеш, галушки, шулики¹⁸. «...Сфера ее мышления ограничивалась заботой по полевому хозяйству и домашним порядкам, воспоминаниями о Грузии, о знатности ее происхождения...»¹⁹. Как видим, в жизни грузин на Украине самым тесным образом переплетались черты украинского и грузинского быта, нравов, обычаев.

II.

На основании обнаруженных архивных материалов удалось уточнить некоторые факты биографии Давида Гурамишвили. В частности, установить, что прежде, чем поселиться в Миргороде, он должен был получить имение в местечке Кешеньки Полтавского полка. Однако по неизвестным причинам отказался от него.

Сохранилась копия направленной в Войсковую канцелярию ведомости комиссии по раздаче грузинским князьям и

¹⁷ А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание..., Киев, 1851, с. 185.

¹⁸ А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., Мир, 1931, с. 41—47. См. также: Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895, с. 41.

¹⁹ А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., Федерация, 1929, с. 166.

дворянам дворов в Полтавском полку за 1740 год, в которой записано:

«В местечке Кешеньке определено.

Имена и прозвания князей.

Герасиму Джевахову — 30.

Давиду Гурамову — 30.

Итого в Кешеньке определено дворов — 60»²⁰.

Позднее, как известно, Д. Гурамишвили поселился в Миргороде, Герасим Джевахов (Эрасти Джавахишвили) — в Прилукском полку. В Кешеньках же дал согласие обосноваться Сергей Баратов²¹. Кстати, следует отметить, что, видимо, Эрасти Джавахишвили и был тем «виршеплетом Джавахишвили», поэтическим соперником, о котором с насмешкой упоминал Давид в своей поэме «Бедствия Грузии».

При раздаче грузинам земель и подданных местными властями допускались всевозможные нарушения действующих инструкций. В частности в число подлежащих раздаче «пахотных мужиков» нередко попадали также пользовавшиеся льготами «цеховые и ремесленные люди». Был издан указ, в силу которого цеховые исключались из подданства грузин.

Найдено множество фактов изъятия представителей этой категории украинского населения, живших в Миргородском полку у грузин А. Кобиева, Д. Чхаридзе, З. Херхеулидзе, Е. Кахова, Д. Ратиева и других²², в том числе и у Д. Гурамишвили. По сохранившемуся черновику ведомости за 1749 год об исключении из состава грузинских подданных цеховых и ремесленных людей, у Давида Гурамишвили отобрано четверо — Федор Пединенко, ткач Иван Шарченко, Корней и Лаврен²³, фамилии которых не удалось прочитать. Взамен них грузинам были выделены крестьяне из числа «пахотных».

Важным документом для выяснения взаимоотношений Давида Гурамишвили с миргородскими грузинами является хранящаяся в ЦГИА УССР копия «уступного письма» от 28 апреля 1763 года, данного отставным капралом Грузинского гусарского полка дворянином Георгием Петровичем Чхаридзевым сыну своей сестры — гусарскому поручику Георгию

²⁰ ЦГИА УССР, ф. 260, оп. 1, д. 56, л. 11 об. — 12.

²¹ ЦГИА УССР, ф. 260, оп. 1, д. 56, л. 14.

²² ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 411, л.л. 37 об., 38, 39, 99—100, 102—105.

²³ Там же, л. 102 об.

Семеновичу Игнатьеву. Согласно этому архивному материалу, Чхаридзе уступал племяннику свой двор «за мостом над рекою Хорол», а также в самом Миргороде «подданных людей со всеми их грунтами», доставшихся ему по наследству от умершего брата — того ж Грузинского гусарского полка отставного прапорщика Давида Петрова сына Чхаридзева²⁴.

В качестве свидетелей письмо подписали поручик князь Давид Ратиев, отставной вахмистр Кацура Инасаридзев, поручик Спиридон Ревазов, Аврам Кобиев. Здесь же стоит подпись Давида Гурамишвили: «При сем добровольном уступном письме был по прошению Георгия Чхаридзева, своеручно подписуюсь поручик князь Давид Гурамов»²⁵.

В начале 80-х годов XVIII века его имя встречается в списке дворян Киевской губернии²⁶. В 1782 году ему принадлежало в Миргородском уезде 40 хат²⁷.

Обнаружен ряд документов, содержащих разного рода сведения о жизни автора «Давитиани» на Украине. 70-е — 80-е годы XVIII столетия оказались трудными для него. В этот период Гурамовы вынуждены были продавать часть своих земельных владений и крепостных. 15 сентября 1775 года женой поэта Татьяной Васильевной Аваловой оформлен акт продажи 10 дворов в селе Зубовка секунд-майору Андрею Григорьевичу Остроградскому²⁸, который спустя 10 лет уступил их помещику коллежскому ассесору М. Я. Трохимовскому²⁹. (Сведения эти опубликованы Д. М. Косариком. Однако следует заострить внимание на указанном документе из ЦГИА УССР в силу того, что и у него, и в последующих работах грузинских ученых вокруг данного факта много путаницы, в частности, ошибочно утверждается, что дворы были проданы Аваловой Трохимовскому).

1 апреля 1786 года обстоятельства вынудили Давида Гурамишвили и его жену за 100 рублей передать во владение тому же М. Я. Трохимовскому (уже надворному советнику) «с числа пожалованных по имянному высочайшему указу крестьянина Андрея Козаченка з сынами Гаврилом и Антоном и

²⁴ ЦГИА УССР, ф. 64, оп. 1, д. 429, л. 105 об.

²⁵ ЦГИА УССР, ф. 64, оп. 1, д. 429, л. 106.

²⁶ Некоторое время Миргородский уезд относился к Киевскому наместничеству.

²⁷ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 7, д. 15, л. 26 об.

²⁸ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 19, л. 45.

²⁹ Там же.

со всем его семейством и имуществом, кои по последней 782 года ревизии записаны в городе Миргороде за переводом до той ревизии з села Зубовки»³⁰.

Спустя полгода, 2 октября 1786 года Д. Гурамишвили продал за 80 рублей «дворя ея императорского величества унтер штелмейстеру Василию Иванову сыну Маркову жене, детям и наследникам ево вечно безповоротно с числа пожалованных мне (Давиду Гурамишвили — Л. Р.) именов сенокосную луку (т. е. луг — Л. Р.), в дачах уездного города Миргорода находящуюся, в смежности и в окружности земле оного унтер штелмейстера Маркова, прозываемую Бабенкову»³¹.

Очевидно, поэт остро нуждался в деньгах. В 1786 году беспощадная засуха уничтожила на Украине весь урожай. Это было за год до его поездки в Кременчуг, когда, как известно, он просил у царевича Мириана 200 рублей для внедрения своего изобретения — поливной системы и водяной мельницы особого типа на реке Хорол.

Такая мельница по проекту Давида могла быть построена на реке Хорол в Миргороде или Зубовке. Однако в изученных мной источниках упоминаний о ней нет. Есть лишь сведения о ветряной мельнице в Миргороде, принадлежавшей «подданному порутчику Гурамова»³². По данным 1795 года, в селе Зубовка, на речках Руда и Сага находились четыре водяные мельницы: поручика Игнатовича, корнета Дяченко, дворян Василия и Якова Билибы³³.

Не исключено, что кто-либо из этих владельцев приобрел водяную мельницу Давида Гурамишвили в последние годы его жизни или после смерти.

Документальные материалы позволяют уточнить имущественное состояние Д. Гурамишвили в последние годы жизни и судьбу его имения после смерти. Обнаружена купчая запись от 3 июля 1794 года³⁴, по которой «Киевского наместничества Миргородского уезда помещица порутчица княгиня Татьяна Васильева дочь Гурамова» продала секунд-майору Антону Павловичу Богмевскому свое имение в Миргороде, состоящее из двора с хатами и постройками, и 160 душ кре-

³⁰ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 6 об.

³¹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 30.

³² ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 2038, л. 18 об.

³³ Там же, л. 28 об.

³⁴ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, лл. 40 об. — 42 об.

стьян: 88 мужского пола и 72 — женского³⁵ за 4 тысячи рублей.

Антон Павлович Богмевский³⁶ (родился около 1741 года) — по происхождению «из малороссийского шляхетства, сын войскового товарища»³⁷. В 1756 году начал службу в Миргородском казацком полку полковым канцеляристом. В 1771 — получил звание значкового товарища, в 1781 — войскового товарища, в 1783 — стал полковым писарем и дворянским заседателем. Принимал участие в заграничных походах, воевал на Крымском полуострове. В 1777—1778 и 1781—1782 годах «по выбору общества города Миргорода находился при казенной соли начальником»³⁸. В 1785 году у него родился сын Иван, «восприемником» которого стал майор князь Алексей Осипович Пхеидзе³⁹ — дворянский заседатель, городничий Миргорода.

Из той же записи почерпнуты еще некоторые существенные сведения, касающиеся биографии поэта. В частности, стали известны имена близких его родственников — брата Макария и племянника Матвея. Как указывает в купчей Татьяна Гурамова, миргородское имение досталось ей «по улиточно-му праву от умершего мужа моего порутчика князя Давыда Гурамова и по уступному письму от племянника его и моего князя Матвея Макарьева сына Гурамова»⁴⁰.

Вероятно, Матвей Макарьевич Гурамов — это грузинский поэт Мамука Гурамишвили, который жил в Москве. Как единственный наследник умершего в 1792 году бездетного дяди, он имел право на получение его имения. Однако Матвей дал «уступное письмо» сулруге Давида Гурамишвили — Татьяне Васильевне, отказываясь от наследства в ее пользу.

Имя автора «Давитиани» встречается в разных документах Миргорода второй половины XVIII века. В «купчей записи» 1783 года на приобретение миргородским городничим А. О. Пхеидзе двора «в городе Миргороде, на форштате, называемом Пожезском»⁴¹, отставной поручик князь Давид Гурамов назван в качестве владельца крестьянина Алексея Сушко.

³⁵ Там же, л. 40 об.

³⁶ Иногда встречается написание этой фамилии — Богаевский.

³⁷ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 32, л. 3.

³⁸ Там же.

³⁹ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1766, л. 19.

⁴⁰ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, л. 40 об.

⁴¹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 19.

В судебном деле о нападении «невестимых людей», «нижних разбойников» на дом грузинского протопопа Давида Микеладзева в Миргороде в 1784 году Д. Гурамишвили упоминается в связи с его «дворовым человеком» Кириллом Яковлевичем Близнюченко, дававшим свидетельские показания по ходу следствия⁴².

Это судебное дело представляет интерес, так как по нему давали показания князь Дмитрий Саакадзе, подполковник Д. Ю. Ратиев, капитан Иван Греков, городничий А. Пхеидзе.

Материалы этого дела (в частности, анализ сведений о судьбе Кирилла Близнюченко) позволяет сделать существенное для биографии поэта уточнение, а именно, что на протяжении 1771—1784 годов он постоянно жил в Миргороде, а не в Зубовке⁴³, которая вряд ли была местом его жительства и в другие годы. Д. Гурамишвили лишь навещал туда из Миргорода по своим хозяйственным делам. Это подтверждает и начало стихотворения «Зубовка»: «Я из Зубовки однажды к дому возвращался...». В изученных реестрах прихожан Михайловской церкви этого села, относящихся к 80-м годам XVIII века, грузинские фамилии не встречаются.

В сообщении Екатеринославского наместнического правления Киевскому наместническому правлению помещику Гурамову предписано явиться в январе 1788 года за своим подданным — жителем села Зубовка Близнюченко, который содержался под стражей в Алексопольском земском суде Екатеринославского наместничества «за беспашпортной ход»⁴⁴. Не исключено, что здесь существует определенная связь между «беспашпортным» Близнюченко и К. Я. Близнюченко, проходившим по делу Микеладзева.

В документах содержатся также сведения о подданном Давида Гурамишвили — Семене Денисенко⁴⁵, сына которого Диомида крестил миргородский житель Михаил Грузинец⁴⁶.

Теперь — более подробно о некоторых вопросах, касающихся личности жены поэта Татьяны Васильевны Гурамишвили (в девичестве Аваловой). Авалишвили — известный

⁴² Там же, д. 18, лл. 6, 11, 32 об., 34 об., 42 об., 46.

⁴³ Там же, л. 16.

⁴⁴ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 1035, лл. 1—14.

⁴⁵ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, л. 40 об.

⁴⁶ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1766, л. 18 об.

в Грузии род, состоявший в родстве с Багратионами и Чавчавадзе, находившимися во второй половине XVIII века в России. Во всех трех семьях были поэты, литераторы той эпохи. Интерес к литературе определял круг знакомств семьи Авалишвили. С XVIII века некоторые Аваловы жили в Москве, в «Грузинах», где и мог познакомиться молодой Давид со своей будущей женой.

Принадлежавшая к одной из высокообразованных грузинских семей, Татьяна Васильевна Авалова также была обучена грамоте, что в то время не так уж часто встречалось среди женщин. В некоторых документах она собственноручно подписывалась «на грузинском диалекте»⁴⁷, по-русски же писать не умела: на «купчей крепости» 1786 года вместо нее, «неумеющей пороссийску писать, подписался по ей прозби прапорщик Георгий Одишелидзев»⁴⁸.

Бездетность супругов, а затем, в 1777 году — смерть приемной дочери Дарьи⁴⁹ были для них большим горем. Сетуя на жестокий и несправедливый мир, поэт с горечью писал:

Одного прошу я сына —
Он молеблю не внимаает...
Я — как дерево сухое,
Ибо он срубил мне ветки...⁵⁰

⁴⁷ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, л. 24.

⁴⁸ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 6 об.

⁴⁹ Д. М. Косарик. Братні зорі. Київ, Радянський письменник. 1948, с. 135.

⁵⁰ Давид Гурамишвили. Стихотворения и поэмы. Л., Советский писатель, 1980, с. 135—136.

Биография поэта, его личная жизнь полны загадок. В Миргородском литературно-мемориальном музее Давида Гурамишвили, а также у автора этих строк хранятся письма жительницы ГДР Э. Краммиш-Ульрих, в которых рассказано о семейном предании, согласно которому происхождение фамилии Краммиш (прежде — Грамиш) связано с фамилией Давида Гурамишвили. По этой легенде, у поэта, находившегося в плену в Магдебурге в 1758—1759 годах и познакомившегося там с девушкой-немкой, родился сын, которому после отъезда Давида в Россию мать дала фамилию отца. (Как утверждает предание, возлюбленная Давида восприняла его фамилию Гурамишвили как Гурамиш Вилли). Отсюда якобы и появилась фамилия Грамиш.

Понятно и стремление Татьяны Васильевны стать хотя бы крестной матерью детей своих украинских и грузинских знакомых. Найдены интересные документы, проливающие свет на отношения семьи Гурамишвили с другими миргородскими жителями. В метрической книге Успенской соборной церкви города Миргорода 24 июля 1780 года была произведена запись: «У капитана Иоана Грекова родился сын Роман. Восприемники подполковник Давид Ратиев да княгиня Татияна Гурамова»⁵¹. Как следует из этого документа, три семьи миргородских грузин: Гурамишвили, Ратишвили и Грековы⁵² были весьма тесно связаны.

Институт кумовства в XVIII веке на Украине предполагал отношения, по своему характеру приближавшиеся к родственным. Обычно родители новорожденного избирали восприемниками, то есть, крестным отцом и матерью, своих друзей, приятелей, родственников, соседей, что еще более способствовало их сближению. Как правило, кумовья проводили вместе семейные и общественные праздники; их дружеские отношения нередко продолжались и в последующих поколениях.

В метрической книге той же Успенской церкви за 18 января 1784 года обнаружена следующая запись, сделанная церковным священником: «Крестил младенцу Марию, рожденную от законных родителей (...) Кирила Ивановича землемера Пузинкова и жены его Марты. Восприймала княгиня Гурамова жена Татияна»⁵³.

Пузинков, Пузынкин — это «облагороженная» фамилия местного жителя Пузины. К. И. Пузина, отставной прапорщик, в 80-х—90-х годах XVIII века служил миргородским уездным землемером, был городовым секретарем⁵⁴. Имеются также указания на его связи с другими грузинами: он являлся восприемником Семена — сына «жителя миргородского Или Грузинца и жены его Ксении»⁵⁵.

Нуждается в корректировании дата смерти Татьяны Васильевны Гурамовой. По данным Д. М. Косарика⁵⁶, она умерла

⁵¹ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1475, л. 12.

⁵² О Грековых см. ниже.

⁵³ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1745, л. 16 об.

⁵⁴ ЦГИА УССР, ф. 1336, оп. 4, д. 681.

⁵⁵ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1639, л. 1 об.

⁵⁶ Д. М. Косарик. Бранті зорі. — Київ, «Радянський письменник», 1948, с. 137.

в Миргороде 18 апреля 1794 года. Однако, согласно обнаруженной недавно купчей 1794 года, 3 июля 1794 года Татьяна Васильевна была еще жива и продавала свое миргородское имение А. П. Богмевскому⁵⁷.

Необходимо также подчеркнуть, что все рассмотренные новые материалы не дают веских оснований для подтверждения существующего в научной литературе мнения о натянутых отношениях между поэтом и его супругой, тем более об их разводе.

Любопытен и такой неизвестный ранее факт. Уже после смерти поэта, незадолго перед продажей всего имения, в январе 1794 года Татьяна Васильевна Гурамова отпустила на волю своих подданных, миргородских жителей Бабенко — Андрея, Карпа, Константина и Григория с их семьями «за особливо оказание тому умершему мужу моему, а по смерти его и мне от них, Бабенков, службы и усердия»⁵⁸. В отпускном свидетельстве семье Бабенко она пишет, что распоряжается таким образом «всходство данной мне от одного моего мужа прошлого 1789 года мая 7 числа на людей его и все движимые и недвижимые имения уступки»⁵⁹.

Кроме упомянутых выше украинских жителей Остроградского, Трохимовского, Пузины, Богмевского, члены семьи Гурамишвили были знакомы также с другими миргородцами: мелкими дворянами, мещанами, казаками. Это семьи Ячных, Бакало, Бутенко, Гаркавенко, Кирпотенко, Марковских, Новаковичей, Пищанских и других.

Не исключено знакомство грузинского поэта с известным художником В. Л. Боровиковским⁶⁰ (1757—1825), который до конца 80-х годов XVIII века жил в Миргороде, с писателем В. В. Капнистом (1758—1823), с семьями Муравьевых-Апостолов, Гоголей-Яновских, Ломиковских и другими, известными в Миргородском крае.

III.

Сопоставление разных фактов приводит к выводу о су-

⁵⁷ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, л. 40 об. — 42 об.

⁵⁸ Там же, л. 23 об.

⁵⁹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 46, л. 23 об.

⁶⁰ В. Боровиковским позднее, в Петербурге, были написаны портреты грузин С. Л. Лашкарева и экзарха Грузии Антония. Возможно, он писал портреты и с грузинских жителей Миргорода.

ществовании в Миргороде, в ближайшем окружении Давида Гурамишвили, довольно четко определенного круга общения грузин. С одной стороны, это группа грузинских семей: Ратиевы, Саакадзе, Пхеидзе, Игнатьевы, Грековы, Чхаридзе, Одишилидзе, Кобиевы, Инасаридзе, Бежанашвили и прочие. с другой — представители украинского населения, с которыми грузины вступали в тесные дружеские и родственные отношения.

К Миргороду тянутся нити жизни и деятельности еще одного грузинского поэта XVIII века — Дмитрия Васильевича Саакадзе. Биографические сведения о нем крайне скудны. Его следы теряются в Москве около 1740 года. В Грузинском гусарском полку он не служил, среди лиц, получивших имения на Украине, не числился. Где Саакадзе находился на протяжении нескольких десятилетий — остается загадкой. Его след вновь возникает лишь в 1784 году в одном из документов Миргородского уездного суда, на котором рассматривалось дело о разбойном нападении на дом миргородского протопопа Микеладзева в декабре 1784 года. В числе других свидетелей тогда давал показания и князь Дмитрий Васильевич Саакадзе. В деле имеется его подпись на грузинском языке: «*ქობაძე მიქაელის-ძე სააკაძე*»⁶¹. Надо полагать, что это и был грузинский поэт Дмитрий Саакадзе.

Исходя из материалов упомянутого судебного разбирательства и сравнений с другими фактами, можно предположить, что он не принадлежал к тем грузинам, которые жили в Миргороде постоянно, но бывал в этом городе часто. Там жила его дочь Мария Дмитриевна (около 1749—1791), состоявшая в замужестве за грузинским князем подполковником Давидом Юрьевичем Ратиевым⁶² (1721—1792), миргородским уездным судьей.

Д. Ратиев и Мария Дмитриевна Саакадзе воспитывали детей Ивана, Петра, Авдотью, Марию⁶³. Их сын Иван Давидович Ратиев дослужился до звания генерал-майора. В начале XIX века жил в Миргороде⁶⁴.

Сведений о других детях Дмитрия Саакадзе не имеется.

⁶¹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 18, л. 15.

⁶² ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 18, л. 31 об.; ф. 193, оп. 1, д. 85, л. 2.

⁶³ Там же, ф. 193.

⁶⁴ Н. Г. Тарсаидзе. Сведения о грузинах в России во второй половине XVIII века. Тбилиси, издательство ТГУ, 1983, с. 54.

Однако на интересные размышления по этому поводу наводит одна из записей в метрической книге Воскресенской церкви Миргорода за 1785 год, где упомянута некая «Елисавет Дмитриевна княжна»⁶⁵, которая крестила дочь одного миргородского жителя. Фамилия Елизаветы не указана. Но в 80-х годах XVIII века в Миргороде не было других князей, кроме грузинских. Следовательно, это и была дочь грузинского князя Дмитрия. Среди известных нам немногочисленных миргородских князей-грузин в те годы есть упоминание только одного Дмитрия — Дмитрий Васильевич Саакадзе. Отсюда предположение, что Елизавета — его дочь.

Принимая во внимание это допущение, а также обращаясь к другим сведениям о князьях Саакадзе на Украине, можно попытаться хотя бы приблизительно определить дату смерти Д. Саакадзе. Пожалуй, его кончина была возможна между 1785 (последнее упоминание о нем датировано декабрем 1784 года) и 1791 годом. Именно в тот год приехавший на Украину грузинский митрополит Иона Гедеванишвили-Мровели посетил многих живших там грузин — своих родственников Манвелишвили, Джавахишвили, Бараташвили, а также княжну Елизавету Саакадзе⁶⁶. Если бы Дмитрий Саакадзе в 1791 году был жив, митрополит Иона, разумеется, предпочел бы увидеться с ним, а не ограничился лишь встречей с княжной Елизаветой Саакадзе.

Кстати, в связи с местом его постоянного жительства, которое пока неизвестно, уместно будет привести краткие сведения о других представителях этого рода на Украине. Князь Николай Саакадзе с сыновьями Егором и Иваном владели землями в местечке Ичня Прилуцкого полка. Его старший сын — Алексей (1720—1785) жил в соседнем местечке Монастырище⁶⁷. Ростом Саакадзе получил 30 дворов в местечке Келеберда Полтавского полка, где осел в конце 60-х годов XVIII века⁶⁸.

⁶⁵ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1766, л. 19 об.

⁶⁶ Тарсаидзе. Сведения о грузинах в России во второй половине XVIII века. Тбилиси, издательство ТГУ, 1983, с. 74 (в подстрочных примечаниях).

⁶⁷ А. Лазаревский. Описание старой Малороссии, т. III. Полк Прилуцкий. Киев, 1902, с. 225.

⁶⁸ К. Гуслистый. Из истории классовой борьбы в Степной Украине в 60—70-х гг. XVIII в. Харьков. Партиздат ЦК КП(б) У, 1933, с. 34 (на украинском языке).

Возможно, Д. Саакадзе также жил в Монастырище, Ич-не или Келеберде у своих родственников или рядом с ними. Следует принять во внимание также следующий факт. Ичнянские Саакадзе состояли в родстве с грузинами Джавахишвили: Марина Николаевна Саакадзе стала женой своего ичнянского соседа Эрасти Джавахишвили (ЦГИА УССР, ф. 260, оп. 1, д. 63, л. 6), по нашему предположению, грузинского поэта, поэтического соперника Давида Гурамишвили. Как видим, и в родственных отношениях прослеживается связь грузинских литературных семей Гурамишвили, Саакадзе, Джавахишвили. Это еще более способствовало сплочению литературного круга грузинских эмигрантов на Украине.

Не оставляет сомнения, что Д. Саакадзе и Э. Джавахишвили, посещая Миргород, часто встречались с Давидом Гурамишвили, поддерживали с ним творческие связи, обсуждали литературные дела. Более того, мы склонны считать, что именно Давид Гурамишвили, Дмитрий Саакадзе и Эрасти Джавахишвили составили ядро литературной эмигрантской общности на Украине, что именно вокруг них сплотился круг друзей, единомышленников, других поэтов и творческих деятелей.

Д. Саакадзе, как известно, был близок с поэтом Мамукой Гурамишвили, племянником Давида, посвятил ему свои стихи. Мамука, по всей видимости, также мог бывать в Миргороде.

Ввиду близости семей Гурамишвили и Ратиевых, остановимся на истории последней. В 1725 году в составе свиты Вахтанга VI в Россию эмигрировал шталмейстер («конюший») Зураб Ратишвили, известный в русских документах под именем Юрия. Вместе с ним в Россию переехал его старший сын Давид и 8 слуг⁶⁹. Он был сыном Зураба от первой жены Анны Сологашвили (умерла в 1723 — 1725 г.). Во второй раз Зураб женился уже в Москве на грузинке Хазуе — по-видимому, своей крепостной⁷⁰. От второго брака имел детей — Николая (родился в 1731 году), Василия (родился в 1732 году — умер в детстве), Егора (родился в 1727 году).

Старший сын Зураба — Давид Юрьевич Ратиев (родился

⁶⁹ Г. Г. Пайчадзе. К истории русско-грузинских взаимоотношений (I четверть XVIII века). Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1960. Приложения, с. 208.

⁷⁰ Сведения взяты из писем потомка семьи Ратишвили — Л. А. Ратиева к автору статьи.

около 1721 — умер в 1792) начал службу в Грузинском гусарском полку 20 августа 1740 года. Спустя 6 лет был капитаном, в 1753 — прапорщиком, в 1758 — поручиком, в 1770 — секунд-майором, в 1772 — подполковником. Как свидетельствует его формулярный список, участвовал во «всех генеральных баталиях и сражениях, партиях»⁷¹: в русско-шведской войне 1741—1743 годов, в Семилетней войне, в русско-турецкой войне 1768—1774 годов, в походе в Польшу в 1772—1773 годах⁷². Вышел в отставку подполковником. По указу 1738 года получил 20 дворов в местечке Бакумовка Хорольской сотни Миргородского полка и 10 дворов — в местечке Устивица. Однако он был недоволен отдаленностью частей своего имения и просил заменить данные ему дворы другими⁷³. В Миргород переехал до 1749 года⁷⁴. Как уже отмечалось, был женат на Марии Саакадзе. Принадлежал к числу мелкопоместных владельцев: по ревизии 1764 года у него в подданстве находились 26 дворов, 38 хат, 119 душ крестьян⁷⁵.

С Давидом Гурамишвили его связывали множественные узы: схожая судьба, совместная служба в армии, соседство, кумовство. Сохранилась купчая 1786 года на продажу его подданного А. Козаченко, под которой, среди других свидетелей, поставил свою подпись также Д. Ю. Ратиев⁷⁶.

Умер он 19 июня 1792 года, месяцем раньше Давида Гурамишвили, похоронен в Миргороде, на кладбище Успенского прихода.

Брат Давида Юрьевича — сын Зураба и Хазуи — Егор Юрьевич Ратиев (родился в 1727) находился на службе с 1738 года. До сентября 1752 года служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, затем был переведен в Грузинский гусарский полк. Еще будучи малолетними, Егор Ратиев и его братья Николай и Василий получили каждый по 5 дворов в местечке Новые Санжары Полтавского полка, которые затем им были заменены другими, в Миргороде⁷⁷. Здесь Егор Юрьевич жил, по-видимому, несколько лет. Женился на Ана-

⁷¹ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 85, л. 1 об. — 2.

⁷² Там же.

⁷³ ЦГИА УССР, ф. 55, оп. 2, д. 210, л. 3.

⁷⁴ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 411, л. 102.

⁷⁵ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 15, лл. 12—23 об.

⁷⁶ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 7.

⁷⁷ Там же, д. 4, л. 8.

стасии Андреевне Трощинской⁷⁸ — девушке из самой богатой старшинско-дворянской семьи на Миргородщине.

В звании капитана Грузинского гусарского полка он принимал участие в Семилетней войне. Имел также участок в Москве, на Пресне. В 1765 году там находился «пустырь майора князя Егора княж Юрьева сына Ратиева»⁷⁹. Миргородское имение Е. Ю. Ратиева со временем перешло к его сыновьям, а они в 1782 году отдали его в заклад дяде Давиду Юрьевичу⁸⁰. Сам же Егор Юрьевич в то время в звании подполковника служил комендантом города Тюмени Тобольской губернии⁸¹.

В 80-х годах XVIII столетия Миргород являлся местом жительства еще одного брата Давида Ратиева — Николая Юрьевича. Это была довольно известная в истории Грузии личность. В 1769 году, будучи премьер-майором, во время русско-турецкой войны, при занятии Азова, он командовал двумя гусарскими эскадронами из Грузинского гусарского полка и полковой артиллерией. В том же году воевал с кабардинскими владельцами, отличившись «храбростию и проворством»⁸².

Н. Ю. Ратиев был курьером Грузинского гусарского полка при Моуравове — русском поверенном в делах Грузии. Энергичный, деятельный, горячо любивший свою родину, он все делал для ее блага. В апреле 1770 года в чине подполковника с двумя эскадронами гусар прибыл из Моздока в Тифлис в помощь царю Ираклию II. В Грузии его возмутили непоследовательные действия генерал-майора графа Тотлебена, который, преследуя личные корыстные цели, всячески вредил Ираклию. Вместе с несколькими русскими офицерами возглавил заговор против Тотлебена⁸³, за что в 1771 году был осужден и приговорен к ссылке в Сибирь. Но после суда над Тотлебенем его оправдали и восстановили в правах.

Женат был на украинке — правнучке гетмана Полуботка.

⁷⁸ Сведения из переписки автора с Л. А. Ратиевым.

⁷⁹ Цитируется по изданию: Г. Пайчадзе. К истории грузинской колонии в Москве в XVII—XVIII веках. Тбилиси, 1982, с. 53.

⁸⁰ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 4, л. 3.

⁸¹ Там же.

⁸² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. 1, с. 477.

⁸³ Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под редакцией Цагарели, т. I, СПб., 1891.

В 1785 году бригадир Н. Ю. Ратиев купил у Ивана и Ильи Одишилидзе часть их имения в Миргороде, в урочище Глеватякового озера⁸⁴. Вероятно, намеревался остаться в Миргороде навсегда, так как в 1787 году, уже будучи генерал-майором, покупал себе в городе новые земли⁸⁵. В 1787—1788 годах снова командовал гусарами, приводя в покорность кубанских владельцев⁸⁶.

Несомненно, это был один из тех активных грузинских деятелей на Украине, через которых осуществлялась постоянная связь оторванных от родины грузинских семей с оставшимися там родственниками. Габриэл Ратишвили, автор «Краткого повествования о России», сообщает, что Н. Ю. Ратиев приходился ему дядей.

В некоторых документах, касающихся жизни Давида Грамишвили в Миргороде, упоминается грузин Осип Георгиевич Игнатъев (Эгнаташвили). Его отец дворянин Георгий Семенович Игнатъев (родился около 1720 года) в России жил с 1724 года, в Грузинском гусарском полку — с 1738. В 1747 году имел звание вахмистра, в 1763 — поручика, вышел в отставку капитаном. Получил 10 дворов в Новых Санжарах. В 1763 году к нему перешло миргородское имение его бездетного дяди по матери — дворянина Георгия Петровича Чхаридзева (родился около 1703 года — умер до 1781).

В Миргороде постоянно не проживал. У него было еще небольшое имение («футор») на Екатеринославщине, где он большей частью и пребывал. В начале 80-х годов XVIII века капитан Г. С. Игнатъев состоял в должности земского комиссара Царичанского уезда Азовской губернии⁸⁷. В Миргород приезжал по хозяйственным делам. К примеру, в 1781 году подал рапорт в Царичанскую воеводскую канцелярию с просьбой «для ево необходимой надобности отпустить в малороссийской город Миргород и Новороссийской губернии в город же Новой Санжаров и другие места сроком на двадцать девять дней»⁸⁸.

В 1781 году уступил свое миргородское имение сыну — прапорщику Екатеринославского пикинерского полка Осипу Георгиевичу Игнатъеву, у которого по «ревизской сказке» 1782

⁸⁴ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 9, л. 11—12.

⁸⁵ Там же, д. 22, л. 22 об.

⁸⁶ Бутков П. Г., Материалы..., ч. 2, с. 200—210.

⁸⁷ Теперь это территория Днепропетровской области УССР.

⁸⁸ ЦГИА УССР, ф. 2164, оп. 1, д. 50, л. 43.

года насчитывались в подданстве 61 мужчина и 58 женщин в Миргороде⁸⁹. Этот город являлся его постоянным местожительством в 80-х — 90-х годах XVIII века. Принадлежавшие ему земли находились в урочище Лесок, в «дачах села Поповки»⁹⁰ и других пунктах.

О. Г. Игнатъев был свидетелем при совершении одной из «купчих крепостей» Давида Гурамишвили⁹¹, что подтверждает его близкое знакомство с поэтом.

Во многих документах, в которых идет речь о миргородских грузинах, часто встречаются имена капитана Ивана Антоновича Грекова и членов его семьи. Эта фамилия значится в миргородских документах 80-х годов XVIII века. Судя по ним, семья Грековых принадлежала к группе рассматриваемых грузинских семей и, видимо, имела в прошлом общую с ними судьбу. Возможно также, что Грековы — русский вариант грузинской фамилии Бердзенишвили.

То, что это была грузинская, а не русская, украинская или греческая семья, удостоверяет запись в метрической книге Троицкой церкви города Миргорода от 22 мая 1785 года: «У посполитого⁹² Тихона Батия и жены его Анны 21 дня рожденный сын Константин крестился, восприемником был Яков — грузина капитана Грекова сын»⁹³.

Кроме него, у Ивана Антоновича Грекова были еще дочь Вера, сын Роман, и, по-видимому, Василий. Все они очень дружили с семьей Одишилидзе. Яков и Василий Грековы стали крестными отцами братьев Павла и Ивана Одишилидзе — сыновей Ивана Яковлевича Одишилидзе и его жены Марты⁹⁴.

Уже отмечалось выше, что И. А. Греков был тесно связан с семьей Давида Гурамишвили, который, так же, как и после его смерти Татьяна Васильевна, крестившая его сына, постоянно приглашал Ивана Антоновича в качестве свидетеля при совершении разных хозяйственных и имущественных актов: продажи земельных угодий и крестьян, отпуска крепостных на волю⁹⁵.

⁸⁹ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 12, л. 35—36 об.

⁹⁰ Там же, д. 36, л. 65; д. 20, л. 29—29 об.

⁹¹ Там же, д. 20, л. 30 об.

⁹² Посполитые — категория крестьян на Украине в XVIII веке

⁹³ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1766, л. 26.

⁹⁴ Там же, д. 1639, л. 11; д. 1745, л. 22.

⁹⁵ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 20, л. 30 об.; д. 46, л. 24,

В миргородских материалах чаще других грузинских семей упоминается семья Одишилидзе. Один из первых известных нам ее представителей — дворянин Яков Одишилидзе (родился около 1714, умер — до 1782) с 1740 года служил в Грузинском гусарском полку, затем в Сербском гусарском полку, в отставку вышел в звании капитана. Получил в Миргороде 10 дворов, поселился там навсегда. Имел сыновей Илью и Ивана.

Илья Одишилидзе в 1765 году состоял в звании прапорщика, затем поручика Болгарского гусарского полка, постоянно находился «в заграничном походе и в безотлучной военной службе»⁹⁶, в 1788 году получил звание секунд-майора.

В Миргороде жил также прапорщик Георгий Одишилидзе с сыном Василием, дочерьми Мариной и Агафьей.

Оба обрата как свидетели подписали несколько документов, касающихся семьи Гурамишвили, — купчих крепостей, отпускных свидетельств.

Одишилидзе состояли в родстве с жившими по соседству в местечке Устивица Шинаевыми. Дворянин Егор Шинаев был женат на Марии — сестре Георгия Семеновича Одишилидзе⁹⁷. Потомки этой семьи — Адешелидзе живут в Миргороде и в наше время.

Давид Гурамишвили общался и с другими грузинскими семьями.

Князь Заал Херхеулидзе из свиты Вахтанга VI был в числе тех, кому по указу 1738 года надлежало получить земли на Украине — 20 дворов в Миргороде. В одном из походов против турок в том же году Заал был убит⁹⁸. Семья получила принадлежавшее ему имение лишь в феврале 1742 года. Его сын Семен Захарович с 15-летнего возраста служил в Грузинском гусарском полку писарем. В 1767 году он был капитаном первого гренадерского пехотного полка. Нуждаясь в деньгах, заложил свое миргородское имение Е. Г. Гарсиванову и уже не сумел его выкупить⁹⁹.

Позднее семья переехала в Петербург, но связи с Украиной не прерывались. В частности, внук Заала — Захар Семенович Херхеулидзе некоторое время, до 1812 года, воспитывался

⁹⁶ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 9, л. 21.

⁹⁷ ЦГИА УССР, ф. 209, оп. 2, д. 1238, л. 1—8.

⁹⁸ ЦГИА УССР, ф. 105, оп. 2, д. 9, л. 64.

⁹⁹ Там же, лл. 60 об., 65, 65 об.

вался на Полтавщине, в селе Трубайцы у П. В. Капниста и дружил с жившим в этой семье потомком грузин Цицишвили — будущим декабристом Н. И. Лорером¹⁰⁰.

Жителями Миргородщины были братья Алексей и Давид Пхеидзе. Еще их отец князь Осип (Хоссий) Пхеидзе получил имения в местечках Яреськи и Устивица. Алексей родился, видимо, в начале 30-х годов XVIII века. В 1752 году вступил в полевые полки солдатом, в 1774 — был ротмистром Псковского карабинерного полка, дослужился до звания премьер-майора. В 1781 году по указу Сената определен в должности городничего Миргорода¹⁰¹. В этой должности пребывал до начала 90-х годов XVIII столетия. Состоял дворянским заседателем Миргородского нижнего земского суда.

Обнаружено множество подписанных им судебных документов. Как видно из них, он оказывал всяческую помощь и покровительство грузинам, обосновавшимся в Миргороде. В 1791 году его дом, как многих грузин, располагался в одном из старых районов города — на Пожеже. А. О. Пхеидзе дружил с миргородским полковым писарем Антоном Богмевским — знакомым семьи Гурамишвили.

Многочисленные факты подтверждают дружеские взаимоотношения миргородских грузинских семей Бежановых, Чхаридзе, Кобиевых, Инасаридзевых, Хачапуридзе. Все они были обедневшими дворянами. Нужда заставляла их продавать даже свои последние хозяйства. К примеру, отставной гусарский вахмистр Аврам Кобиев в 1763 году, нуждаясь в деньгах, продал миргородскому сотнику К. В. Забиле своего подданного и огород с садом в одном из районов Миргорода — Харкивке¹⁰². За бесценок уступил свою землю и вахмистр Кацура Инасаридзев¹⁰³.

В незначительном отдалении от Миргорода обитали многие другие грузины, и среди них однополчане Давида Гурамишвили: в местечке Багачке — дворянин Паата Курганов (Корганашвили) с сыном Иваном, в местечке Белоцерковке — Афанасий, Павел и Иосиф Хмаладзевы, в Устивице и Яреськах — Сологовы и другие.

Среди дворовых слугителей Давида Гурамишвили в Мир-

¹⁰⁰ Записки декабриста Н. И. Лорера. М., Госсоецкгиз, 1931, с. 221.

¹⁰¹ ЦГИА УССР, ф. 193, оп. 1, д. 1445, л. 1—2.

¹⁰² ЦГИА УССР, ф. 64, оп. 1, д. 429, л. 115—116.

¹⁰³ ЦГИА УССР, ф. 104, оп. 2, д. 1, л. 13 об. — 14.

городе были два грузина: Антон Отаров и Иван Сагинадзе¹⁰⁴. История последнего типична для многих грузин на Украине. Сохранилось дело о выдаче паспорта «Сагиневу Ивану, Исаеву сыну». В 1754 году он был пленен в Грузии лезгинами, находился в плену «в Крымской области». В 1756 году бежал оттуда, направился в Киев, где просил дать ему из генеральной канцелярии паспорт «для свободного моего в Малой России прожития»¹⁰⁵, после чего, надо полагать, прибыл в Миргород и стал на службу к Давиду Гурамишвили.

К числу эмигрантов на Миргородщине относились также представители грузинского духовенства протопопы Давид Микеладзе, Давид Харитонов¹⁰⁶ и Григорий¹⁰⁷.

Вот несколько метрических записей из церковных книг Миргорода с грузинскими прозвищами, которые дают более полное представление о простых, незнатных грузинах, земляках Давида Гурамишвили.

24 марта 1780 года: «У миргородского жителя Ивана Грузиненка родился сын Василий. При крещении восприемником был Иоан Греков»¹⁰⁸.

1 апреля 1780 года: «У миргородского жителя Федора Подрушного родился сын Иоан. При крещении восприемником был Иоан Грузин»¹⁰⁹.

11 августа 1782 года: «Родилась младеница Анастасия от родителей законных жителя миргородского Лукияна Гайдаенка и жены его Евгении, восприемница Ксения Грузинка»¹¹⁰.

10 декабря 1782 года: «Родилась младеница Анна от родителей законных жителя миргородского Степана Шучки и жены его Стефаниды, восприемница Серафима Грузиневна»¹¹¹.

5 июня 1782 года: «Преставился сын Симеон жителя миргородского Илии Грузиненка, отроду один год»¹¹².

23 июля 1785 года: «Родилась дочь Анна от законных

¹⁰⁴ Д. М. Косарик. Бранті зорі. Київ, Радянський письменник. 1948, с. 129.

¹⁰⁵ ЦГИА УССР, ф. 269, оп. 1, д. 2913, л. 2—2 об.

¹⁰⁶ ЦГИА УССР, ф. 105, оп. 2, д. 9, л. 186 об.

¹⁰⁷ ЦГИА УССР, ф. 192, оп. 3, д. 2, л. 243 об.

¹⁰⁸ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1475, л. 10.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, д. 1639, л. 2 об.

¹¹¹ ЦГИА УССР, ф. 990, оп. 1, д. 1639, л. 6. Форма фамилии «Грузиневна» по-украински означает «дочь грузина».

¹¹² Там же, л. 8 об.

родителей Матвея Гуржеенка и жены его Евгении, восприемница Ксения Грузинка»¹¹³.

12 июня 1785 года: «Преставился Иван Грузин с покаянием и погребен христианско. 90 лет»¹¹⁴.

До наших дней у некоторых жителей Миргородского района сохранились фамилии, свидетельствующие о грузинском происхождении их носителей: Грузин, Ивер, Патара, Сегенадзе, Адешелидзе, Малорапшвиле.

* * *

Литературно-культурная и общественно-политическая деятельность грузин на Украине в XVIII веке — один из малоизученных вопросов. Во второй половине 20-х — начале 40-х годов этого столетия в бытность грузинских эмигрантов в Москве и Петербурге сложилась благоприятная обстановка, способствовавшая плодотворному развитию грузинской литературы и искусства в условиях эмиграции. В России литературной деятельностью занимались грузинские ученые и поэты Вахтанг Багратиони, Вахушти Багратиони, Иосиф Самебели, Романоз Эристави, Дмитрий Саакадзе, Фома и Мамука Бараташвили, Габриэл Геловани, Отия Павленишвили, Джавахишвили, Мамука Гурамишвили, Вахтанг Орбелиани, Эрасти Туркистанишвили. Особое место среди них по праву занимает выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили, чье творчество стало ярким воплощением дум и чаяний грузинского народа.

Такая концентрация огромных творческих сил и талантов преимущественно в двух городах — Москве и Петербурге в течение небольшого по протяженности периода времени (около 15 лет) создала вокруг себя «силовое поле», в которое втягивались все новые и новые деятели грузинской культуры на протяжении многих последующих десятилетий. Влияние этой славной когорты сказалось также на особенностях духовной жизни грузин на Украине во второй половине XVIII века.

Это тем более несомненно, что сюда переехали многие из тех деятелей литературы, которые заявили о себе в 20-е—30-е годы XVIII столетия в России. Часть грузинских литераторов (Эгнаташвили, Кобулашвили, Туркистанишвили), оставшихся в столичных городах, имели на Украине многочисленных родственников, через которых поддерживалась посто-

¹¹³ Там же, д. 1766, л. 6.

¹¹⁴ Там же, ф. 990, оп. 1, д. 1766, л. 11 об.

янная связь между двумя большими группами грузин здесь и в России.

Трудно представить, чтобы грузинская колония, которая в ту пору в Москве была мощным очагом грузинской культуры, совершенно прекратила свою культурную деятельность на Украине. Конечно, во второй половине XVIII века значительно изменились условия деятельности, быт, жизненный уклад эмигрантов из Грузии, возросла их разобщенность, но все же и тут, вероятно, сохранялись культурные традиции грузинского народа: народная песня, танец, элементы театрального действия. Можно предположить, что в имениях богатых помещиков-грузин на украинской земле были крепостные домашние театры, такие как у украинских магнатов К. Розумовского, Д. Трощинского, как у князей Грузинского и Баратова в Симбирской губернии, у А. Д. Панчулидзе в Саратове, у Херхеулидзе в Калуге.

Известно, что поэзия в Грузии издревле считалась особо почитаемым занятием. Это отношение к литературной деятельности грузины сохранили и в бытность их на Украине. Из Грузии, а также из Москвы и Петербурга они привезли с собой сюда множество книг, в том числе изданных в Москве в типографии Иосифа Самебели. У родственников деятелей этой типографии — Кобуловых, в семье Давида Гурамишвили (брат которого игумен Христофор был ближайшим помощником Самебели), у других грузин были ценные книги. В «духовном завещании» близкого знакомого Давида Гурамишвили — миргородского жителя Георгия Адешелидзева за 1796 год наряду с перечисленным имуществом, предметами обихода, денежными документами и прочими ценностями упоминаются также «разные грузинские, латинские, российские и других языков книги»¹¹⁵.

Получив в наследство имущество умершего в Осетии в 1753 году старшего брата Христофора-игумена¹¹⁶, Давид Гурамишвили перевез в Миргород и принадлежавшие ему многочисленные книги, в том числе изданные при его участии в московской грузинской типографии.

На Украине, в Миргороде поэтом были созданы произведения исключительной литературной значимости. В них он

¹¹⁵ ЦГИА УССР, ф. 1843, оп. 1, д. 51, л. 23.

¹¹⁶ Аполлон Рогава. Брат поэта. «Литература да хеловнеба» 12 июня 1949 г., № 23.

выступал глашатаем национального сознания на одном из важнейших этапов в жизни грузинского народа.

Тот факт, что книга «Давитиани» создавалась не в Грузии, а далеко за ее пределами, свидетельствует об удивительной жизнестойкости грузинского народа, ее культуры, литературных традиций.

Часто высказывалось удивление по поводу того, как удалось Давиду Гурамишвили, прожившему на родине всего два десятилетия, сохранить и даже обогатить родной язык, расширить литературные горизонты, ввести в грузинскую литературу новые образы, не тронутые ранее сюжеты, не разработанные до него темы.

Разумеется, все это было бы невозможно, если бы он находился в полном одиночестве, а его общение с земляками носило ограниченный характер. Однако рассмотренные материалы доказывают, что поэт не был одинок, что грузинское поселение на Украине отличалось большой сплоченностью, активностью, деятельным участием в общественной жизни, неиссякаемым интересом к Грузии, стремлением оказать всяческую помощь своей далекой родине.

Грузины на Украине не только не забыли родной язык, поэзию, искусство, но и значительно развивали их. Такие редкостные находки, как чудом сохранившееся «Давитиани», вне всякого сомнения, лишь часть той большой литературно-культурной деятельности грузин на Украине, которая и сейчас еще не изучена.

Факт пребывания Давида Гурамишвили, Дмитрия Саакадзе, Отиа Павленишвили, Джавахишвили, а, возможно, и других грузинских поэтов на Украине позволяет надеяться, что будут обнаружены и доказательства их творческой деятельности, их произведения.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ „ВОСКРЕСЕНИЯ“

Работающий в Москве кандидат педагогических наук Александр Лозовой — наш земляк. Он — автор иллюстрированного альбома о художнике В. Бубновой, много лет прожившей в Абхазии, в Сухуми. Из московского музея Льва Толстого он получил письмо следующего содержания: «Дирекция Государственного ордена Красного Знамени музея Л. Н. Толстого в Москве выражает Вам глубокую благодарность за переданные в дар музею воспоминания Вашего отца Николая Григорьевича о Вашем деде Григории Павловиче Лозовом, встречавшимся с Л. Н. Толстым в 1885 году в Бутырской тюрьме, и фотографии Григория Лозового и других заключенных, видевшихся с Л. Н. Толстым.

Эти документы займут достойное место в коллекции воспоминаний о великом писателе, хранящейся в Отделе рукописей музея».

В связи с этим мы и попросили поделиться воспоминаниями о своем отце живущего в Сухуми Николая Григорьевича Лозового. Но прежде — несколько слов о нем. Участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых орденов, он после войны 15 лет проработал в Сухумском педагогическом институте имени М. Горького. Сейчас Николай Григорьевич на заслуженном отдыхе и целиком отдается любимому делу: создает красочные полотна, воспевающие наш солнечный край. Позади яркая тревожная молодость и интересная, содержательная трудовая жизнь. В 1919 году, будучи учеником восьмого класса, он находился среди тех юных энтузиастов сцены, которым Всеволод Мейерхольд — тогдашний руководитель новороссийского театра — читал свою пьесу «Дитя Звезды». В начале 1920 года Н. Лозовой в рядах Черноморского окружного комитета Российского Коммунистического Союза молодежи, руководимого организатором комсомола Федором Гладковым — впоследствии автором популярного романа «Цемент». А летом того же года, когда Врангель высадил на

Кубани, у станции Приморско-Ахтарская, десант, юный Николай участвовал в боях с десантниками как доброволец 6-й роты Первого стрелкового полка действующей армии.

В 1922 году, работая в комиссии Кубано-Черноморской помощи голодающим Поволжья, чуть было не погиб от брюшного тифа.

В мирное время в драматической студии при краснодарском клубе «Красная звезда» посещал курс драматургии, который вели Самуил Маршак и поэтесса Елизавета Димитриева.

В 20-е годы учился живописи у таких оригинальных художников, как Павел Филонов и Казимир Малевич. Окончил высшие курсы ставропольского института.

А теперь — слово самому Николаю Григорьевичу.

— Еще в 1929 году, — говорит он, — когда мне понадобился документ о деятельности моего отца, я сделал запрос во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльных переселенцев, откуда и получил биографическую справку о нем по материалам «Био-библиографического словаря деятелей революционного движения в России» следующего содержания: «Лозовой Григорий Павлович — из казаков Прилуцкого уезда, Полтавской губернии, родился в 1854 г., окончив уездное училище в 1875 г., поступил на должность сельского народного учителя. С конца 1879 г. примкнул к народофильскому кружку в г. Ромнах, занимался агитацией и пропагандой, имел склад революционных изданий «Народной воли».

Установлены также его постоянные сношения с видными народолюбцами: хутор Талалаевку, переданный ему государственным преступником Полетикой, использовал для проведения коммунального обобщественного хозяйства. Арестован 16 октября 1883 г. и по высочайшему постановлению от 22 августа 1885 г. выслан в Западную Сибирь под надзор полиции на 3 года. Отбывал ссылку в Акмолинской области, где заболел тяжелым хроническим недугом. В 1887 г. получил разрешение вернуться на родину. Жил в Полтавской губернии, занимался сельским хозяйством, все время находился под негласным надзором полиции».

Помню из рассказов отца, что в Центральную Московскую пересылочную Бутырскую тюрьму дважды приходил Лев Николаевич Толстой. Он приносил заключенным кое-какие вещи. Так, например, подарил моему отцу брюки. Видимо, потому, что у отца не было в Москве ни знакомых, ни родственников, а он немного обносился. Очень интересно, что Л. Н. Толстой читал свои произведения политзаключенным.

Документы, переданные семьей Лозовых в музей Л. Н. Толстого, свидетельствуют о том, что в годы работы над романом «Воскресение» великий писатель лично знакомился с участниками революционного движения.

Открыто перейдя на сторону угнетенного народа, Л. Толстой поставил своей целью всеми доступными ему средствами бороться со злом жизни. Он решил подвергнуть беспощадному разоблачению обман экономический, политический, религиозный, обличить буржуазный строй, порождением которого служат войны, суды, угнетение рабочих, ужасы самодержавия.

Здесь же отметим, что время действия «Воскресения» тоже относится к началу 80-х годов XIX века, когда в России преобладали народнические взгляды. Лев Николаевич создал образы революционеров на материале народнического этапа революционного движения в России и правильно отразил его недостатки и ошибки.

В недавно вышедшем из печати «Яснополянском сборнике 1986», освещающем важные проблемы советского толстоведения, в архивных публикациях, приуроченных к 75-летию Государственного музея Л. Н. Толстого, в статье «Новые поступления в архив музея» читаем: «Особый интерес для изучающих историю создания романа «Воскресение» имеют поступившие в архив воспоминания Н. Г. Лозового о встречах с Толстым в Бутырской тюрьме его отца Г. П. Лозового, который был связан с революционной организацией «Народная воля» и арестован в 1885 г. К воспоминаниям приложены 9 фотографий политзаключенных, соседей Г. П. Лозового по камере. На одной из них заснят и Е. Е. Лазерев, революционер, долгое время состоявший в переписке с Толстым и членами его семьи, послужившей впоследствии прототипом революционера Набатова в романе «Воскресение». Это для встречи с ним в Бутырскую тюрьму приходили в 1885 г. Л. Н. Толстой и его сын Сергей Львович. Сохранились воспоминания Е. Лазерева и его переписка с Толстым.

Воспоминания Г. П. Лозового — это новое свидетельство одного из представителей революционной молодежи, в которую так внимательно вглядывался писатель; участием молодых в революционном движении живо интересовался. Впоследствии они оживут в «Воскресении», когда Толстой опишет круг революционеров, с которым знакомятся главные герои романа».

Давид БАКАНИДЗЕ

ВЫПОЛНЯЯ ВЫСОКУЮ МИССИЮ ИСКУССТВА

Пьесы Константина Симонова, как и произведения других жанров его литературного творчества, всегда отражали наиболее острые проблемы современности, в силу чего интерес к ним неизменно бывал высок. Но особенно обострился он в военные и послевоенные годы, когда потребность в такого рода драматургическом материале стала насущной необходимостью. Ощущали ее и театры Грузии, обратившиеся в тот период к симоновской драматургии, ряд образцов которой был посвящен военной тематике.

В ту пору в их репертуар входили пять таких пьес Константина Михайловича, как «Русский вопрос», «Жди меня», «Русские люди», «Так и будет» и «Чужая тень», шедших на трех ведущих сценах республики — у руставелевцев, марджановцев и грибоедовцев, в постановке известных грузинских режиссеров В. Кушиташвили и Д. Алексидзе, а также М. Ратнера и А. Рубина.

В годы Великой Отечественной войны 1941-45 годов наши театры испытывали острую нужду в глубоких и правдивых произведениях, как говорится, «на злобу дня», о борьбе и труде советского народа. И таковой явилась драматургия К. Симонова.

Первым в нашей республике осуществил постановку его пьесы «Русские люди» Государственный русский драматический театр имени А. С. Грибоедова. Это было первое драматургическое произведение писателя военного времени, которое ставилось в один ряд с «Фронтом» А. Корнейчука и «Нашествием» Л. Леонова. Сразу же после написания пьеса це-

ликом была напечатана в июле 1942 года в газете «Правда». Говоря о ней, автор так охарактеризовал свою целевую установку: «...Когда я писал эту пьесу в трудные дни моей страны, я ставил себе задачей подсмотреть в людях, о которых я писал, именно те качества, те душевные свойства, которые, укрепляясь и вырастая, сделали впоследствии из тех людей победителей» (Л. Финк. К. Симонов. Москва, «Советский писатель», 1983, с. 151).

Показательно, что грибоедовцы познакомили тбилисцев с этой вещью в год ее создания. Кроме «Русских людей» на сцене этого театра шли еще две симоновские пьесы — «Так и будет» в 1945 году и «Русский вопрос» в 1947 году.

Все эти спектакли были отрецензированы в местной прессе. Подробный разбор режиссерской и актерской работы дали М. Тушишвили (газета «Коммунисти», 1945, 1 июля), П. Аркадьев (газета «Заря Востока», 1945, 7 октября), А. Петровский (газета «Заря Востока», 1947, 3 июля), Н. Шалуташвили (газета «Литература да хеловнеба», 1947, 18 октября).

Положительно была оценена работа молодого режиссера М. Ратнера. По мнению Н. Шалуташвили, охарактеризовавшей «Русский вопрос» в театре имени Грибоедова как «острый политический спектакль», — это «интересная и нужная постановка, которая будет пользоваться успехом».

На грузинской же сцене драматургия Симонова появилась год спустя. В 1943 марджановцы остановили свой выбор на пьесе «Жди меня», завершенной в том же году как драматургический вариант знаменитого стихотворения.

По признанию автора, ему «не следовало заниматься эксплуатацией однажды найденного и перетаскивать свое «Жди меня» из стихов сперва в театр, а потом в кино. Все, что я мог сказать на тему эту, было исчерпано в стихотворении. И я был наказан за то, что не понял этого» (К. Симонов. Разные дни войны, Москва, «Молодая гвардия», 1975, с. 178—179).

Однако несмотря на столь самокритичную оценку убежденности драматурга в том, что ожиданием, верностью, преданностью можно уберечь человека на фронте от пуль, снарядов и тысячи других смертей, как нельзя лучше отвечала духу военного лихолетья.

Видимо, это и привлекло В. Немировича-Данченко, поставившего «Жди меня» в Москве, а также В. Кушиташвили, давшего этой пьесе сценическую жизнь в театре имени К. Марджанишвили.

В работе над этой постановкой приняли участие также

заслуженный художник Грузинской ССР И. Шарлемань и известный грузинский композитор К. Кереселидзе. Перевод выполнили Мариджан и И. Гришашвили.

К сожалению, это первое обращение грузинского театра к симоновской драматургии не увенчалось успехом. Местная печать также отрицательно отозвалась на эту постановку.

Почему же у такой сильной труппы спектакль не получился? Видимо, акцентируя сцены встреч, расставаний, гибели героев, режиссер придал ему излишне мелодраматический характер, несовместимый в представлении зрителей с суровыми условиями тех лет.

Такого же мнения придерживался известный грузинский критик и литературовед Б. Жгенти (Итоги театрального сезона. Газета «Литература да хеловнеба», 1944, 30 июля, № 26).

Тем не менее первая неудача в деле приобщения грузинского театрального искусства к драматургии К. Симонова не остановила театр и в 1947 году тот же режиссер снова берется за постановку его пьесы. На этот раз выбор пал на «Русский вопрос», который, судя по отзывам критики, в отличие от «Жди меня», не только в идейном, но и в художественном отношении стоял на более высоком уровне.

Исследователи творчества писателя С. Фрадкина и И. Вишневская отмечали: первая — стройность композиции, острый динамизм сюжета и художественную лаконичность пьесы (Творчество К. Симонова, Москва, «Советский писатель», 1986, с. 152), вторая — форму, очень точно выбранную «именно для этого произведения, для произведения об Америке, об ее людях и ее быте» (К. Симонов. «Советский писатель», Москва, 1966, с. 119—120).

Таким образом, теперь налицо был более совершенный материал для постановки, чем в прошлый раз, и определенный опыт работы над драматургическими произведениями К. Симонова.

Труппа с большой ответственностью подошла к его сценическому воплощению, а режиссер сумел создать современный, художественно цельный, политически острый спектакль, удачно оформленный художницей Еленой Ахвледзиани.

Это подтверждает и статья критика Э. Карелишвили в газете «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство»), назвавшего «Русский вопрос» большим творческим успехом театра. В ней сказано также, что «автор с редким мастерством и политической прозорливостью показал сущность

той ожесточенной антисоветской кампании, во главе которой стоит реакционная буржуазия», что герои пьесы живые, полнокровные люди. Роли исполняли: Макферсона — ученик и последователь Котэ Марджанишвили Ш. Гамбашидзе, Смита — народный артист Грузинской ССР П. Кобахидзе, Джесси — народная артистка СССР В. Анджапаридзе, Мерфи — народный артист республики Б. Закариадзе и другие. «...актеры, — писал критик, — играли с чувством меры, ощущалась глубина постижения образов».

Знания американской действительности, принципов западной жизни помогли режиссеру точно и ярко воспроизвести ее на сцене. Ведь В. Кушиташвили в течение почти 15 лет жил и работал сначала во Франции, а затем в США.

В Париже вместе с Ш. Дюленом им был основан знаменитый французский театр «Ателье», где наряду с другими парижскими сценами в его постановке демонстрировались пьесы Гольдони, Мольера, Аристофана. Эти спектакли парижская пресса оценивала очень высоко.

В Соединенных Штатах Америки, в частности в Нью-Йорке и Новом Орлеане, грузинский режиссер ставил Оффенбаха, Ларика, Чехова. Названные постановки отличали высокое профессиональное мастерство и культура, тонкий вкус и динамизм, черты, которые выделялись грузинской печатью в ходе анализа спектакля «Русский вопрос» в театре имени К. Марджанишвили.

В 1949 году к драматургии К. Симонова приобщился и театр имени Ш. Руставели. Им была выбрана пьеса «Чужая тень», которой предшествовала повесть «Дым отечества», подвергнутая резкой критике якобы за содержащийся в ней неверный подход к некоторым политическим вопросам. Но завершенная в 1949 году пьеса «Чужая тень», отвечавшая всем требованиям того времени, была встречена критикой восторженно. Семь раз выступал с хвалебными статьями о ней журнал «Театр». В том же году поставленная в ста театрах страны, в том числе у руставелевцев, она была удостоена Государственной премии СССР за 1949 год. Но впоследствии К. Симонов откажется включить ее в собрание своих сочинений, а Л. Лазарев назовет «результатом и крайним выражением творческого кризиса» (Л. Финк. К. Симонов. Москва. «Советский писатель», 1983, с. 220).

В чем же причина такого успеха пьесы и неудовлетворенности ее автора? Очевидно, дело в том, что здесь, как и в «Жди меня», герои слишком явно реализовали замысел автора,

стремившегося создать произведение злободневное, конкретно отвечающее требованиям данного времени.

Тем не менее, тогда и сама пьеса и ее постановка в театре имени Руставели получили положительную оценку газеты «Коммунисти», а также других средств массовой информации республики. Критик и театровед А. Буртикашвили, например, точно подметил, что она «увлекает зрителя своей тематической целеустремленностью и публицистической остротой» (газета «Коммунисти», 1949, 24 октября).

А по сообщению журналиста Д. Имнадзе в той же газете, аспиранты Тбилисского государственного университета устроили разбор этой пьесы; с докладом выступила аспирантка М. Шанидзе, своими мыслями о спектакле поделились исполнители главных ролей — народные артисты республики Г. Давиташвили, Э. Апхаидзе и Т. Чавчавадзе.

Состоявшаяся 18 октября 1949 года премьера вызвала большой интерес грузинской общественности. Режиссер Д. Алексидзе уже был известен как талантливый постановщик героико-романтических спектаклей, таких, как «Алказар» и «Родина» Г. Мдивани, «На перекрестке» Е. Мтварадзе, «Профессор Мамлок» С. Вольфа и других. В «Чужой тени» также были и накал страстей, и героическое самопожертвование ради интересов науки и Родины, и романтическая любовь. По этому зрители имели основание ждать яркого, богатого постановочными находками истолкования симоновской пьесы грузинским режиссером. И, как констатирует А. Буртикашвили, они не обманулись в своих ожиданиях.

Роль главного героя — талантливого ученого Сергея Трубникова, образ которого дан автором в развитии, получила замечательное сценическое решение. По мнению того же критика, Г. Давиташвили убедительно показал духовные сдвиги, происшедшие в Трубникове после осознания своей ошибки. Великолепен был и актерский дуэт супругов Трубниковых, исполненный им в партнерстве с Т. Чавчавадзе.

Итак, исходя из публикаций нашей республиканской прессы, можно с уверенностью говорить о том, что спектакли по пьесам К. Симонova, поставленные в трех ведущих театрах Грузии в те «роковые сороковые», в основном несли заряд патриотизма и любви к человеку, выполняя высокую миссию, возложенную на искусство в военное время.

Татьяна ТВАЛЧРЕЛИДZE

ГЛАС СОВЕСТИ

...Подведены итоги двадцатого Всесоюзного и сорокового Каннского фестивалей. Главный приз первого, проходившего в Тбилиси, присужден грузинскому фильму «Покаяние». Из Кани же режиссер этой ленты Тенгиз Абуладзе приехал, как отмечала газета «Фигаро», «щедро награжденный самыми престижными призами» — Большим специальным призом жюри, призом ФИПРЕССИ (международной ассоциации критиков) и премией Ватикана за смелый политический и глубокий драматическо-визуальный анализ. Французские журналы и газеты уделили фильму особое внимание. Еще до его демонстрации в них были перепечатаны из союзной прессы несколько интервью с режиссером и ряд рецензий, а после 17-го мая — дня показа картины в Каннах — они давали уже собственную оценку. Приведем лишь некоторые отрывки из выстулений разных газет, которые со временем, по словам обозревателя «Пуан», «...будут уже серьезно вникать и анализировать эту всеобъемлющую мозаику. Пока что, по первому впечатлению, мы можем сказать, что Абуладзе не только режиссер, но поэт и рассказчик. По мастерскому умению разоблачать даже молчание фильм тоже попал в точку» («Пуан» означает «точку»). Газета «Монд» считает, что «Абуладзе представляет притчу о тиране в серьезном и насмешливом тоне... Актеры все великолепны, особенно Махарадзе... Фильм отличается большим благородством». Журнал «Французское кино» назвал «Покаяние» «всепланетным» фильмом и заявил, что «...трилогия Абуладзе — это лучшие шедевры мировой сокровищницы. Это ключ к истории грузинской культуры, лирический гимн свободе личности. «Покаяние» — это реализация

замысла, к которому режиссер шел на протяжении 20 лет. ...Это символ новой политики в стране режиссера». «Юмани-те» посвятила фильму уже несколько объемных статей, в одной из которых знаменитый критик Жан-Пьер Леонардини утверждает: «Покаяние» в течение нескольких месяцев стал фильмом-прожектором, освещающим советские перемены. И вместе с тем это не работа, снятая по заказу, это фильм-предтеча тех перемен, которые произошли и произойдут... Блестящая, сложная, продуманная, осмысленная работа, которая поражает своим духовным видением мира». Газета «Рипорт» отмечает, что «...фильм Абуладзе был сенсацией на Каннском фестивале. Безостановочный триумф фильма продолжается». Потому что без подобных произведений — правдивых, честных, заставляющих задуматься, заглянуть в собственную душу, невозможно нравственное и интеллектуальное развитие общества.

* * *

В ПРИЕМНОЙ большого начальника молодая измученная женщина с остервенением топчет его портрет. Вдруг открывается дверь, выходит он сам, мощный, словно вылитый из стали, заполняя широкими плечами проем двери. Женщина оцепенела, в страхе расширились ее глаза, и непроизвольно, сама не ведая того, что творит, медленно опустилась она на колени, прильнула губами к руке грозно возвысившегося над нею человека-монумента. А тот, брезгливо перешагнув через нее, как через вещь, пошел дальше, вперед, отметая на своем пути все и вся.

Да, Варлам Аравидзе не остановится ни перед чем, даже если это — прекрасное женское существо, перед которым не так давно он сам стоял на коленях, играя роль приобщенного к истинной красоте поклонника.

Персонифицируя в образе Варлама Аравидзе действенное зло, Тенгиз Абуладзе в фильме «Покаяние» продолжает экранное художественно-визуальное воплощение проблемы добра и зла, которая звучит в последней части трилогии (первые две — «Мольба» и «Древо желания») с особой силой, раскрывая в художественных образах страшные последствия «философии» вседозволенности.

Режиссерское мастерство Тенгиза Абуладзе, его умение мыслить символично, метафорично с предельной очевидностью проявилось именно в этой трилогии. Первые фильмы режис-

сега выражали иную тенденцию. На том этапе развития грузинского кинематографа (вторая половина 50-х — начало 60-х годов) как раз тяготеющая к документализму «прозаическая» стилистика была новаторской, разрушающей старые стереотипы.

Начиная с «Мольбы» стилистика Т. Абуладзе видоизменяется, киноязык становится символическим, метафорическим, поэтически-живописным, приобретая в «Покаянии» логическое и глубинное развитие на стыке реального и ирреального, видения и действительности. Все переплетается в нем, границы жанров раздвинуты, время обобщено, абстрагировано, гротеск смело врывается в поток жизни, бытовые реалии приобретают метафорическое значение, острая ирония пронизывает отдельные эпизоды, сатирические элементы вплетены в бытовую обстановку, эксцентрические, фарсовые приемы соседствуют с реалистической манерой повествования.

С самого же начала этого многопланового, многотемного и обобщающего фильма авторы предлагают странную интригу: некто совершил дикий, не поддающийся логическому объяснению поступок — вырыл из земли погребенный труп и прислонил его к дереву перед богатым домом сына.

Эта заявка дает основание для разных толкований того, как, по какому руслу потечет последующее повествование. А столь интригующий зачин держит зрителя в напряжении, втягивает его в чисто сюжетную заинтересованность. Авторы же постепенно, кадр за кадром, мастерски создав композиционные «кольца», насыщают их конкретными и глубинными проблемами, заставляют нас задуматься над важным вопросом злоупотребления властью, над сложной проблемой мести и всепрощения, над внутренним мучительным процессом раскаяния, покаяния.

Вскоре выясняется, что осквернитель праха — Кетэван Баратели (З. Боцвадзе), с злоключениями которой мы и знакомимся на судебном процессе.

Облик безучастных представителей закона, не желающих вникать в суть происходящего, настолько остро-гротескный, что кажется, они сошли с литографий Домье. Будто и не им надлежит вершить правосудие, словно приговор давно уже известен.

Одетая довольно странно для роли подсудимой, в стиле «ретро», сидит эта мстительница, дочь художника Сандро, с которым разлучил ее еще в раннем детстве тот, труп которого так остервенело она выкапывала. Большие грустные глаза вы-

дают все то страдание, что выпало на ее долю. «Не трижды, а триста раз выкопаю» — упорно твердит она.

В этот миг она не похожа на ту, что, равнодушная — в речам судей и адвокатов, будто решалась вовсе не ее судьба, надменно сидела на скамье подсудимых. Одновременно актриса подчеркивает свое отношение и к суду, и к присутствующим. Жизнь научила ее распознавать людской цинизм и коварство. Насмешливо-иронические полуобороты головы в сторону присутствующих, остранный и умудренный жизнью взгляд, бросаемый на вершителей правосудия, и столь же пронизывающе-острый, иронический в сторону Гулико — жены Авеля. И каждый раз, когда их глаза встречались, первой приходилось их опустить именно той, которая формально одержит победу над одинокой и беззащитной подсудимой.

Да, она не рождена мстительницей. С самого раннего детства мать приобщала ее к духовным художественным ценностям, росла она среди картин отца, в атмосфере классической музыки. И вот теперь выкапывает труп (правда, за кадром), срывает тяжелый замок, снимает железную клетку с могилы... Внешне беспомощная, воздаст она должное тирану, для которого наконец-то настал час возмездия.

Что это — воображение, условность, которую мы сразу воспринимаем? Где все же свершился акт мщения и покаяния, в какой плоскости, в каком из пластов фильма? — в действительности или это только спроецированное на экран видение, иллюзия, желание жаждущей отмщения женщины?!

Да, она не была рождена мстительницей, но не рождена она и посредственной личностью, в которую превратил ее серый быт. Трудная жизнь вынудила Кетэван не только брать заказы на выпечку тортов, но и пойти на определенный компромисс. Об этом повествует первый же эпизод, где в одном кадре в дружеской атмосфере помещены почитатель Варлама (Р. Эсадзе) и его жертва, украшающая торт храмом и крестом. Что ж, такова жизнь, так суровы ее неписанные законы. А в финале, стряхнув с себя груз воспоминаний, мечту о мщении, Кетэван грустно и обреченно констатирует: «Это улица Варлама».

А Варлам Аравидзе — реальность, страшная и не столь уж давняя. Пока хоть один человек его защищает, он жив и продолжает разлагать общество.

«Аравин» — по-грузински означает «никто». Аравидзе значит никто. Варлам — «никто», нечеловек с точки зрения нравственной, личностной позиции. Но это — монстр с «ты-

сачью лицами», проглотивший не одну людскую жизнь, раз-
вративший не одну душу, на колени поставивший целое поко-
ление. Аравидзе — кошмарная реальность, которую памятью
Кетэван Баратели воссоздают авторы фильма, призывая на-
вместе с героями «Покаяния» проклясть его, проклиная, про-
зреть, прозревая, покаяться. Так и только так сможем мы
противостоять Варламу и «варламизму». Других методов, кро-
ме нравственной альтернативы, арсенал добра не подразуме-
вает, это его дозволенные методы. В борьбе со злом нельзя
пользоваться его же средствами, даже на время брать их
взаимы. Сотрется тогда принципиальный водораздел между
злом и добром.

Но пока на экране разворачивается история семейств Ара-
видзе и Баратели со своими разными судьбами. Кончается она
самоубийством продолжателя рода Аравидзе Торнике.

Реакция юноши на безнравственный поступок родителей
(помещение Кетэван Баратели в психиатрическую клинику), его
духовное пробуждение говорят о том, что он скорее духов-
ный наследник семьи Баратели, нежели преемник и продол-
жатель аморального кодекса аравидзевского рода. Самоубий-
ство Торнике — акт отчаянья оказавшегося в тупике, еще не
сформировавшегося юного существа, душевное смятение, ра-
стерянность которого и раскрывает такой эпизод. Отягченный
грехами, Варлам боится света. Спрятавшись в бункере, он же-
лает «убить» солнце из несуществующего ружья. Так логиче-
ски завершается жизнь Варлама. Мальчик кидается к камен-
ным стенам, зовет мать, взывает о помощи. Но спасителя нет.

Потом ему, больному, видится танцующая у гроба деда
мать. Так произошло в его сознании смещение ценностей, та-
ким стало его отношение к членам своей семьи. И грезится
ему, что дед не умер, только сладко спит. Торнике понимает,
что он не сможет справиться с посеянным дедом сатанинским
злом. Выход для него, к сожалению, лишь в смерти. Это его
избавление, его покаяние, его протест.

Приходит кара в эту бездуховную, вынесенную волной на
поверхность жизни, мещански затхлую атмосферу. Идет мо-
лодое поколение, еще не успевшее ею развратиться, чуткое на
ложь и лицемерие. И оно не желает жить в ладу с дьяволом.
Смерть Торнике заставила содрогнуться отца, задуматься над
тем, во имя чего так безнравственно строил он свою жизнь,
принимая в наследство от Варлама и блага, и аморальность.
Ни один другой вид противостояния, кроме смерти, не мог бы
сотрясти столь прочно заложенный фундамент, взорвать его

изнутри, вынести на общее обозрение, дабы убедиться в его несостоятельности. И авторы фильма выбрали именно его. Рыдает, причитает, не может совладать с собой отец. Перед лицом трагедии Авель начинает прозревать и страшными библейскими словами проклинает весь род свой, тем самым вынося приговор себе и себе подобным. Безутешна и мать (И. Ницидзе). Понимает ли она, что трагедия свершилась и по ее вине, что это они губят все растущее, еще не до конца сформировавшееся, находящееся в стадии развития?..

Метафорическое мышление режиссера, его «живописный» стиль, часто предполагающий переплетение реального и воображаемого, и есть тот своеобразный способ отображения характерных жизненных пластов, который порой позволяет более подлинно воспроизводить действительность.

Сны персонажей, их видения, выражающие поток сознания в визуальных образах, дополняют, завершают реальную жизнь героев, выявляют их истинную суть, делают зримым драматический внутренний мир персонажей.

В судьбе каждого, даже на миг промелькнувшего действующего лица, вычитывается целый пласт, слой общества. Для этого режиссер порой ограничивается одним сочным мазком, который содержит различные краски и оттенки. Поэтому и рождается желание говорить о каждом отдельном эпизоде, так как он несет на себе отпечаток времени и эпохи.

Эпизод в церкви. Здесь, в этих святых стенах устроена современная научная лаборатория. По радио идет передача из цикла «Великие мыслители мира». Читают завещание Альберта Эйнштейна. В завораживающем пространстве гулко и четко слышно каждое слово: «...Судьба современного ученого трагична... своими сверхчеловеческими усилиями он выковал орудие социального порабощения и уничтожения своей личности. Дело дошло до того, что политические власти надели на него намордник... Нашему миру угрожает кризис, размеры которого как будто не поняты теми, кому дана власть... Чтобы человечество могло выжить, необходимо мыслить по-новому»...

Из высоких узких окон вливаются длинные полосы света. На стенах вырисовываются поблекшие от времени фрески. Лица Нино (К. Абуладзе) и Сандро Баратели (Э. Гиоргобиани) одухотворены. Внутрицерковную таинственную гармонию резко нарушают ядовитые краски лабораторных атрибутов. Здесь же, как символ дьявольской силы науки, скользит девушка, будто сошедшая с полотна Иеронима Босха. Так же

резко и неуместно врывается голос диктора: «А сейчас послушайте легкую музыку». И уже под ее легкомысленные звуки мы заканчиваем вместе с четой Баратели осматривать старинные фрески, вместе с Сандро задерживаемся около возвышенного «Моления о чаше», как бы предчувствуя судьбу художника, который сам выбирает участь испить свою чашу до дна.

Да, человечество многое выстрадало, вытерпело, но вопреки всем превратностям судьбы оказалось жизнеспособным. И как знак темной силы, насилия над свободным духом возникают на экране носители и безмолвные исполнители зла, лишенные лица и выражения, облаченные в железные доспехи. Здесь не имеет значения — олицетворяют ли они истребляющую личность инквизицию, гнет средневековья, фашизм или какое-либо иное кровавое время. Это то, что вечно противостояло личности **творческой, свободной** от отягчающих страстей возвеличения, властвования над другими, порабощения. История преподносила такой личности, подобным людям не одно испытание. Но они были стойки, как и художник Сандро Баратели. Физические страдания не сломили его духа. И палачи оказались бессильны, ибо сила нравственная несокрушима.

За эпизодом в церкви следует сцена визита троих к мэру города.

В идиллической атмосфере зимнего сада проходит этот официальный прием. Мы еще не раз встретимся в фильме с подобной условностью, когда первое впечатление красоты, свободы, раскованности предстанет перед нами своей обратной стороной — замкнутостью, обреченностью, впечатлением тупика, сковывающего дыхание. В застекленных стенах оранжереи видны стражники-роботы в доспехах, которые прислушиваются к каждому шороху, выслеживают каждое движение. В яркой зелени виден граммофон, готовый в нужный момент загреметь, исторгнуть из себя «марш охрипший и одиозный», чтобы довести до последнего предела и без того взвинченную нервную систему, окончательно убедить человека, что он всего лишь винтик огромного механизма.

Барламу надо убрать именно способных и одаренных людей. В них он видит врагов и противников, препятствие для достижения безграничной власти, для превращения всех в безликую толпу, послушно и с восторгом выслушивающую его кощунственные речи. Поэтому, когда его усердный подчиненный пригнал целую машину представителей фамилии Дарбаисели, первым порывом комедианта было сыграть даже перед

подчиненным одну из своих ролей—добродушного благодетеля и отпустить всех, да еще и извиниться, тем более, что не обязательно Варламу держать в изоляции уже «постриженных» безропотно ждущих в машине своей участи «овец». Но потом Варлам милостиво уступил усердному прислужнику, не стал огорчать безмолвное орудие исполнения своей воли. Ведь Доксопуло (А. Амиранашвили) на людях всегда создает ему условия, чтобы сыграть роль благородного покровителя людей, которых «кто-то» незаслуженно обидел. В то же время по подсказке верной секретарши Аравидзе понял, что этот неграмотный неуч Доксопуло может так же уничтожить и его, как в свое время Варлам убрал своего начальника Михаила Коришели.

Выше отмечалось, что стилистика «Покаяния» углубляет найденный в «Мольбе» метафорический, поэтический киномир. На этот раз в отличие от предыдущих картин трилогии Т. Абуладзе предложил нам сложное переплетение разных жанровых оттенков, монтажную стыковку, переброску из подчеркнуто достоверной среды (как, например, очередь близких у окошка тюрьмы) к условно-аллегорическому миру (эпизод очной ставки Сандро и Михаила или же сцена приема в зимнем саду и т. д.). Подобный сложный сплав в одном произведении разножанровых киносистем в грузинском кино наблюдается впервые, хотя известно, что наш кинематограф богат режиссерскими индивидуальностями, внесшими свой самобытный вклад в общее развитие киноискусства Грузии.

Сейчас мы не будем перечислять отдельных режиссеров, принесших славу национальному искусству кино, отметим лишь, что у каждого из них свой не похожий на других киномир, своя стилистика. Но в данном случае речь идет о допущении разных стилистических приемов в одном произведении, создающих поэтическую эстетику «Покаяния»...

Вот, например, кошмарное видение Нино Баратели. Длинные, стиснутые серыми, безликими зданиями, пустынные извилистые улицы. У них нет конца и начала (некоторое время спустя именно по таким подземным катакомбам поведут Сандро к месту его окончательной расправы), а за бегущими по этим улицам супругами едет Варлам в открытой машине и, словно мрачные всадники апокалипсиса, — его личная охрана. Вот супруги Баратели вырвутся из переплетающегося лабиринта улочек, побегут по вспаханному полю, зароятся по горло в пашне и уже, казалось бы, спасенные от погони, хотя похожи на заживо погребенных, соберутся перевести дух, но

не тут-то было. Крестьянин, вспахивавший плугом землю, за- метил их, вскинул испуганно руки и побежал сообщить о бе- дцах уже удалявшимся всадникам.

Радостно сверкнули из-под стекол глаза Варлама, театрально-фарсово раскинул он руки и начал петь излюбленную арию Манрико, фальшивя, как раньше, при своем визите к Баратели. Но на этот раз песня напоминает настоящий рык, разнуданный, эксцентрично-гротескный.

Предчувствие надвигающейся трагедии заканчивается гротеском, которым пронизаны и другие сцены (такие, как визит Варлама к Баратели, митинг в городе и другие).

А рядом с ними соседствуют драматические эпизоды, достигающие трагического звучания, решенные чисто реалистическими, психологическими приемами.

...Взрывают храм. По экранному времени взрыв храма совпадает с кончиной Сандро — Варлам уничтожил одно из основных препятствий на своем «победоносном» пути к славе — художника и вместе с ним храм — символ культуры, добра, символ творческого народного гения. Испуганно вскакивает с постели Нино, иступленно шепчет: «Кети, отца больше нет».

А немного раньше им сообщили, что прибыли бревна с написанными на них именами. Ночь темна. Огромные спиленные бревна, сваленные на земле, как метафора насильственно скошенных, загубленных людских жизней.

Вот у одного из них сидит женщина (М. Махвиладзе). Вокруг грязь, лужи, нагнетающие чувство тоски, безысходности. Женщина в черном ласкает надпись на бревне — имя сына. Слезы ручьями стекают по ее исстрадавшемуся лицу.

Одинокими, маленькими, легко сокрушимыми кажутся мать и дочь на фоне этих бревен. А рядом шум, скрежет машины, обращающей поленья с именами и адресами живых людей в опилки, мощным потоком низвергающиеся в болотную вязь.

...Вконец отчаявшись, приходит Нино Баратели к Елене Коришели. Та держится уверенно, не сомневаясь в справедливости происходящего, полагая, что в ходе великой стройки порой возможны маленькие упущения, в данном случае ошибка произошла с Сандро и Михаилом, но «...с ними разберутся и все будет в порядке» (вскоре выяснится, что, «разобравшись» и с их женами, обеих послали вслед за мужьями). Вдохновенно, возвышенно лицо Елены. Устремив взгляд вверх,

самозабвенно начинает она петь по-немецки «Оду радости» из IX симфонии Бетховена.

Тут наряду с другими приемами режиссер прибегает к методу контраста. Контрастно-ироничен знаменитый текст шиллеровской оды, исполненный Еленой, не вникающей в его смысл. Не к тому призывали Шиллер и Бетховен, что она бездумно-восторженно восхваляет. Н. Закариадзе в этой небольшой по экранному времени роли смогла воплотить типичные черты представительницы той прослойки общества, которая аплодирует всему внешнему, находящемуся на авансцене событий, имеющему в данный момент силу и арену действий.

И как трагическое последствие подобного фанатизма под величественные бетховенские звуки в удачном монтажном стыке видим мы идущего к своему неизбежному концу Сандро Баратели.

Тот же оттенок контрастного приема можно усмотреть в сцене прихода секретарши Варлама к Нино Баратели. И в этой послушной служительнице зла (М. Кахиани) всколыхнулось чувство человеческого сострадания. А через решетчатое окно виден молниеносно призвавший стражников дворник, как бы сошедший с полотна Пиросмани.

Простой грузинский крестьянин, обрабатывающий землю, колоритный персонаж Пиросмани с наивными печальными глазами — и он в роли доносчика. Это ли не ирония судьбы?!

Умение работать с актером, направлять и выявлять его потенциальные возможности всегда было характерной чертой режиссерского мастерства Тенгиза Абуладзе. Каждый исполнитель в картине точно соблюдает сложную стилистику жанровых переплетений.

И все же хочется особо остановиться на исполнительской манере Автандила Махарадзе. В чисто кинематографической традиции актер играет одновременно две роли — отца и сына, в которых поначалу трудно узнаваем. Уверена, что данное экранное воплощение А. Махарадзе — в ряду лучших актерских свершений мирового кинематографа.

Крадущаяся, как у дикой кошки, походка, заискивающая манера держаться, часто переходящая в истерику, подобострастность перед лицом начальства, жонглерски-галантный лоск с целью завоевать женскую симпатию, устрашающий взгляд маньяка за поблескивающими стеклами пенсне в сторону остальных — всем обликом Махарадзе показывает неограниченные диктаторские амбиции Варлама.

Персонифицируя в образе своего героя безграничное зло.

создавая собирательный образ тираниа, актер использует и эксцентрику, и пародию, и гротеск, и фарс. Ведь он один из блестящих исполнителей трагифарсовых, иронически-пародийных спектаклей Роберта Стуруа. Выработанное в театре имени Рушвители мастерство стало надежным фундаментом для работы Абуладзе с актером. В результате на экране создано два характера, два самостоятельных героя с разной пластикой и ритмом. Свобода использования жеста и мимики, виртуозное владение образной пластикой, умение сочно, скульптурно и точно выделять детали предопределили успех конструирования характеров Варлама и Авеля. Хочется надеяться, что это редкое и счастливое творческое содружество будет продолжено и в следующем фильме Тенгиза Абуладзе — в экранизации классика грузинской литературы Ильи Чавчавадзе, где Автандил Махарадзе опять будет исполнять две роли. А пока в содружестве с Р. Стуруа на театральных подмостках им создан оригинальный по трактовке образ Глостера в «Короле Лире».

...Вот Варлам иступленно произносит одну из своих речей. Он уже целиком захватил власть в свои руки, уверенно и самозабвенно, как бы наслаждаясь кощунственностью собственных слов, завораживает притихшую, безмолвную толпу. Крупным планом подаются отдельные лица — все одинаково безропотно, затаив дыхание, устремили на него, властителя и повелителя, широко раскрытый, бездумный взгляд. А он, упоенно брызгая слюной и устрашающе поблескивая стеклами пенсне, слегка растягивая губы в издевательски-улыбкоподобной мине, преподносит им нечеловеческую программу поведения (тут нельзя не сказать об операторе М. Аграновиче, в самых выгодных ракурсах фиксирующем это поразительное актерское перевоплощение).

Авель-Махарадзе — истинный сын своего отца, уже потерявший его неограниченные возможности, поле его деятельности сужено, так как «время сейчас не то», и только в критических моментах он прибегает к криминальным методам отца.

В обрисовке Авеля актер ступшевывает Варламов масштаб и размах, старается выстраивать образ с помощью психологических, не педалированных, не акцентированных штрихов. Чисто «живописные» мазки характеристики Варлама здесь выглядят поблекшими.

Такова, например, сцена, когда Авель и его приспешники обсуждают, как поступить с подсудимой. План у него уже готов, но он не хочет, чтобы все знали, кто его придумал. А

потому умело, исподволь наводит своих «собратьев» на мысль о психиатрической лечебнице. И когда, наконец, один из них выкрикивает: «Она ведь сумасшедшая! Ее место там, в сумасшедшем доме!», — с еле заметным облегчением вздыхает, как бы сбросив с плеч тяжкий груз и едва уловимо ухмыляется — еще одно «дело» сделано!

Автандил Махарадзе показал свои огромные актерские возможности, и сейчас уже слово за режиссерами, как и в каком качестве его использовать.

О фильме «Покаяние» можно говорить по-разному. В данной статье заострено внимание на отдельных эпизодах, ибо его сложный метафорический язык рождает столь же сложные ассоциации.

Самой большой условностью отмечена сцена очной ставки Сандро Баратели и Михаила Коришели. Здесь богиня правосудия Фемида (Р. Кикнадзе) представлена, как и должно, с завязанными глазами, но не для того, чтобы быть беспристрастной, а чтобы не видеть истины, не зреть цинизма следователя (М. Джоджуа), с которым она, кокетничая, уже сыграла свадебный марш в четыре руки, чем и изменила своей миссии беспристрастного судьи.

Михаил Коришели (Нахи Кавсадзе) старается объяснить Сандро причину своего самоговора. Он все еще надеется, что «там, наверху» очнутся и поймут абсурд происходящего. Измученный, несчастный, жалкий человек, потерявший былую уверенность и веру, он с надеждой смотрит на Сандро, желая найти оправдание своей «тактике», «плану спасения». На лоне зеленой цветущей природы еще более страшной и абсурдной видится трагедия этих двух столь разных людей, попавших в одну ситуацию. Но твердый взгляд Сандро как бы отрезвляет Коришели, возвращает его на грешную землю. Дико, иступленно, словно раненый зверь, взывает он, как бы прося прощения, и тут же разбивает голову о белоснежную крышку рояля.

Нельзя идти к истине недозволенными путями, нельзя добиться справедливости хитростью, самооговором, клеветой на других!

Мучителен, трагичен путь покаяния. У разных людей оно проявляется по-разному. В самоубийстве — искупление Михаила Коришели, в самоубийстве юного Торнике Аравидзе — кара за грехи предков, в проклятии своего рода — покаяние Авеля Аравидзе.

Так, постепенно подводят авторы экранное повествование, в котором звучит глас совести, к масштабным обобщениям.

Финал фильма. Легкий стук по стеклу возвращает Кетэван к реальности. Под окном стоит старушка. «Эта дорога ведет к храму Богоматери?» — спрашивает она. На отрицательный ответ удивленно пожимает плечами: «К чему дорога, если она не ведет к храму?!» — и под проникновенную лирически-прозрачную музыку Гуно медленно идет вверх по мощеной улице.

Многозначительное выражение лица персонажа Верико Анджапаридзе, тонус ее реакции, удивленный и умудренный взгляд, походка — все отмечено печатью большого искусства. Одноминутная сцена воплотила в себе основную суть фильма.

ХРОНИКА

«САБАОБА» — ПРАЗДНИК НАРОДНЫЙ

В селе Тандзиа Болнисского района Грузии состоялся традиционный ежегодный праздник «Сабаоба», посвященный памяти великого грузинского писателя, ученого и политического деятеля Сулхана-Саба Орбелиани.

На праздник приехали многочисленные гости из Тбилиси, других городов и сел республики, представители Бершадского района Винницкой области Украины — побратима Болнисского района.

В торжественной обстановке прошло открытие памятника Сулхан-Саба Орбелиани. Президент Академии

наук Грузинской ССР А. Тавхелидзе перерезал алую ленту и перед собравшимися предстал наш великий предок. Скульптор Дж. Джапаридзе изобразил его стоящим на постаменте, в руках писателя — его знаменитая вечная книга «Мудрость вымысла».

На торжественном митинге выступили первый секретарь Болнисского райкома партии Э. Девнозашвили, председатель правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили, редактор газеты «Литературули Сакартвело» Э. Джавелидзе и другие.

Народный праздник «Сабаоба» завершился концертом художественных коллективов республики.

„ПОЭЗИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО...“

НА состоявшемся в Москве заседании Совета по грузинской литературе шел разговор о грузинской поэзии последних лет, о переводах на русский язык.

Со вступительным словом выступил заместитель председателя Совета по грузинской литературе Владимир Оскоцкий, отметивший необходимость расширить масштабы литературных взаимоотношений, переводческой работы, чтобы, как отмечал М. С. Горбачев, широко и своевременно освещать то, о чем думают люди, что их волнует.

С докладом «Гражданственные позиции грузинской поэзии последних лет» выступил критик **Коба Имедашвили**. «У меня создалось впечатление, — сказал он, — что русский читатель знакомится с грузинским поэтическим миром как бы по старой карте, на которой еще не отмечены прекрасные имена. Лишь в последние годы интенсивно переводят стихи А. Каландадзе, только недавно стали готовить к изданию книгу М. Мачавари-

ани, готовится книга Дж. Чарквиани, но все еще ждут своих переводчиков М. Лебанидзе, А. Сулакаури, Н. Адеишвили, Р. Амашукели, И. Орджоникидзе, Г. Алхазисвили, Т. Бекишвили, М. Циклаури... Плохо переведены Т. Чантуриа, Б. Харанаули... Список этот можно продолжить. Некоторые удачные переводы не дают полной картины грузинской поэзии. Потому-то для русских критиков и читателей современная грузинская проза — явление более масштабное, нежели грузинская поэзия. А ведь грузинская поэзия не сдала своих позиций, она достойно продолжает великие традиции... Видимо, недостаточно только своевременно и квалифицированно переводить, необходимо также своевременное и соответствующее освещение картины грузинской поэзии нами, критиками. Хорошо было бы созвать всесоюзное совещание в связи с теми проблемами, которые ставит грузинская поэзия, а проблемы эти весьма значительны, общественно актуальны и остры».

Критик **Светлана Соложенкина** говорила об удачных публикациях в журналах «Дружба народов» и «Литературная Грузия» стихов А. Каландадзе, о переводах стихов Ир. Абашидзе, Ш. Нишнианидзе, а также коснулась проблемы редактирования, которое, по ее мнению, должно способст-

воват повышению престижа грузинской поэзии.

По мнению **Игоря Шайтанова**, переводы грузинской поэзии дают возможность говорить и о методологии перевода — даже в новых хороших переводах ощущается потеря особенностей оригинала, переводные стихи нередко подчиняются собственному стилю и по черку переводчика. Он говорил о переводах стихов Ш. Нишнианидзе, М. Поцхишвили, Х. Гагуа и Дж. Чарквиани. Каждый перевод, заметил И. Шайтанов, должен стать фактом конкретной языковой культуры.

Наталья Иванова заострила внимание на том, что при переводе с одного языка на другой художественный текст — плод «одной культуры» — должен стать одновременно фактом и «другой культуры». Только тогда перевод можно назвать подлинно художественным образцом литературы. Примером такого перевода является, по ее мнению, сборник стихов Г. Гегечкори (пер. Ю. Мориц), изданный «Советским писателем» в 1983 году. В других случаях перевод, как бы мастерски он ни был сделан, остается явлением односторонним. Такими ей кажутся переводы стихов В. Долбая, З. Кухианидзе, Г. Каландия.

Необходимо, подчеркнула Н. Иванова, строгий подбор произведений, которые стоит переводить, хорошо было бы предварять каждый поэтический сборник предисловием, в котором будет сказано о месте того или иного поэта в родной литературе, с учетом реальности, а не на уровне патетической

аннотации. И, разумеется, необходим строгий подбор переводчиков, нельзя, чтоб все все переводили.

Юрий Ряшенцев подтверждает, что переводческая практика отстала от литературного процесса. Живой литературный процесс и переводческая деятельность находятся на разных уровнях. К сожалению, сегодня издательской системе требуется другая литература. Н. Иванова, продолжает Ю. Ряшенцев, подходит к оценке сборников переводов с подлинно высокими критериями, и она права. Однако в издательствах, судя по всему, другие критерии, и на общем фоне русская книжка стихов В. Долбая ничем не хуже других.

Ю. Ряшенцев остановился на проблеме перевода верлибра, заметил, что переводить верлибр сложно, так как для русской поэзии верлибр — не традиционная форма.

Владимир Еременко требует от переводчиков верности высоким критериям. Примером такой верности, на его взгляд, могут служить переводы стихов Г. Леонидзе, Г. Гегечкори, Х. Гагуа (переводы С. Борисова). В грузинской поэзии, по его словам, плодотворно работают Ю. Мориц, Вл. Леонович, Ян Гольцман, Н. Соколовская.

Элисо Джалиашвили считает, что уже время говорить о молодых, которые пришли в поэзию за последние годы. Необходимо: собираться для разговора о переводах ежегодно, изъять из практики издания в Москве случайных сборников, получать информацию из

Грузии, как это делает Прибалтика, о процессах в национальной литературе. Может быть (это было бы хорошо больше для молодых), вместо отдельных сборников издавать небольшие антологии?

Владимир Леонович подчеркнул, что определенные штампы в переводе грузинской поэзии лишают ее непосредственности. Но есть и удачи, хорошо переведены, к примеру, Н. Гениной стихи Т. Бекишвили (кстати, в «Советском писателе» готовится к изданию его книжка стихов), плодотворно работает поэт из Челябинска Сергей Борисов.

Роман Миминошвили, главный редактор журнала «Литературная Грузия», говорил о текущих процессах в грузинской поэзии. Он считает, что хотя верлибр и конвенционный стих взаимобогащают друг друга, все-таки выразителем грузинской поэтической души является конвенционный стих, который сегодня ищет новые изобразительные пути, и переводчикам необходимо это учитывать. Он говорил также о том, что гражданские и лирические стихи должны оправдывать свое высокое назначение, о том, что пришло время для большого делового и откровенного разговора о проблемах грузинской поэзии: сегодня иначе нельзя.

Анаида Беставашвили заметила, что в Москве в магазине национальной книги нет грузинских книг. Хорошо было бы подготовить и издать новую антологию грузинской поэзии. Неплохо бы вспомнить и возродить традиции изучения в Рос-

сии грузинской культуры, систематического перевода лучших образцов литературы. В этом деле много неполадок. Если даже двухтомник О. Чиладзе переходит из плана 1986 года в план 1990 года и становится однотомником, то что говорить о других поэтах? Что делает Совет, которому несомненно надо активизировать свою работу? Почему на сегодняшнем заседании Совета нет людей, которые в издательствах вершат переводческую политику? Совет по грузинской литературе наделен большими полномочиями, и стало быть на него возложены серьезные обязанности.

Джансуг Чарквани поблагодарил за помощь и поддержку во время стихийных бедствий, обрушившихся на Грузию, за организацию работы Совета. Заметил, что было бы хорошо, если бы на Совете шел разговор о переводах не только после выхода того или иного сборника, а до того, как книга пойдет в производство. Ни одно дело, связанное с переводом грузинской литературы, не должно решаться без вмешательства Совета, тогда мы будем гарантированы от многих случайных переводов.

Реваз Мишвеладзе как редактор журнала «Критика» предложил выступавшим страницы журнала, поскольку считает, что серьезный и деловой разговор на Совете должен быть известен широкой читательской общественности.

Нодар Гурешидзе отметил, что перестройка должна коснуться всех областей нашей жизни, в том

числе и переводческой работы, ибо художественный перевод — это важнейший фактор на пути взаимопонимания, взаимосближения, дружбы.

Владимир Оскоцкий поддержал предложение К. Имедашвили о созыве специальной совещания по вопросам грузинской поэзии, сказал

о необходимости оживить работу пицундских и габринских семинаров. Он поблагодарил выступавших, гостей, прибывших из Тбилиси, и высказал надежду на то, что подобные встречи послужат благородному делу популяризации грузинской литературы.

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Завершилось издание Грузинской Советской Энциклопедии, что, несомненно, является значительным событием в культурной и духовной жизни грузинского народа. В этом универсальном издании участвовали крупные ученые и государственные деятели, работники культуры, партийные и общественные деятели, полиграфисты.

В год 70-летия Великого Октября грузинский народ получил энциклопедию на родном языке, в которой отражены все основные области человеческого знания, многовековое прошлое и сегодняшней день Грузии.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Джумбер Патиашвили встретился с коллективом Главной научной редакции Грузинской Советской Энциклопедии и тепло поздравил всех сотрудников с завершением выпуска столь значительного издания.

Состоялась беседа, во время которой были затро-

нуты актуальные задачи, стоящие перед творческой интеллигенцией — активной участницей происходящей в нашей стране перестройки. Высоко был оценен многолетний труд большого, слаженного коллектива, возглавляемого поэтом-академиком Ираклием Абашидзе.

На встрече подчеркивалось, что завершение издания энциклопедии совпало с юбилейным годом Ильи Чавчавадзе. Великий грузинский поэт и общественный деятель в свое время мечтал о том дне, когда Грузия будет иметь нескольких инженеров и агрономов. Революционные преобразования, происшедшие за годы Советской власти в Грузии, все ее достижения нашли всестороннее и глубокое отражение в томах энциклопедии.

Не одно молодое поколение с благодарностью будет произносить имена тех, кто стоял у истоков рождения Грузинской Советской Энциклопедии.

ХРОНИКА

Литературная весна

И ТАК, продолжаем начатую в № 4 журнала рубрику «Поле зрения». На этот раз мы дадим краткую информацию о прозаических и поэтических произведениях, опубликованных в весенних номерах 3, 4 и 5 журналов «Мнатоби» и «Цискари», а также на страницах газеты «Литератури Сакартвело» за этот же период.

В №№ 3 и 4 «Мнатоби» продолжается и заканчивается публикация романа Отара Чиладзе «Мартовский петух». Как нам кажется, это одно из самых значительных произведений, опубликованных в нашей периодике за последнее время. В короткой обзорной статье нет возможности дать разбор этого сложнейшего и интереснейшего романа. Мы надеемся, что в ближайших номерах нашего журнала появится возможность более подробно поговорить об этом произведении. Пока же ограничимся пожеланием, чтоб роман как можно быстрее увидел свет на русском языке.

Закончилась публикация романа молодого грузинского прозаика Гури Петэлава «Приговоренный жить» об

истории села Одабадэ («Цискари», №№ 3, 4).

Грузинский читатель имел возможность познакомиться еще с одним романом опять же молодого грузинского прозаика Нодара Коберидзе «Белая улыбка» («Цискари», №№ 4, 5). Жизненные перипетии героя романа, врача Гурама Саванели, волею судеб ставшего режиссером, вызывают неослабный интерес читателя. Гурам Саванели пишет сценарий и ставит фильм о своей жизни. Тяжелобольной он торопится снять его, поскольку считает это главным делом своей жизни. В ходе съемок он постепенно убеждается, что прожил жизнь совсем не так, как хотелось бы. Его гнетет мысль о том, что он часто шел на компромиссы, на уступки, поступал не так, как поступил бы сейчас, будучи умудренным некоторым жизненным опытом. По ходу передельывая сценарий, он в споре со своим ассистентом, недовольным этим, говорит: «Быть может, мы и плохие, но «делаем» себя для других, мы должны быть на высоте». Гурама Саванели окружают люди, легко относящиеся к жизни, не задумывающиеся над ее смыслом, проводящие время в увеселениях и развлечениях. И у Саванели по инерции нет времени остановиться и задуматься — он тратит себя, как оказывается, на пустяки, оставляя в стороне главное. И только на киностудии или поздно по-

чью дома, когда он берется за сценарий и перед ним разворачиваются кадры из его жизни, он понимает, что поступал совсем не так, как нужно, и делал не то, что нужно. Но у него уже нет ни сил, ни времени изменить что-либо. Мы расстаемся с героем в момент, когда он едет в Батуми снимать очень важный для него самого и для фильма эпизод, который он задумал изменить. И ему кажется, что изменив хотя бы этот эпизод, он тем самым, может быть, изменит что-либо в своей жизни. Но все слишком поздно — он умирает в поезде от сердечного приступа. Роман, как нам кажется, важен и актуален для поколения уже не очень «молодых». Он словно бы призывает: остановись! Подумай, не пожалеешь ли ты в дальнейшем о содеянном тобой сейчас?

В «Мнатоби» (№ 5) напечатан новый роман Фридоны Халваши «Мое и твое». Опубликована лишь небольшая часть, и только в следующем обзоре мы будем иметь возможность коротко рассказать о нем.

В одном из номеров «Литератури Сакартвело» предлагает отрывок из нового романа Чабуа Амирэджиби, который читатель давно с нетерпением ждет. Отрывок называется «Гбра Мборгали», по имени каторжанина, совершившего побег из далекого таежного лагеря.

Повесть Маки Джохадзе «Сосны в пустыне» («Мнатоби» № 3) посвящена памяти известного грузинского критика и литератора Отиа Пачкория. Она повествует

о трагической судьбе человека, его жизни, проведенной вдали от родины, в «безлюдной пустыне сосен», куда он попал девятнадцатилетним юношей. Вместе с героем, от имени которого ведется повествование, мы попадаем в жестокий бездушный мир, познаем ужасы лагерной жизни. После девяти лет лагерной жизни, в двадцать семь лет он утратил желание жить, отчаялся, возненавидел своего товарища по несчастью лишь за то, что тот спас его от гибели в бессмысленной и жестокой драке. Его решение умереть твердо и непоколебимо, он идет к болоту, чтоб там покончить счеты с мучительной для него жизнью. И тут происходит его встреча с медвежонком, потерявшим мать. Эти два отчаявшихся существа находят утешение в друг друге и уже не имеют права (или желания?) умереть. Так они и живут вместе в лагере, черпая силы в друг друга. Но вот приезжает в лагерь «на заработки» женщина, которая вдруг, как и медвежонка, проникается доверием к герою и просит помочь ей бежать от озверевших, потерявших человеческий облик мужчин. Побег удался. Не замедлила последовать и месть. Один из заключенных перерезал горло медвежонку и в смертельной драке с Алексием (другом героя, вторым спасшим его от смерти) убивает его и погибает сам.

Рассказы, появившиеся на страницах литературной прессы в весенние месяцы, отличаются многообразием и различными художественными достоинствами.

С рассказами выступают и маститые писатели (О. Чхеидзе «Аванс»), и совсем молодые (М. Аракишвили «Как я во сне искала отца»).

Алеко Габелая опубликовал рассказ, окутанный дымкой таинственности и особого настроения — «Иосиф ушел» («Цискари», № 3). Под вечер 2 января — день, который зовется у нас «днем судьбы» и имеет особое значение (то, что происходит в этот день, по поверью, наложит отпечаток на весь год), — в дом к бездетной супружеской паре впервые за много лет поступался гость. Читатели, как и сами хозяева, так и не узнали, откуда явился и куда исчез этот добрый волшебник Иосиф с отталкивающей внешностью и странной философией. Иосиф вдохнул жизнь в этот дом, в котором давно поселились тоска и одиночество, терзающие супругов, заставил по-новому взглянуть друг на друга Еву и ее мужа, избавил их от однообразия и печали, на которую, как им казалось, они были обречены навсегда, вернул им бывшее счастье и любовь.

Мечтательный, как говорится, не от мира сего Генга («История Генги» Гиви Берадзе, «Цискари», № 3) весь погружен в воспоминания о далеком детстве, которое он провел с любимой бабушкой, о первой любви — девушке Леле, которой он так и не посмел сказать, что любит ее. Она и сейчас у него перед глазами, стоит на тропинке, манит за собой, как в тот день, когда он не решился пойти вслед за ней. Стараясь убежать от повседневной гру-

бой действительности — от семьи обжоры-брата, где его заставляют работать как батрака и постоянно пилят за безделье, он весь отдается мечтам. Та тропинка, на которую ему не суждено было ступить, всю жизнь мучит и манит его. Она — как последний шанс в его жизни. А, может, он рискнет и когда-нибудь пойдет по ней?!

Народный артист республики, руководитель ансамбля «Рустави» Анзор Эркомайшвили выступает в роли автора исполненной теплоты и любви «Повести об учителе Гиви» («Цискари», № 4). Это пронизанное грустью и благодарностью воспоминание о первом учителе — Гиви Лордкипанидзе, который научил приехавшего из гурийской деревушки мальчика не только любить и понимать музыку, но и быть строгим и неумолимым судьей своим поступкам. На всю жизнь сохранили ученики добрую память об учителе Гиви, который оказывал и моральную и материальную помощь ставшим ему родными мальчикам. Перед читателем предстает человек высоких нравственных достоинств, скромный, но незаменимый сотрудник прекрасного, каким он остался до последних дней своей жизни.

Джемал Топуридзе не прожил и тридцати. Его краткая жизнь стала примером истинной человеческой и писательской порядочности. Немного он остался после себя, но то, что он успел написать, говорит о его незаурядном таланте. В его архиве остался короткий рассказ, который

называется «Для тех, кого оставил отец!». Маленький мальчик, который безумно любит отца и не знает, как отомстить ему за то, что он оставил его и мать, — вот и вся премудрость рассказа, а сколько боли и слез он вместил! Услышав плач ребенка, новорожденного своего брата, мальчик убегает из нового дома отца. В ярости и отчаянии на сколоченных наподобие креста досках он выводит черной краской слово «отец», и через весь город несет этот крест, высоко подняв его, на кладбище: «На улице остановилось движение, люди удивленно смотрели на маленького мальчика, который в снежную новогоднюю ночь, идя посреди улицы, нес высокий крест с черной надписью на нем «отец». На кладбище он вырыл небольшую ямку руками, помогая себе основанием креста, и с трудом установил этот зловещий символ своей ненависти. И тут он вдруг почувствовал, что вся его ненависть испарилась. «Папа, — произнес я и посмотрел на крест, потом подошел к нему осторожно, крадучись, встал перед ним на колени и обнял его обеими руками, словно обнимал отца. — Папааа, — оплакивал я мертвого, но очень любимого отца...».

С этим рассказом перекликается по тематике другой «Как я во сне искала отца» (Марина Аракишвили, «Цискари» № 4). Это лирическая повесть о несчастной любви, о юноше, погибающем от неизлечимой болезни и даже в последние минуты своей жизни не забывающем об отце, кото-

рый его когда-то бросил «предал».

«А вы продолжаете?» — рно допытывается, кто спас Грузию?» — этой фразой заканчивается рассказ «Марта» Годердзи Чохели («Литературули Сакартвело»). Это рассказ о женщине, сделавшей трагический выбор между родиной и только что рожденным ею сыном, рассказ этот о тех далеких временах, когда лезгины похищали и угоняли в плен грузинских женщин и детей. Она убежала из плена словно бы для того, чтобы с перевала в последний раз в жизни взглянуть на любимую родину, — там на перевале ее настигла пуля преследователей.

Известный грузинский писатель Реваз Джапаридзе обращается к сельской тематике («Кривой Миха»). Честный труженик кахетинец Миха основал маленькое кирпичное производство у себя в селе. И себе, как говорится, хлеб на пропитание добывал, и людям пользу приносил. Но кому-то из «высоких» руководящих товарищей показалось, что он чересчур обогащается «за счет трудящихся». И Миха «проучили», отправили в тайгу валить лес. Но времена изменились, вернулся и Миха. И вот уже его просят открыть кирпичное производство, в котором столь сильно нуждается район. За время «отсутствия» Миха кирпич возили из далеких мест, и только тогда все поняли, каким нужным делом занимался Миха.

О «заботах» и «трудностях» жизни шестимесячного ребенка пишет Гиви Ма-

тулария («Выслушайте меня хоть раз, люди!»). Рассказ написан с большим чувством юмора, есть здесь и наставления молодым родителям.

В № 5 «Дискари» печатается повесть Мананы Амирэджиби «Куда бы ты ни пошел...». «Объявление: В феврале недалеко от города сдаю по сходной цене благоустроенный дом с четырьмя двухместными комнатами и камином в гостиной. К услугам тех, кто не знает, где провести свободное время, теплое жилье, питание, интересная библиотека и снег. Мужчины могут поохотиться...». По этому объявлению в домик недалеко от города стали съезжаться одинокие неустроенные люди, каждый со своей судьбой. Опубликовано лишь начало этого интересного произведения, окончание следует.

«В ту ночь я сидел на широкой веранде дома, откуда открывался вид на то уютное мирное и доброе село. Я никогда не чувствовал столь счастливого одиночества, мир притих в удивительной бесконечной гармонии, тихая ночь нежно ласкала меня, вдалеке виднелись безоблачные сумеречного цвета горы...» (Гурам Схиртладзе, «Яма»). И вдруг эту удивительную гармонию, благостную тишину, которая царит окрест, пререзает ужасающий рев. Человек бросается на помощь и видит... корову, которую задрал медведь. Она доверчиво, словно прося о помощи, приближается к нему и при свете луны человек видит огромные сле-

зы, которые катятся у коровы из глаз.

Наутро в деревне шумное оживление. Медведь — виновник тревожной ночи убит, корову той же ночью зарезали, и теперь село готовится к пиршеству. Хозяину коровы, как водится, собрали половину ее стоимости. Отчаянные, молящие о спасении глаза коровы с распоротым боком и веселье толпы, сидящей за пиршественным столом, настолько не увязывались в сознании героя рассказа, что он вышел из-за стола со скандалом, зарекомендовав себя человеком, не умеющим вести себя за столом и буйным в пьянстве. Долго еще в городе воспоминание это преследовало его, не давая покоя. Прошло время, которое, казалось бы, сгладило все. Но вот внезапно на героя накатила неизвестно откуда взявшаяся тоска. Его стало преследовать странное видение, на которое он поначалу пытался не обращать внимания. Но как-то раз, не выдержав, он погнался за этой тенью и впотьмах попал в вырытую кем-то яму. Долго он пытался выбраться из нее, но тщетно, и уже потерял надежду. Время от времени на краю ямы появлялся человек, который внимательно наблюдал за ним, не делая попыток помочь ему, несмотря на просьбы. И тогда, отчаявшись, герой смирился и ушел в воспоминания о далеком детстве и вспомнил все, что сделал плохого в жизни, и понял, что он так же жесток и бессердечен, как «жестоки и бессердеч-

ны» окружающие его люди. Произведение это, безусловно, заслуживает пристального внимания, психологичность его и достоверность переживаний героя не могут не вызвать сопереживания читателя.

В маленькой деревушке неустанно льет дождь, который вселяет неясную тревогу и тяжелое предчувствие в участкового инспектора Джото Гвилава. Все наихудшие его опасения оправдались — девятиклассник Заза Чимакадзе убил своего друга Мамуку Лежава («Три рассказа об одном убийстве» Джемала Кириа, «Мнатоби» № 5). Рассказ написан динамично, читается с интересом. Он поднимает множество важных вопросов воспитания молодежи. Молодежь... Какая она нынче и какой ей быть?! Это, пожалуй, самая актуальная и важная проблема нашей современности. Именно ей уделяется сейчас наибольшее внимание, о ней пишутся исследования, снимаются фильмы. Нравственному перевоспитанию молодежи посвящают свои произведения известнейшие писатели современности. Посильный вклад в это благородное дело вносит и грузинская литература. Все разбираемые нами произведения так или иначе поднимают именно эту острейшую проблему — проблему нравственного и патриотического воспитания молодежи.

Нет нужды знакомить читателя с Ревазом Мишвеладзе. Исполненные юмора его новеллы «Чонгурист Яго», «Жена», «Биржа»,

«Всадник», «Вопросительный и восклицательные знаки», «Мама» («Цискари» № 5) затрагивают острые проблемы нашей действительности и, вероятно, не оставят читателя равнодушным.

В «Литературили Сакартвело» опубликована подборка зарисовок Реваза Инанишвили «Из настольной тетради». По тематике они все разные, но в равной степени пронизаны лиризмом, грустью и любовью к людям. Как грустна маленькая княжна, которая говорит: «Грузины живут или как им хочется, или вовсе не живут, предпочитают окаменеть, чем жить недостойно», как смешна и трогательна бабушка, которая, не зная, как убедить внуков в пользу знаний, пугает их всякими ужасами.

В миниатюре «Киоты» Реваза Инанишвили действие происходит в 1939 году. В маленькой лачуге умирает тринадцатилетний мальчик, и ему кажется, что он умирает из-за того, что весь оброс волосами, которые ему велел остричь завуч школы. Но денег на стрижку нет, нет их и на еду, и на врачей. И все-таки мальчик выжил благодаря добрым людям: сосед привел к нему парикмахера, а муж тетки — врача. Выздоровев, он понял, что сила духа человеческого берет свое начало «с киотов в глубине души, где навсегда заняли свое место и доктор Монин, и сосед, и молодой парикмахер, и муж тети — добрый, спокойный столляр. Ведь у всего есть свое на-

чало — далекое, далекое и туманное».

Многокрасочна поэтическая весна в нашей периодике. Она представлена поэтами всех поколений, начиная со старейшины поэтического цеха, «голубороговца» Колау Надирадзе и кончая одиннадцатилетней поэтессой Экой Бакрадзе, с которой русский читатель уже имел возможность познакомиться на страницах «Литературной Грузии». Колау Надирадзе выступил с подборкой стихов («Мнатоби», № 4), основная тема которых — любовь к родине и ее достойным сынам, преемственность поколений. «О, сколько времени прошло, и грехи и сожаления остались в дар мне, оставшемуся без наследства, и все-таки мне дают силы жить деяния Руставели и парча лазури неба Акакия!»

В «Литературули Сакартвело» опубликована лирическая поэма юной поэтессы Эки Бакрадзе. Если ее первые опыты в области стиха привлекали детской непосредственностью и искренностью, в поэме «Мой день рождения» звучат уже новые мотивы, новые настроения, исчезла непосредственность, но появилось нечто другое: как видно, юная поэтесса — в стадии поиска. Будущее покажет...

С интересными публикациями выступили поэты старшего поколения: Ирак-

лий Абашидзе, получивший премию имени Галактиона Табидзе за 1986 год за поэтическое произведение «20 стихов Галактиону», Хута Берилава, Джансуг Чарквиани, Анна Каландадзе, Отар Челидзе, Мухран Мачавариани.

На страницах «Литературули Сакартвело» опубликованы стихи народного поэта Абхазии Б. Шинкуба.

В журнале «Цискари» увидели свет стихи известных читателю поэтов, таких, как Вахтанг Джаваддзе, Бесик Харанаули, Гено Каландиа, Тагу Мебуришвили, Далила Бедианидзе, а также совсем молодых, впервые публикуемых, таких как Марина Хмаладзе, Зураб Нармания, Давид Теодордзе, Кетэван Квинтридзе, Давид Такидзе.

Острым ощущением современности пронизаны стихи Михаила Квлицидзе из цикла «Перестройка».

Нестареющей теме войны посвящен цикл стихов Теймураза Джангулашвили «Из памятной тетради».

Стихотворное поздравление в связи с юбилеем посвятил Белле Ахмадулиной Резо Амашукели.

В короткой обзорной статье не представляется возможности охарактеризовать поэтов и их произведения в отдельности, поэтому мы ограничились лишь упоминанием некоторых из них.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Сдано в набор 03.06.87. Подписано к печати 17.07.87 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 10767. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5 000. Заказ 1467. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ПОПРАВКИ

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь),
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

ИНДЕКС 76117

ՀԱՅԿԵՍՏԱՆԻ
ԳՐԱԳՈՒԹՅԱՆ

26-87

87-507

